

Александр Шорин

Град Екатерины

УДК 94(470.54-25)
ББК 63.3(2-4Све-2Ека)
Ш794
ISBN 978-5-6050485-9-6

Александр Георгиевич Шорин «Град Екатерины» 2023г.

Эта книга, которая издается к 300-летию рождения Екатеринбурга, представляет собой итог многолетнего исследования истории Урала, Свердловской области и главного города этого региона. В доступной широкому кругу читателей форме там излагается вся последовательность создания Екатеринбурга, включая малоизвестные факты, а также подробно рассматривается вопрос о том в честь кого назван этот город, и как идентифицируют себя сегодня его жители.

В обложке использована репродукция картины Андрея Алфёрова по мотивам фотонаследия С.М. Прокудина-Горского.

Книга издана при содействии Давыдова А.А.

Содержание

I. Предыстория.....	4
Океан и горы.....	4
Урал и Сибирь.....	5
Пермь Великая	6
Строгановские городки.....	7
Покорение Сибири.....	9
Первые русские поселения Среднего Урала.....	11
Бабиновская дорога.....	14
II. Как Екатеринбург едва не стал Уктусом, а затем Исетском.....	19
Первые заводы Урала.....	19
Кто первый? Каменский и Невьянский горные заводы.....	20
Явление Демидовых: конкуренция частных заводов с казенными.....	22
Татищев и Демидовы: первый раунд конфликта.....	25
Попытка основания Исетского завода.....	28
III. Екатеринбург как проект генерала де Геннина.....	34
Третьейский судья.....	34
Несостоявшийся претендент	36
Второй раунд противостояния Татищева с Демидовыми.....	37
Успешный пиар-проект.....	40
Что в имени твоём?.....	45
IV. Как Екатеринбург стал «столицей Урала».....	53
12 лет правления де Геннина.....	53
Татищев и Демидовы: последний раунд.....	55
Город гранильщиков.....	58
Горный город.....	60
Противостояние с Пермью.....	64
Главный город Урала	66
Советский областной центр	67
От столицы Уральской республики до «столицы Урала».....	68
V. Об искажении истории – намеренном и не очень.....	79
«Датская» история: когда день рождения Екатеринбурга?.....	80
А что с названием?.....	84
VI. Екатеринбург: кризис самоидентификации.....	93
Свердлов и две Екатерины.....	93
Горный собор.....	99
Эпилог.....	103
Приложение.....	112

ГРАД ЕКАТЕРИНЫ

Современный Екатеринбург – главный город Свердловской области и Уральского федерального округа – это миллионный мегаполис, который считается к тому же одним из крупнейших городов России. Помимо этого Екатеринбург давно носит неофициальный, но вполне заслуженный статус «столицы Урала».

Между тем, сами жители Екатеринбурга придумали для своего города несколько сокращенно-уничижительных названий: «Ёбург», «Катер», «Екб»... И часто предпочитают называть его именно так – не зная в честь кого он был назван, не помня его истории.

Поэтому самое время рассказать об истории города так, чтоб вернуть в обиход его гордое имя: Екатеринбург – град Екатерины.

I. Предыстория

Чтобы увидеть полную и объемную картину, прежде чем приступить к рассказу о том, как был основан Екатеринбург, в честь кого был назван, и как приобрел свой статус, нам необходимо сначала рассказать об основных событиях, предшествовавших его созданию.

И начать придется издалека.

Океан и горы

Начнем с геологии. Около 550 миллионов лет назад, в так называемый Кембрийский период, Урала ее еще было, а на его месте располагалась обширная платформа, фрагменты которой сохранились до сих пор (Русская платформа на западе и Восточно-Европейская на востоке). Именно в этот период платформа начала делиться надвое глубинными трещинами, сформировав водный бассейн, похожий на современный Байкал. Вода этого бассейна изначально была пресной, но постепенно заменялась соленой – океанической. Появился новый обширный водоем, напоминающий нынешнее Красное море, и на его основе был образован Уральский океан. Примерно 450-350 миллионов лет назад вдоль окраин этого древнего палеоокеана начали появляться островные дуги, на манер нынешних Курильских островов, океан постепенно начал мелеть, и 330-300 миллионов лет назад прекратил свое существование. В это время происходили мощные столкновения плит Уральского региона с Казахстанским континентом и Урал начал напоминать современные Гималаи. Мелеющий океан образовывал изолированные моря, которые окончательно исчезли в период, который сейчас называют Пермским (300-250 миллионов лет назад).

Для нас в этой истории важно, что современные Уральские горы предположительно

были берегом этого палеоокеана, тогда как Пермский край – его дном. В результате Пермский край стал неистощимым источником древней морской соли, а Уральские горы, которые сегодня считаются древнейшей горной системой в мире, постепенно разрушаясь, вывели близко к поверхности земли неисчислимое количество полезных ископаемых – от железа и меди до золота и платины, от малахита и кварца до алмазов и изумрудов.

И все это, конечно, определило направление развития этих территорий.

Урал и Сибирь

Сегодня мы привыкли к тому, что регион между европейской частью России и Сибирью – это Урал. Но так было не всегда.

Сам термин «Урал» был введен в обиход с легкой руки одого из основателей Екатеринбурга Василия Татищева, который был автором множества научных трудов – то есть лишь в XVIII веке. Споры о происхождении этого названия не утихают по сей день, и в этом виноват тоже Татищев. Как историк, он считал слово «Урал» тюркским и переводил как «пояс», интерпретируя его как «каменный пояс». Сегодня многие исследователи склонны считать это слово башкирским, так как название «Урал», «Орал» и «Араловы горы» упоминалось в русских источниках еще XVII века, но применительно к горам Южного Урала и Башкирии, а вот горы севернее было принято называть «Камнем». Получается, скорее всего Татищев просто расширил понятие Урала, начав называть так весь хребет и прилегающие к нему территории.

Таким образом, вплоть до Татищева, Уральский горный хребет чаще всего называли «Камень» (иногда – «Пояс» или «Каменный пояс»), а западные ученые, ссылаясь на античные еще труды Птолемея – «Рифейскими горами».

А все, что находилось за этим «Камнем» называли «Сибирью». В Москве эту загадочную Сибирь до 1599 года считали иностранным государством, и поэтому ведение дел с этой территорией вел Посольский приказ. Лишь в 1637 году был создан отдельный Сибирский приказ (позже – Сибирская губерния), и Урал стал частью этой губернии. Что же касается деления Урала на «Южный», «Средний», «Северный», «Приполярный» (а также Предуралье и Зауралье), то оно появилось уже много позже – в конце XIX века.

Сегодня же ситуация с делением Урала остается по своему парадоксальной. С одной стороны Средний Урал – это почти повсеместно синоним Свердловской области, но вот карту, где были бы указаны границы между Средним, Северным и Южным Уралом найти практически невозможно – то есть это деление носит условный характер.

Выход же из этого положения предлагают геологи, для которых Средний Урал сильно отличается как от Северного, так и от Южного. Рельеф Среднего Урала настолько необычен, что именно здесь проложила себе путь река Чусовая – единственная из всех, которая течет с востока на запад и пересекает Уральский хребет. Все остальные реки текут с запада на восток.

Для нас эта особенность имеет принципиально важное значение, так как именно благодаря Чусовой и Среднему Уралу, весь Урал стал «опорным краем державы»: ведь именно по Чусовой начали доставлять грузы с Урала в европейскую часть России.

Что же касается границ Среднего Урала, то геологи предлагают считать их от Конжаковского Камня – самой высокой горы всего хребта – на севере, до горы Юрма в Челябинской области на юге. Что же касается границы Среднего Урала на востоке, то она захватывает окраину Западной Сибири, а на западе – восточную часть Пермского края.

Сами же жители Пермского края, часто называют себя «западноуральцами» – основываясь на том, что их территория находится на западном склоне Уральского хребта.

Оттуда-то и началось освоение Урала русскими.

Пермь Великая

Как мы уже упоминали, все территории за Камнем долгое время считались Сибирью, и вообще другим (изначально – враждебным) государством. Территорию же до западного склона хребта занимало средневековое княжество Пермь Великая.

Великопермское княжество (другие названия: Пермская земля, Пермское княжество, Пермь Камская) не нужно ассоциировать с современным городом Пермь, который был основан в 1723 году все тем же вездесущим Василием Татищевым. Упоминания об этом княжестве встречаются еще с XIV века, а его первая столица – Чердынь – известна с 1451 года, то есть с середины XV века. Причем упоминалось оно как самостоятельное государство, хоть и бывшее в зависимости как от Великого княжества Московского, так и Новгородской республики. Столица этого княжества – Чердынь – располагалась в верховьях реки Камы и занимала выгодное положение на важнейшем торговом пути того времени.

Главная русская валюта того времени: «мягкое золото» – пушнина. Этим-то товаром, судя по всему, и интересовались как западные – русские – соседи, которые торговали пушниной с Европой, так и восточные купцы: не случайно на территории Пермского края найдено больше иранской посуды, чем на территории самого Ирана.

Проблем у этого пограничного княжества было не меньше, чем выгод: со стороны хребта и с севера постоянную опасность представляли племена вогулов, с юга – беспокоили башкиры. Кроме того, мимо проходил путь в Золотую Орду, и татары тоже были не прочь обложить пермяков данью или даже сделать княжество частью своей Орды.

Но главную опасность для коми-пермяцкого княжества, как оказалось, представляли соседи с запада – то есть русские, несмотря на то, что формально были ближайшими союзниками, ведь первый известный пермский князь Михаил Ермолаевич был поставлен на это княжество великим князем Московским Василием Темным.

Дело в том, что основное население княжества составляли местные народы – коми-пермяки, а русские среди них были в меньшинстве, и главное – они не мешали им

поклоняться языческим идолам. Все изменилось после того, как прибывший из Москвы епископ Питирим, миссией которого было крещение язычников, был убит нападшими вогулами. Крещение продолжил его преемник – митрополит Иона Московский, который повел это дело уже успешнее, однако князь Михаил Великопермский остался в глазах Москвы непокорным покровителем язычников.

Такое отношение Москвы усугубил сам Михаил, отказавшись поддержать сына и преемника Ивана Темного – великого князя Московского Ивана III – в войне с Новгородом. И Иван III, успешно покорив в 1471 году Новгород, отправил князя Федора Пестрого с карательной экспедицией уже против Чердыни. Разбив пермское войско, Федор заложил русскую крепость в селении Покча, перенес туда столицу Перми Великой. Князя же Михаила доставили в цепях в Москву, где Иван III простил его в обмен на полную покорность, а столица так и осталась – до середины уже следующего, XVI века – в Покче.

Любопытно, что именно Великопермский князь Михаил стал причиной первого появления русских на территории современной Свердловской области. Одним из давних врагов Михаила был князь пелымских вогулов Асыка, который еще в 1455 году убил прибывшего крестить язычников епископа Питирима. В 1467 году Михаил сражался с ним, заключив для этого без разрешения Ивана III союз с вятичами. Союз дал свои плоды: Асыка был разбит и пленен, однако поле этого ему удалось бежать. И вот, в 1481 году, уже после того, как Михаил присягнул Ивану III в Москве, Асыка напал на новую столицу Перми Великой – Покчу. При обороне своей столицы погиб и сам князь Михаил, и несколько его сыновей. После этого русские союзники Перми Великой пошли военным походом уже против Асыки. В 1483 году Иван III послал против него «рать московитов», во главе которой поставил двух воевод: Федора Курбского (Черного) и Ивана Салтыку-Травина. Взяв с собой «служивых людей» Курский и Салтыка в мае отплыли из Устюга и, пройдя по северным рекам, а где-то и волоком, добрались до Пелымского царства, где и разбили войско Асыки, в составе которого были вогулы и урты. Сражение произошло возле Пелымского городка (ныне – Пелым, Свердловской области). Не удовлетвовавшись этим, воеводы двинулись дальше – на Обь, во владения «большого князя» Молдана и других сибирских князей. Согласно летописи, князя Молдана «и других князей югорских» они «поймали и в полон вели». После чего, собрав «большой яsak и заняв без боя столицу югорского князя Пыткаея» повернули назад, и к октябрю вернулись обратно в Устюг, отомстив таким образом за Великопермского князя Михаила с лихвой.

К слову: считается, что вогулами в то время принято было называть народ манси, хотя зачастую так могли называть и других представителей местных коренных народов.

Строгановские городки

В 1557 году при дворе Ивана Грозного Аникей Строганов доложил русскому царю о разведанном пути в Сибирь, который сулил государству выгодную торговлю. За эту услугу Аникей просил наградить его «пустыми» землями в Перми Великой, которые обещал обжить.

Аникей Федорович Строганов – один из крупнейших предпринимателей своего времени, основавший огромный род, представители которого стали потом баронами и графами. Сам же он был младшим сыном солеваренного промышленника из Новгорода, развившего солеваренные промыслы в Сольвычегодске – на реке Печоре. При Иване Грозном получил от царя очень широкие полномочия – в частности, контролировал торговлю русских купцов с Англией, которая вся шла через Архангельск. После получения земель, с двумя старшими сыновьями – Яковом и Григорием, он основал на Каме и Чусовой несколько укрепленных городков: в 1558 году Камгорт (он же Кангор, ныне – Пыскор), в 1564-м – Орел-городок (он же Кергедан, ныне – поселок Орел). Вскоре после постройки второго городка, Аникей удалился от мира и постригся в монахи, оставив свои дела сыновьям.

Главным делом Строгановых было солеварение, особенно прибыльное в Перми Великой, территория которой, как мы уже знаем, раньше была дном Уральского океана, а поэтому запасы соли имела практически неограниченные. Сыновья Аникея Яков и Григорий получили в наследство владения на реках Каме и Чусовой, разрешавшие строить городки без податей и повинностей.

Солеварение приносило солидную прибыль, основываясь при этом на совсем примитивных технологиях: соль просто выпаривали из рассола. Поэтому городки Строгановых росли как на грибах: Нижний Чусовской, Канкар... Вскоре из этих городков образовалось как бы небольшое государство со столицей Орел-городок, которое училось себя оборонять: помимо городков Строгановы строили «острожки» – например, Сылвенский и Яйвенский.

А охранять свои городки им было от кого. В 1572 году восставшие башкиры и черемисы в окрестностях Канкара и Орел-городка убили 87 русских «торговых людей», после чего Иван Грозный приказал Строгановым предпринять карательный поход – «вызвав охочих людей, ходить на них войною и приводить под высокоую руку Царскую».

В 1573 году случилась новая напасть – сибирский хан Кучум, потомок Чингизхана, правивший в Сибири осколком все еще сильной Золотой Орды, от ига которой Русь избавилась 200 лет назад в Куликовской битве – организовал военный поход во владения Строгановых. Большой отряд, собравший татар и присоединившихся к ним местных остяков и вогуличей под предводительством племянника Кучума, воеводы Маметкулы (он же – Мухаммед-Кули), напал на городок на реке Чусовой. Взять его татарам не удалось, а большой отряд, собранный из других городков, смог обратить противника в бегство, однако за дружбу со Строгановыми погибли многие союзники из местных племен. Преследуя татар, люди Строгановых в ответ нападали на поселения остяков и вогуличей, примкнувших к татарам.

По итогам этого набега произошел серьезный разговор Строгановых и Иваном Грозным, в котором царь выслушал их мнение о мерах, которые необходимо предпринять для обуздания татар и их сибирского хана Кучума. Доводы, судя по всему, в чем-то убедили Ивана Грозного: в 1574 царь даровал Строгановым грамоту на новые территории за Камнем на реках Тобол, Иртыш и Обь. Вот только воспользоваться этой грамотой ни

Якову, ни Григорию не довелось: оба скончались в 1577 году.

Дело продолжили другие представители рода Строгановых: младший из сыновей Аникея, Семен (к слову – долго враждовавший с Яковым и Григорием при их жизни), и два его племянника: сын Якова Максим и сын Григория Никита.

Максим и Никита осваивали новые территории, ставя городки и остроги на реке Чусовой, главный из которых так и назывался – Чусовской. О их страданиях от набегов, и не только татарских, можно прочесть в царской грамоте того времени: «Били нам челом Семен да Максим Строгановы, а сказали: приходил деи пойною Пелымский князь с вогуличи на их слободы и деревни многие выжгли, ...и ныне деи Пелымский князь с вогуличи стоит около Чюсовского острогу...». При этом старая вражда Строгановых между собой продолжалась: в той же грамоте Семен и Максим жаловались на Никиту, который, владея городками на Каме, «не подал им никакой помощи», на что царь сделал Никите выговор, велел «стоять за один» с родственниками.

Устав защищаться от многочисленных набегов, Семен и Максим Строгановы, уже не надеясь ни на царя, ни на родственников с Камы, позвали на помощь волжских казаков во главе с атаманом Ермаком. Так начался легендарный военный поход, даровавший русскому царю Урал и Сибирь.

Покорение Сибири

Имя казацкого атамана Ермака Тимофеевича, как и его сибирский поход, уже так обросли легендами, что их становится сложно отделить от фактов. Тем не менее, основное ясно: приглашенный на службу Строгановыми атаман имел боевой опыт, собственную дружину и проблемы с законом. По сути, дружина Ермака – это «лихие» люди, многие из которых были заочно осуждены за различные преступления на смерть и промышляли организованным разбоем. При этом размер их «разбойничей шайки» – более 500 человек – делал их серьезной силой.

Каким-то образом Строгановым удалось договориться с Ермаком о сотрудничестве. И дело было не только в деньгах: помимо денег у них была дарованная царем грамота на территории «за Камнем», которая как бы легализовала этот поход в глазах государства. Конечно, это была авантюра, но авантюра высшей пробы, ибо целью похода была – не больше ни меньше – столица Сибирского хана Кучума, Кышлык (Искер).

Впрочем, были ли с самого начала планы Ермака настолько грандиозными – доподлинно неизвестно. Однако, с учетом того, что Строгановы присоединили к пяти сотням казаков триста своих «ратных людей», помогли построить струги и вооружили самым современным оружием того времени – ружьями, аркебузами, пищальями и даже тремя пушками, в числе которых была даже семиствольная пушка с собственным именем «Сорока» – шансы у них были.

Поход, начавшийся в сентябре 1581 года, с самого начала подготовил его участникам испытания. Поднимаясь вверх по реке Чусовой, казаки, дойдя до хребта, вынуждены были

остановиться на зимовку. Кроме того, на стругах оказалось невозможно перейти через горы, и они были вынуждены переправляться волоком. Точное место зимовки неизвестно, также как неизвестно доподлинно, удалось ли переволочь через хребет тяжелые струги, или пришлось строить новые.

Первая же стычка произошла с противником у казаков уже весной следующего – 1582-го – года: с татарами князя Епанчи, в районе современного Туринска (Свердловская область). Итог этой стычки обнадеживал: с помощью пищалей и пушек казакам легко удалось справиться с лучниками, после чего они разграбили и сожгли юрты этих кочевников.

Дальше история дружины Ермака очень напоминает историю испанского конкистадора Кортеса, который – всего за полвека до этого – с отрядом из нескольких сотен отчаянных испанцев смог завоевать Мексику, сражаясь против тысяч индейцев. Первое серьезное сражение казаки приняли в устье реки Туры, где им противостояло объединенное войско из шести татарских князей. После нескольких дней боев, победа и богатая добыча досталась людям Ермака. Пройдя за весну и лето весь современный Урал, к осени Ермак занял Кышлык – столицу Сибирского ханства.

Через пять лет в нескольких верстах от бывшей столицы Кучума будет заложен городок – первая русская столица Сибири, Тобольск. Однако, после взятия Кышлыка, Ермаку было рано еще думать о постройке новых городов: сражения с татарами перешли в фазу «партизанской войны» – сибирские татары начали нападать из засад. Именно так на Алабацком озере отряда Маметкулы (того самого, что ходил походом на городки Строгановых) погиб целый казачий отряд, однако в начале следующего года Маметкулу удалось разгромить и захватить в плен.

К декабрю 1582 года Ермак, уже осознав, насколько важную победу ему удалось совершить, отправил собственное посольство в Москву, которое возглавил его ближайший помощник, атаман Иван Кольцо. Царь Иван Грозный по достоинству оценил важность приобретения новых земель и одарил посланцев дарами, в числе которых лично Ермаку была отправлена кольчуга великолепной работы, а также отправил на помощь казакам дружину во главе с князем Семеном Болховским.

Продолжение этой истории, было, к сожалению, куда менее триумфальным. Стрельцы во главе с Болховским, которых привел Иван Кольцо, добрались до Ермака, обжившего Кышлык, лишь в 1583 году. Прибывшие не привезли с собой продовольствия, которое пришлось оставить с частью отряда на полпути. Кроме того, князь со своими людьми явно претендовал на власть, и казаки отказались снабжать стрельцов собственным продовольствием, которого тоже не хватало. В итоге никто из отряда Болховского, включая самого князя, не пережил голодную зиму.

Между тем, «партизанская» тактика татар стала давать куда более ощутимые плоды, чем лобовые сражения – Ермак одного за другим терял своих лучших людей. Первым из его атаманов погиб, попав в засаду, еще в конце 1582 года, атаман Богдан Брязга. В 1583 году был убит в бою Никита Пан. Еще до голодной зимы 1583-84 годов погиб из-за коварства татар прибывший вместе с Болховским из Москвы

посланец к царю Иван Кольцо.

А в августе 1585 года погиб и сам Ермак, попавший с небольшим отрядом в засаду в устье Вагая. По легенде, его погубила кольчуга, подаренная царем: из-за ее тяжести он, спасаясь от преследования, не смог доплыть до струга, и утонул.

После гибели Ермака все было настолько плохо, что очередной отряд из Москвы, прибывший под руководством Ивана Мансурова на помощь Ермаку, добрался до Кышлыка, но обнаружил, что казаков там нет, а татары готовятся брать военный реванш. Не рискуя вступать в бой, Мансуров повел свой отряд на поиски казаков, но так и не нашел их, после чего, перенеся тяжелую зимовку и несколько стычек с остяками, вернулся обратно в Москву, так и не оставив в Сибири гарнизон.

Однако, запущенная Ермаком русская экспансия в Сибирь оказалась уже неостановима: по проторенному им пути прибывали новые отряды, а первые два русских города – Тюмень и Тобольск – стали опорными пунктами этой экспансии.

Последним из атаманов Ермака погиб, защищая Тобольск, Матвей Мерещак, который считается основателем уральского казачества. Впрочем, по другой версии, Матвей был арестован в Самаре за разбой и публично повешен вместе со своими товарищами – история России знает и не такие кульбиты.

Что же касается главного врага Ермака, хана Кучума, то тот, в результате многочисленных поражений, «потерял лицо» в глазах собственных соплеменников, и был в конце концов своими же и удушен тетивой от лука в 1598 году. Его наследники пытались продолжать сопротивление и восстановить Сибирское ханство, но успеха в этом уже не добились.

Первые русские поселения Среднего Урала

В 15 километрах от современного Нижнего Тагила находится скала Медведь-камень. Если по трассе на Серов доехать до кафе с тем же названием, через пару километров свернуть на лесную дорогу, и хорошенько поплутать в ее окрестностях, то можно найти вкопанный в землю прямо посреди лесной поляны деревянный крест. Крест этот довольно большой – выше человеческого роста, но уже потускневший от времени, и настолько заросший травой, что его сложно обнаружить, даже если находишься от него в нескольких шагах. На кресте нет ни таблички, ни надписей. И только если очень присмотреться, рядом с ним можно найти еле видимые следы каких-то раскопок. Тем не менее, если вам все это удалось обнаружить, то перед вами место, где было первое русское поселение на территории Свердловской области – Верхнетагильский городок.

Городок был основан тем самым князем Семеном Болховским, который был в 1583 году отправлен Иваном Грозным на помощь казакам Ермака в Сибирь. Известно, что в отряде Болховского были «казанских и свиянских стрелцов сто человек, да пермич и вятчан сто ж человек и иных ратных людей сто человек». Городок был заложен отрядом Болховского как временный перевалочный пункт – там князь оставил часть ратников и

почти все запасы провизии, а воеводой городка назначил нижегородского боярина Рюму Языкова, сам же с основными силами отправился дальше в Сибирь.

Дальнейшую судьбу основного отряда Болховского мы уже описывали выше, и она трагична: без припасов все они не смогли пережить зимовку и погибли от голода. Что любопытно, не менее трагичной оказалась судьба и Рюмы Языкова – он со своими стрельцами от голода не страдал, но в историю вошел нелепой смертью: был загрызен камышовым котом, которого сам же привез из Казани и держал как домашнее животное. «И тот кот спящему ему горло переяеде и до смерти заяеде в том городке», – так пишет об этом автор Сибирского летописного свода.

В 1588 году Верхнетагильский городок уже прекратил свое существование – гарнизон его был переведен на реку Лозьва, где был поставлен Лозьвинский городок. Само же место, где он стоял, нашли лишь в XVIII веке – благодаря историку Герхарду Миллеру и его труду «История Сибири», изданному в 1750 году. Сам Миллер ученым был академическим и описание составлял с чужих слов, однако уже в 1770 году приехавший на Урал с экспедицией академии наук Петер Симон Паллас разыскал и описал место, где стоял городок. Первые же археологические раскопки на его месте начались в 1910 году, потом в 1946-м им занялся известный московский археолог Отто Бадер, раскопавший место вала и рва. Дальнейшие раскопки проходили уже в 1952-м, 1977-м и 1981-м годах, принеся множество находок, в числе которых железный меч и серебряные монеты. Где-то в 80-х и был поставлен на месте раскопок деревянный крест, сохранившийся по сей день.

Однако, если с первым существовавшим когда-то поселением все ясно, то с самым старым из ныне существующих все обстоит несколько сложнее. Краеведы из различных сел Свердловской области «тянут одеяло на себя», стремясь объявить что именно их село (поселок, деревня) – это и есть «старейшее поселение области». Так, например, с подачи краеведа Виталия Мясникова жители Таборов считают годом рождения своего села 1583-й, а краевед Рудольф Кашин объявил стрейшим поселением области Усть-Утку, считая годом ее основания 1579-й, и относя этот городок еще к числу тех, что основали Строгановы. Однако современные историки обе эти версии отрицают – строгановских поселений на территории нынешней Свердловской области не было, а старейший среди существующих ныне населенных пунктов – это Пелым, основанный в 1592 году. При этом ни Таборов, ни Усть-Утки, нет даже в первой десятке старейших населенных пунктов области.

О Пелымском князе Асыке мы рассказывали еще как о главном противнике первого князя Перми Великой Михаила, который у в 1455 году убил епископа Питирима, а в 1471-м – и самого Михаила, за что в 1483 году был разгромлен «судовой ратью московитов». В 1582 году, когда Ермак уже продвигался в Сибирь, Иван Грозный велел даже его «вернуть из сибирского похода» для укрепления Чусовских городков – из-за угрозы нападения «Пелымского князя». Для вогулов Пелым был религиозным центром княжества, близ которого находилось святилище с идолами. А уже после того, как Ермак создал форпост в Сибири, здесь проходил один из путей «за Камень» – Чердынская дорога (Вишеро-Лозьвинский водный путь), для укрепления которой на месте разбитого русскими вогульского Пелыма был основан русский Пелымский городок. Основал его приблизительно

в 1592 году Чердынский воевода Петр Горчаков. Любопытно, что первыми строителями этого городка стали жители Углича, которых посчитали как-то связанными с убийством младшего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия.

Позже Пелым стал печально известен именно как острог – тюрьма для самых опасных преступников, которые должны содержаться в предельной строгости. В 1601 году к таковым были отнесены два боярина рода Романовых – братья Иван и Василий Никитичи, родные дядья будущего первого царя Михаила Федоровича. Их держали там в застенке, прикованными цепями к стене, отчего младший из них, Василий, там и умер в 1602 году. Вообще, опале в 1600 году были подвергнуты целых пятеро бояр Романовых – братья Федор, Михаил, Александр Иван и Василий – над ними был устроен «боярский суд» по приказанию царя Бориса Годунова, который опасался их как политических соперников. По приговору этого суда старший из братьев, Федор, был насильно пострижен в монахи под именем Филарета, а остальные – сосланы в самые отдаленные районы: Василий и Иван – в Пелым, Александр – к Белому морю, Михаил – в деревню Ныробку, близ Чердыни. Михаил, как и Василий в Пелыме, умер, не вынеся голода и страданий – в 1602 году. Однако смертью своей он прославил Ныробку, став известным как «ныробский узник». Дело в том, что вместе с ним пострадали пятеро местных крестьян, арестованные за то, что пытались подкармливать умирающего от голоду узника – все пятеро были арестованы и отправлены в Казань, где один из них умер. И этот их поступок изменил жизнь всей Ныробки: в 1613 году, после воцарения на престоле Михаила Федоровича Романова, Ныробку стали именовать Ныробом, а ныробские места объявили святыми. Жителей освободили от налогов, а на месте ямы, где сидел Михаил, поставили сначала часовню, а затем пятиглавую Никольскую церковь, где по сей день хранятся оковы узника, считающиеся чудотворными. В Пелыме же никакого чуда не случилось – если, конечно, не считать чудом, что один из узников, Иван Никитич (он же – Иван Каша) сумел выжить и был переведен в Нижний Новгород, а потом освобожден. В Пелыме же никаких крестьян, благоволивших Романовым, не нашлось, поэтому он так и остался острогом, повторно прославившись лишь новыми именитыми узниками. Так, в 1741 году здесь почти год провел бывший фаворит императрицы Анны Иоановны Эрнст Бирон, которого после смерти императрицы арестовал генерал-фельдмаршал Христофор Миних. По иронии судьбы, Миних сам был предан суду (в том числе «за пособничество Бирону») уже при Елизавете Петровне, сместившей Анну Леопольдовну, и тоже помещен в Пелым. Однако, надо отметить, что Бирон и Миних, в отличие от Романовых, в Пелыме проводили время не в тюрьме, а всего лишь в ссылке, причем Миних был помещен в тот же самый дом, где до него жил Бирон – существует даже легенда, согласно которой в Казани их пути пересеклись. Однако в отличие от Бирона, прожившего здесь год, Миних провел в Пелыме целых двадцать лет, и был освобожден лишь после смерти Елизаветы Петровны – по указу Петра III.

Насчет Романовых – как-то сам собой напрашивается вывод о том, что где-то на судьбе этого рода написано: «трагически гибнуть на Урале». Судите сами: в селе Ныробка Перми Великой первым погиб – в 1602 году – Михаил Романов, а в июне 1918 года в Перми был убит другой Михаил Романов – расстрелян великий князь Михаил Александрович,

младший брат Николая II. В Пельyme умер Василий Романов, а в июле 1918-го расстрелян вместе со всей своей семьей и сам Николай II – последний русский император.

Что же касается Пельмы, то по-человечески даже как-то понятно стремление краеведов сделать какое-то другое село «старейшим в области», ведь Пельм – это умирающий населенный пункт, в котором осталось едва ли десяток жителей, а может даже и их уже нет. И поэтому вряд ли кому придет в голову праздновать здесь юбилей «старейшего села области».

Совсем другое дело – второй по счету «старейший» из числа ныне существующих. Потому что второй – это Верхотурье.

Бабиновская дорога

После того, как Ермак создал в Сибири русский форпост, путь туда стал насущной необходимостью. Самым старым и проверенным путем в Сибирь была Чердынская дорога, она же – Вишере-Лозьвинский водный путь. Маршрут этот начинался в известной с 1430 года Соли Камской (современный нам Соликамск) и шел по рекам Каме и Вишере мимо Чердыни, затем – по реке Тавде, мимо Пельмы. Конкурировавший с ним открытый Ермаком Чусовской путь был не легче, так предполагал идти на стругах против течения, а потом пересекать Камень – Уральский хребет – волоком. Наконец, была степная «старая Казанская дорога», но она была очень длинной, и на ней запросто можно было встретить лютых башкиров. В общем, для купцов любой из этих путей был «головной болью», и выбором из худшего и еще более худшего.

Проблему эту смог решить «посадский человек» Артемий Бабинов, открывший в 1587 году новую дорогу, названную в честь него «Бабиновской». Путь, который оказался аж в восемь раз короче Чердынского, Бабинов выведаль хитростью, тайно проследив за вогулами, и по ней можно было идти «сухим путем». Для этого, конечно, пришлось строить мосты, что и было поручено самому Бабинову: их начали возводить в 1595 году, и спустя всего два года дорога уже стала действующей. Шла эта дорога через реки Усолку, Яйву, Косьву, мимо поселка Растесс (ныне – близ Карпинска), деревню Павдинскую (ныне – Павда), реки Мостовую и Туру.

В 1598 году на реке Туре, государственной экспедицией воеводы Василия Головина и назначенного «головой» Ивана Воейкова, на месте вогульского городища Неромкар был поставлен новый острог – Верхотурье. Для строительства укрепленного городка на новой дороге был оставлен и сожжен за ненадобностью поставленный на реке Лозье Лозьвинский городок, куда в свое время перевели стрельцов Верхнетагильского городка, пришедших сюда еще с князем Болховским. А из Пельмы направили первых ссыльных – угличан, обвиненных в сообщничестве убийству царевича Дмитрия. В 1600 году этот острог приобрел новый статус – здесь поставили государственную таможню на пути в Сибирь.

Со временем на Бабиновской дороге появилась государственная ямская служба,

страньями которой стала доставляться казенная корреспонденция. А Верхотурье стал на долгие годы самым важным населенным пунктом на территории современного Среднего Урала.

Бабиновская дорога просуществовала полтора века, лишь в 1754 году уступив первенство новому Московско-Сибирскому тракту, маршрут которого еще за два десятка лет до его постройки предложил Василий Татищев, снова зарекомендовав себя «вездесущим». После этого Верхотурская таможня просуществовала меньше десяти лет, будучи официально закрытой в 1763 году.

Любопытно, что именно с Верхотурьем связано появление первого на Среднем Урале святого – Симеона Верхотурского. Святость этого человека, почти никому не известного при жизни, проявилась лишь спустя полвека после его похорон. В 1692 году чей-то гроб, похороненный в селе Меркушино, близ Верхотурья, неожиданно поднялся из могилы так, что в нем стали видны останки, которые оказались нетленными – прекрасно сохранившимися в иссохшем состоянии. Местные жители сочли это явным признаком святости, после чего появились сообщения о чудесных исцелениях тех, кто их касался (излечивались, в основном, кожные заболевания). К сожалению, на могиле не сохранилось имя усопшего, а местные, за давностью лет, так и не смогли вспомнить его имя. О жизни его тоже смогли вспомнить немного – лишь то, что жил этот человек сначала в Верхотурье, а затем в Меркушино, регулярно посещал церковь, и часто уединялся, а пропитание себе добывал рыбной ловлей. Необычным в воспоминаниях местных жителей было лишь то, что человек этот шил для других шубы, но не брал за это денег – специально для этого отдавая их немного не дошитыми. Спустя два года после находки необычного гроба митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий провел освидетельствование нетленности найденных мощей. Освидетельствование привело к признанию святого, причем Игнатий сам назвал его имя – Симеон, заявив о том, что «получил об этом откровение во сне». Мощи Симеона до сих пор хранятся в верхотурском Крестовоздвиженском соборе Свято-Николаевского мужского монастыря, а сам факт появления первого святого сделал Верхотурье и Меркушино местными центрами православия. Когда закрылась Верхотурская таможня, Верхотурью удалось не захиреть именно благодаря тому, что продолжалось паломничество в эти места. Верхотурье и ныне – признанный центр православия на Урале.

Что же касается Бабиновской дороги, то она открыла путь не только в Сибирь, но и на Урал, сделав возможным создание здесь индустриального центра державы.

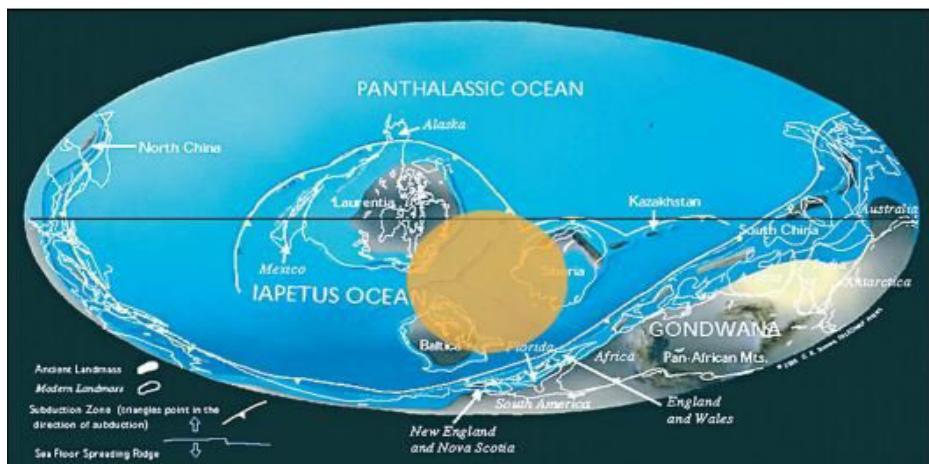

Рис. 1. Кругом на этой карте помечено примерное расположение Уральского океана

Рис. 2. Карта территории России (1590 год)

Рис. 3. Пермь Великая на карте (1562 год)

Рис. 4. Завоеватель Сибири атаман Ермак Тимофеевич

Рис. 5. Деревянный крест на месте Верхнетагильского городка

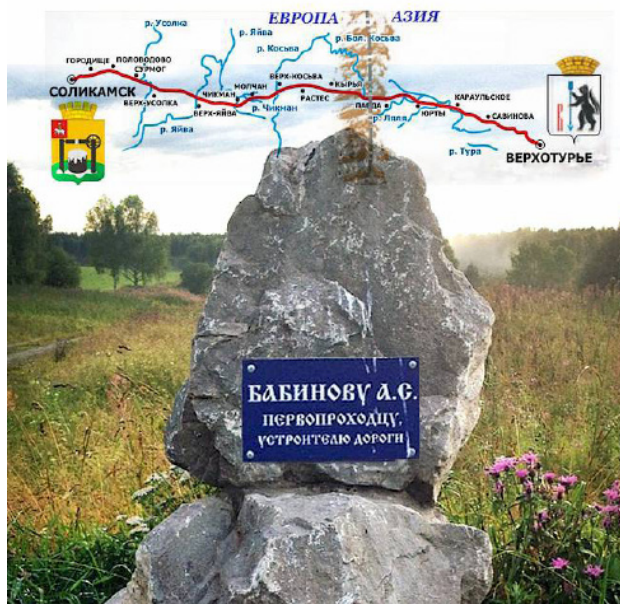

Рис. 6. Бабинская дорога и памятная табличка, установленная честь ее первооткрывателя

II. Как Екатеринбург едва не стал Уктусом, а затем Исетском

История Урала, как «опорного края державы» – это, прежде всего, история построенных здесь горных заводов. Поэтому для понимания истории Екатеринбурга – города, основанного как столица этих заводов, – рассказ нужно начинать задолго до фактического начала его строительства.

Первые заводы Урала

Уральские горы, бывшие когда-то берегом огромного древнего океана, были буквально напичканы полезными ископаемыми. А русские люди, пришедшие сюда по стопам Ермака, и создавшие здесь к началу XVII века уже десятки населенных пунктов, начали эти полезные ископаемые находить. Так, в начале 1620-х годов на реке Ница (Нейва) – притоке реки Туры, на которой уже стояло Верхотурье и Туринский острог (ныне – Туринск), была найдена «болотная руда» – разновидность бурого железняка, годного для производства железа в «кричных» горнах – примитивный, но единственный известный здесь в то время способ выплавки. В 1629 году на месте находки был построен первый на Урале железодельный завод – Ницинский (Ницынский по орфографии того времени), ныне на его месте село Рудное, расположенное в 30 километрах от Ирбита.

Основал этот завод, еще в царствование первого из Романовых – Михаила Федоровича, – тобольский боярин Иван Шульгин, который для запуска нового производства разыскал двух кузнецов из Устюжны Железнопольской – признанного центра металлообработки Русского государства еще с XVI века. Это были кузнецы Ивашка Бармин и Вихорко Иванов, до этого уже организовавшие плавку железа в Томске (которое, кстати говоря, оказалось там невыгодным). Известно, что оборудование завода состояло из двух сыродутных печей и двух ручных горнов. В качестве работников «к государеву железнному делу» из ближайших слобод – Туринской и Невьянской – было прикреплено 12 пашенных крестьян, которые отныне стали называться «деловыми людьми». В первый же год после запуска завод выдал 63 пуда железа. Поначалу завод работал сезонно – с осени до конца весны («с Николина дни по Семена летопроводца»), а летом прикрепленные к нему крестьяне возвращались к своей обычной работе на пашне. И лишь с 1632 года появились «рудные крестьяне» – 14 человек, работавших здесь круглогодично. Управлялся завод приказчиком, назначаемым из Tobольска – города, который к тому времени уже стал «столицей Сибири», и обязательная часть изготовленного на заводе железа (400-500 пудов) весной по реке отправлялось туда. Завод этот просуществовал примерно до 1699 года, когда производство и рабочих перевели на Невьянский завод, который уже планировали строить. Рудник, где добывали руду для этого завода, был затоплен, образовав небольшое искусственное озеро близ нынешнего села Рудное, которое носит название Поваренное.

В целом, Ницинский завод нужно скорее называть «заводиком», полукустарное производство которого было низкого качества, а обеспечивать могло лишь внутренний – сибирский – рынок, да и то не полностью: приходилось активно покупать железо в Великом

Устюге или Соликамске. Не говоря уже о том, что в закупке железа нуждалась и вся страна – так, например, в год пуска Ницинского завода Россия закупила в Швеции 25 тысяч пудов пруткового железа.

Не решали проблему даже внутреннего рынка и открывшиеся вслед за Ницинским другие заводы – такие же маленькие и примитивные: в 1630–40 годах на западном склоне Урала были основаны Пыскорский завод (близ Соликамска) и Красноборский (на севере Перми Великой, близ современного Красновишерска), в 1654-м – Арамашевский (ныне – село Арамашево), в 1669-м – Тамашевский (близ современного Невьянска) и в 1682-м – «Железенское поселье» Долматовского монастыря (современный Каменск-Уральский).

Изменить это положение удалось лишь волей царя Петра I, который решил сделать Урал центром металлургии. Именно его посланники на основе кустарных «заводиков» создали на Урале первые горные заводы.

Кто первый? Каменский и Невьянский горные заводы

Прежде чем начать рассказывать о конкретных горных заводах, нужно пояснить отличие горных заводов от описанных выше «заводиков». Отличие это в первую очередь технологическое: их специфика – обязательное наличие пруда и плотины, обеспечивавшей действие всех заводских механизмов с помощью водяных колес. Технология эта оказалась столь успешной, что воспроизводились на Урале снова и снова, плодя новые заводы десятками, словно горячие пирожки, благо местность здесь изобилует реками и мелкими речками, на многих из которых уже стояли мельницы, и удобно было поставить плотину для крупного завода. Такие пруды и плотины, и сегодня – непрменный атрибут уральских городов и поселков, построенных вместе с заводами, в том числе в Екатеринбурге, где плотину пруда принято называть уменьшительно-ласкательно – «плотинка».

Также заводы удобно было начинать строить именно здесь из-за того, что именно территория нынешнего Среднего Урала в то время была наиболее заселенной частью Сибири – частью, которая к тому же продолжала активно заселяться. К примеру, по переписи 1624 года в Верхотурском уезде, который делился на две слободы – Невьянскую и Ямскую, было 387 дворов с населением 1273 души, а в 1666 году – уже 1980 дворов и 6218 душ. Не исключено, кстати, что такой рост населения был, в том числе, следствием церковного раскола, случившегося в середине века: раскольники-старообрядцы, искавшие отдаленных мест, не только создавали собственные деревни, но и соглашались быть наемными рабочими, причем брали их, из-за трудолюбия и трезвости, весьма охотно.

Строительство первого горного завода Урала – Каменского – связано прежде всего с именем «птенца гнезда Петрова» думного дьяка Андрея Винууса, которого царь в 1697 году поставил во главе Сибирского приказа, а в 1700 году, после того как битве со шведами при Нарве попал в плен начальник Пушкарного приказа Александр Арчилович, еще и только что созданного Приказа артиллерии. «Птенцу», правда, на момент назначения было уже 56 лет, и до этого он долго был дипломатом, после чего много лет преуспевал на разной ответственной руководящей работе, возглавляя сначала Почтовое ведомство, а

затем Аптекарский приказ. Зато происхождение Андрей Андреевич имел для организации строительства заводов самое что ни на есть подходящее – еще его отец, Андрей Денисович Винуус, голландец по происхождению, построил в Туле завод по производству железа и пушек, положив тем самым начало заменитым Тульским оружейным заводам.

В 1697 году верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву пришел приказ подыскать подходящее место для большого завода, а также описать «где небольшие железные заводы у мужиков были и ныне есть». Другой приказ предписывал «собрать лутчих» из тамошних «железных мастеров» и с ними «удобные места к большим заводам близ больших рек осмотреть и описать и чертеж учинить». Так было выбрано пять мест, из которых самыми подходящими сочли два – для будущего Невьянского и Каменского заводов. В том же году Винуус писал Петру I, который в то время был за границей, что сыскал «зело добрую руду из магнита, железную, и такова, что писали из Голанской земли, лучше быть невозможно» и просил Петра достать за границей «самого доброго мастера», который умел бы из той руды делать сталь, лить пушки, гранаты и бомбы».

Для Каменского завода был выбран участок на берегу Каменки, где еще с 1682 года был старый железодельный заводик Железенское поселье, на котором работали крестьяне Долматовского монастыря, выплавляя железо – в основном, для монастырских нужд, но также на продажу. На строительство нового Каменского завода, которое началось в 1700 году, приказом Винууса «для дела железа» были собраны местные кузнецы шести слобод: Багарятской, Китайской, Арамашевской, Камышевской, Колчеданной и Каменской. Винуус лично приехал туда из Москвы, чтобы проследить за строительством.

В том же 1700 году, в марте, началась уже фактическая подготовка к строительству Невьянского завода – крестьяне на месте будущего завода начали заготовку леса. Таким образом, работы по строительству двух заводов шли параллельно. Надзирать за его строительством был назначен сибирский дворянин Михаил Бибииков, который до этого участвовал в строительстве Ирбитского острога, но уже в марте его сменил присланный из Москвы Семен Киприянов – мастер с большим опытом работы.

Мастеров для будущих заводов Винуус подбирал в основном Москве, куда были созваны мастеровые с уже работавших «тульских, каширских, малоярославецких и угодских заводов, а также Павловского завода и завода К. Борина». Шел торг: каждого мастера расспрашивали о его квалификации, а тот в ответ интересовался размером производства и положенной ему плате. Отобранные таким образом мастера начали отправляться в Верхотурье с февраля 1700 года – первая партия из 20 мастеровых прибыла туда к концу марта. Всего с 1700 по 1701 годы было отправлено 43 человека.

Первая партия чугуна в домну только что построенного Каменского завода была засыпана в октябре 1701 года, а в декабре уже отлиты 3 пушки и 2 мортиры, которые доставили в Москву на санях. В марте 1702 года, по заказу из Москвы, на Пушечный двор прибыли еще 5 пушек с 56-ю ядрами и 2 мортиры с 19-ю бомбами. Вместе с пушками прислали 6 ружей и 6 мушкетов, изготовленных мастером из Тулы Никифором Пиленкой. В апреле все они были испытаны в присутствии Винууса.

В том же 1701 году на Невьянском заводе первая руда была засыпана в домну в начале декабря, а к середине месяца был выплавлен первый чугун. Спустя три недели – уже в начале 1702 года – из этого чугуна выплавляли железо, образцы которого отправили в Москву. Качество железа было одобрено, однако в этой своеобразной «гонке» победил все-таки Каменский завод, отправивший готовые орудия.

Проигравшим же в этой истории оказался... Вinius, неожиданно оправдав интерпретацию на русский лад своей голландской фамилии. Пообещав царю восполнить собственным производством утрату практически всей артиллерии русской армии, потерянной под Нарвой, он, по меткому выражению Петра: «отпотчевал меня московским тотчасом». Любопытно, что с задачей отлить пушки он справился, отчитавшись потом, что «за два года отлито 400 пушек, выстроено два завода и ведется стройка еще трех заводов» (имея ввиду Алапаевский, Тагильский и Уктусский, для которых уже были разведаны руды и выбрано место). Беда была в том, что его опытные образцы пушек доставили в Москву – за этим-то он следил лично, но вот основная их масса так и осталась на Урале – способ их доставки не продумали. Самое обидное, что годом раньше этот ловкий сановник ретиво исполнял одиозный указ Петра, велевшего ради пушек пустить на переплавку церковные колокола, и, по слухам, даже заставлял бить кнудом литейщиков для ускорения работы. И ведь добился своего, поставив в армию сотни новых орудий, но в итоге все равно впал в опалу – за медлительность в поставках артиллерии и медикаментов, а также – традиционно для России – обвинен в хищениях. При таких обвинениях он должен был быть повешен, поэтому бросился за помощью с большой взяткой к ближайшему фавориту Петра – Александру Меншикову. Тот взятку принял, и даже выдал в качестве гарантии «оправдательную бумагу», но тут же подробно рассказал об этом Петру. Тот, подумав, Виниуса действительно «помиловал» – вместо повешенья приказал бить кнудом и уплатить огромный штраф. Только вот после такой «милости» Вinius сбежал в Голландию – прямо из действующей армии. Любопытно то, что на своей исторической родине Вinius так не прижился, и спустя два года умолил царя о прощении, после чего вернулся обратно в Россию, где и прожил еще десяток лет в Москве, уже не занимая никаких должностей.

Явление Демидовых: конкуренция частных заводов с казенными

В 1702 году Невьянский завод был передан Петром I «из казны» тульскому оружейнику Никите Антуфьеву, ставшему известным как Никита Демидов – первому крупному частному предпринимателю Урала, который сумел здесь основать собственную империю, состоящую из десятков частных заводов.

История знакомства Петра I с Демидовым так обросла легендами, что вычленив из них реальную историю не так то и просто – прямо как в случае с Ермаком. Согласно одной из таких легенд, то ли сам царь Петр, то ли один из его сподвижников – барон Шафиров, дал оружейнику Демидову для починки иностранной пистолет. Тот, возвращая его царю, сказал: «Что ж, авось и мы супротив немца постоим», чем вызвал гнев монарха, который ударил его по щеке со словами: «Сперва сделай, мошенник, потом хвались». На что Демидов, не моргнув глазом, вынул второй пистолет, сообщив, что поданный ему был

только что сделан, а заграничный – вот он, и отличить их было невозможно. По другой легенде прибывший в Тулу Петр, оценив рост и широченные плечи одного из кузнецов (а Демидов ростом не уступал самому Петру), захотел тут же отдать его в гвардейцы, но тот упрямился оставить его кузнецом, обещав выполнить большой оружейный заказ. Есть и другие легенды, и все они схожи тем, что подчеркивают не только мастеровитость Демидова, но и плебейское происхождение будущего богатейшего заводчика и дворянина. Происхождение, впрочем, у Демидова действительно было самым что ни на есть низким, что подтверждалось тем, что почти до самой старости он был неграмотен, из-за чего письма за него писал сын Акинфий – под диктовку. Ну а когда, немного выучившись, Никита стал писать сам, то делал это с огромным количеством грамматических ошибок.

Очищенная от фольклора, история Демидова в том, что был он не только талантливым мастером, но и владельцем собственных предприятий в Туле, которые успешно выполняли для казны различные оружейные заказы. При этом с Петром Демидов был не просто знаком, но и пользовался его особым расположением, чем неоднократно потом и злоупотреблял, развивая производство на Урале. Сохранились письма Петра, где он ласково обращается к Никите «Демидыч» и пишет ему если не как другу, то уж точно как близкому соратнику. Что же касается того, каким образом оружейник из Туры оказался частным владельцем только что построенного за счет казны Невьянского завода, то, судя по всему, именно такой была задумка и воля самого Петра. Причем решение передать один из заводов именно Демидову, Петр принял задолго до того, как это случилось фактически, и никак не было связано, к примеру, с опалой главы Сибирского приказа Вениамина – первое упоминание об этом решении встречается еще в 1697 году – то есть за несколько лет даже до фактического начала строительства Невьянского завода. А Вениамин, будучи еще всевластным хозяином Сибири, помогал Демидову с оформлением документов, с помощью которых этот завод передавался в его владение.

Так или иначе, но Петр пожаловал Никите Демидову «персону» – миниатюрный портрет государя, оправленный в золото и украшенный бриллиантами, а за ним последовали указы, поставившие его (а затем – и его потомков) в исключительно выгодные условия. В марте 1702 года Невьянский завод был передан в его владение. Обязательства были – пять лет платить казне «за устройство заводов» из собственного кармана, но с правом покупать для работ крепостных людей. Главным же обязательством Демидова перед Петром было одно – поставлять железо и различные виды оружия из этого металла. Поставлять по всей стране – куда надобно.

Вопрос с поставкой больших грузов в европейскую часть страны – то есть тот самый вопрос, который сгубил карьеру Вениамина – решился уже в 1703 году. Решился он, правда отнюдь не Демидовым, но сослужил, в том числе и ему, огромную пользу. В начале мая этого года от Уткинской казенной пристани (ныне – село Слобода, под Первоуральском) по реке Чусовой на запад отплыл первый «железный караван». Организован этот караван был тобольским воеводой князем Михаилом Черкасским, который еще в марте отправил на эту пристань четыреста тобольских и верхотурских крестьян во главе с дьяком Семеном Резановым и «служивым человеком» Иваном Станикеевым, под руководством которых мужики построили 40 «дощатиков» – небольших плодородных судов, на которые погрузили

продукцию Каменского и Невьянского заводов. Каменский завод поставил пушки, мортиры и гаубицы – всего 350 орудий, а также железо, тогда как Невьянский – только железо (совокупно – 1550 пудов «образцов железа»). И этот караван, благополучно пройдя Чусовую, Каму и Волгу, прибыл в Москву. С тех пор «железные караваны» стали главным способом доставки больших грузов с Урала вплоть до открытия железных дорог. И даже конкурируя с ними после их открытия – последний «железный караван» прошел по Чусовой аж в 1918 году.

После того, как вопрос со сбытом продукции был решен, Демидову оставалось лишь наращивать производство доставшего ему завода и открывать новые заводы. Чем он и занялся. Беззащитно пользуясь покровительством царя, он нахраписто занимал лучшие рудники, получил в полное владение целых две волости со всеми крестьянами, а кроме того – без тени сомнения укрывал беглых, в том числе раскольников-старообрядцев, а также переманивал к себе лучших мастеров с казенных заводов. Взамен Петр получал от него то, что хотел – пушки, железо, а затем и медь. Освоившись с производством, Никита начал открывать новые заводы, оставив своему сыну, Акинфию, восемь предприятий. Вскоре после его смерти вступил в строй девятый завод – Нижнетагильский. А сам Акинфий, который во всем пошел по стопам отца, к концу жизни владел уже двадцатью пятью предприятиями – уже полноценной заводской империей.

Что же касается казенных предприятий Урала, то вдобавок к Каменскому заводу, который поначалу обгонял в развитии Невьянский, в 1702 году по Указу Петра начали строиться еще два казенных завода – Алапаевский и Уктусский, оба были пущены 1704 году. И в том же 1702 году, близ Каменского завода, вверх по течению Каменки, был пущен Верхнекаменский железоделательный завод, увеличив счет в пользу казенных – три к одному – против частного завода Демидова. Дальше, однако, дело забуксовало: к 1720 году Демидовы уже открыли на территории нынешнего Среднего Урала еще два завода – молотовый Быньговский (1718 год) и перерабатывающий чугуна Невьянского завода Верхнетагильский (1720 год), и один – на территории нынешнего Пермского края, Шуралинский (1716 год), а кроме того готовили открытие Нижнетагильского и Нижнелайского заводов, также завязанных на переработку чугуна из Невьянска. А главное – с течением времени демидовские заводы оказались куда успешнее казенных, которые хирели, не выдерживая конкуренции: уже в 1705 году Петр издал указ, предписывающий прекратить выплавку пушек на Каменском заводе, оставив лишь производство снарядов и железа. Самым же неудачливым из всех стал Верхнекаменский завод, плотину которого регулярно стало размывать весеннее половодье, к 1723 году он был смыт практически весь, и с тех пор уже не восстанавливался.

Кстати, пущенный в 1704 году Уктусский завод, строительство которого началось еще в 1702 году, находится в черте современного Екатеринбурга, завод которого начал строиться всего в шести верстах от Уктусского. Не начали б там строить новый завод – на месте Екатеринбурга мог бы сейчас стоять, например, небольшой уральский поселок Уктус. Однако произошло то, что произошло, и сейчас Уктус – это жилой район в составе Чкаловского административного района Екатеринбурга, жители которого очень гордятся тем, их Уктус старше всего остального города на целых два десятка лет.

Татищев и Демидовы: первый раунд конфликта

Специально для разрешения многочисленных проблем казенных горных заводов в декабре 1719 года Петр I подписал указ о создании Берг-коллегии, задачей которой ставилось управление всей горнорудной промышленностью страны. В отличие от действовавшего до ее создания Приказа рудокопных дел, который не имел собственного аппарата управления, действуя через местные организации, Берг-коллегия имела собственного «президента» и штат, являясь, по сути, аналогом современного министерства. И главное: Берг-коллегия давала горным заводам берг-привилегии, которые выводили эти предприятия из подчинения гражданских властей, позволяя им работать, нарушая многие законы государства – все для того, чтобы казенные заводы смогли развиваться и процветать.

Главой (то есть президентом) Берг-коллегии Петр назначил одного из своих сподвижников Якова Брюса – обрусевшего выходца из Шотландии, который при Петре сделал великолепную карьеру не только как чиновник, но и как военачальник, дипломат, а также инженер и ученый. Именно Брюс и выбрал для службы в Берг-коллегии Василия Татищева, которого сначала определил к «землемерию» – составлению подробной географии всей страны, но затем склонился к тому, чтобы поручить ему более конкретное дело, предложив должность управителя всех уральских казенных заводов. Цель его прибытия на Урал была в том, чтобы установить там полный приоритет казенной промышленности. Ну а поскольку приоритет там по факту был на стороне частных заводчиков Демидовых, деятельность которых Татищеву предписывалось «строго регламентировать», то конфликт интересов был просто-таки неизбежен. С учетом принципиальности обеих сторон, разумеется. И Татищев оказался со своей стороны ничуть не менее принципиален, чем Демидовы.

Вообще, трудно себе представить личность более отдаленную от «неграмотного плебея», ставшего полновластным заводчиком Никиты Демидова, чем Василий Татищев. Василий Никитич был из знатной, хоть и обедневшей дворянской семьи, ведшей свой род – не больше ни меньше – от первой царской династии Рюриковичей. Рос он в поместье своего отца в Псковском уезде, где получил прекрасное домашнее образование, которое по традиции того времени совершенствовал в Европе, где изучал инженерное и артиллерийское дело в Германии, не жалея средств на покупку дорогостоящих книг по самым разным отраслям знаний. При этом он никак не был похож на кабинетного ученого – еще до учебы в Европе, как дворянин, он был призведен в поручики драгунского полка, принимал участие в Полтавской битве, где был ранен, находясь «подле государя», а после лечения командовал отрядом, совершившим поход от Пинска до Киева и Коростеня. Также он участвовал в Прусском походе Петра 1711 года, после чего до 1713 года вместе с полком пребывал в Польше. С Яковом Брюсом, имевшим со времен Прусского похода военный чин генерал-фельдцейхмейстера, а позже дослужившегося до генерал-фельдмаршала, Татищев познакомился еще на военной службе, где неоднократно выполнял его поручения. После обучения в Германии артиллерийскому делу он, по представлению Брюса, был переведен из кавалерии в артиллерию, где успешно выдержал экзамен и был произведен в инженер-поручики артиллерии, после чего в 1717 году вновь находился в действующей армии под Кенигсбергом и Данцигом, где занимался приведением в порядок

артиллерийского хозяйства. Там он познакомился с Петром I лично, отговорив царя от приобретения в качестве конрибуции поддельной картины. Участвовал в переговорах со шведами на Аланских островах, попутно исследуя эти острова как ученый. На момент назначения на должность управителя казенных заводов на Урале Татищев имел чин капитан-поручика артиллерии, что соответствует более позднему чину штабс-капитана или нынешнего капитана.

В январе 1720 года в Берг-коллегии была собрана большая группа специалистов, способных наладить деятельность казенных заводов, во главе которой и был назначен Василий Татищев. На момент назначения на Урал, это был сложившийся, принципиальный человек, тридцати с небольшим лет, с военным опытом и неизбывной тягой к наукам и всему новому. А главное – это был государственный, ответственно взявшийся за порученное ему дело. Ближайшим его помощником по технической части стал берг-мейстер Ииоганн Блюэр, также в эту группу входили горные специалисты Патрушев и Бривизин, пять рудоискателей и четыре ученика Московской артиллерийской школы, посланных на практике учиться рудному делу. Выехав в мае из Москвы, группа Татищева лишь через месяц прибыла в Кунгур, где рудоискатели сразу приступили к поиску медных руд, а остальная группа – к подготовке строительства нового завода. Татищев же занялся там организацией первой Горной канцелярии.

Уже в Кунгур новому начальнику начали поступать первые жалобы на Демидовых. Заводской комиссар Уктусского завода Тимофей Бурцев сообщал, что в деревне Поволошной, расположенной в тридцати верстах от завода, крестьяне Агей и Алексей Силины обнаружили медную руду. Бурцев осмотрел указанное место и приказал начать разработку, но через восемь дней приехали люди от Демидова и, согнав работников, объявили прииск своим. Донесение подтверждал фискал Евдоким Поздеев. На это Татищев отреагировал как ретивый чиновник: пригрозил заводчику штрафом и немедленно послал письмо в Берг-коллегию с приложением донесений Бурцева и Поздеева, предложив не давать Демидову права на разработку новых мест «без досмотру нашего», после чего Берг-коллегия запретила Демидовым разрабатывать указанный рудник.

Докладывали Татищеву и о том, что с «государевых заводов» к Демидовым бегут «шведские пленные, крестьяне и другие люди, оставляя прежние дома». То, что для частного заводчика – обычная практика, для чиновника – факт нарушения правил.

Лично на Уктусский завод Татищев прибыл в ночь на 30 декабря 1720 года, перевезя с собой из Кунгура всю Горную канцелярию. И здесь вскоре опять нашелся повод для разногласий с Демидовыми: в начале февраля Валисилий Никитич получил донесение дровяного подрядчика Василия Лысова «с товарищи», в котором сообщалось, что на Уктусе невозможно набрать работников для рубки дров, а вот у Демидовых на Федьковских (старое название Невьяского завода – по ближайшей к нему деревне Федьковка) заводах таковых много, так как плата выше, а мера дров меньше. А кроме того, там разрешено «держат про себя пиво, и табак, и карты». Судя по этому донесению, Демидовы отлично знали, как привлекать к работам людей.

К концу февраля Демидовы и их люди (любопытно, что за главного на Урале

оставался в то время сын Никиты, Акинфий Демидов, тогда как сам Никита был в Санкт-Петербурге) уже продемонстрировали открытую конфронтацию. В продолжение истории медного рудника, уктусский подъячий Андрей Гордов, отправленный в Невьянский завод для допроса приказчиков Демидова, пишет в отчете, что те «в допрос по указу не пошли, говорили на словах: мы-де господину артиллерии капитану Василию Никитичу Татищеву ни в чем не послушны и дела-де до нас ему, господину, никакова нет». При этом, ссылаясь на печатный государев указ, заявляли: «а ведомы-де мы в Санкт-Петербурхе. А буде впредь господин будет к нам какие указы и с кем о чем присылать, и таких-де посыльщиков будем за то держать скованных до хозяева своего Демидова в тюрьме».

Дальше-больше – к Татищеву поступали все новые и новые донесения о «своевольствах» Демидовых. То их люди избили в Уткинской пристани сплавщиков, нанявшихся в казенный караван, то Акинфий Демидов запретил пускать на постой приказчиков и солдат, прихавших для отправки казенной меди, по избили возчиков с казенными канатами за «проезд по демидовским дорогам»... К весне отношения Татищева с Демидовыми обострились настолько, что Василий Никитич сообщал в Берг-коллегию, что отказывается ездить для осмотра рудных мест, находящихся вблизи «демидовских заводов», опасаясь за свою жизнь!

При этом на грозные указы Берг-коллегии Демидовы никак не реагировали, продолжая заниматься своими делами как ни в чем ни бывало, постоянно выигрывая Василия Татищева в споре за людские ресурсы.

Тем не менее, свои люди и союзники из местной власти были и у Татищева. Стремясь ограничить Демидовых, поставив их в рамки закона, капитан Татищев в этой войне начал ответные действия, установив несколько застав на государственных проезжих дорогах, потребовал уплаты десятины с прибылей, а также запретил Демидовым иметь отдельную пристань на Чусовой для сплава «железных караванов» и нанимать на заводы крестьян из сел и деревень, которые не принадлежали Демидовым. Кроме того, Василий Никитич поставил охрану на карьер по добыче необходимого в металлургии доменного камня, который теперь должно было добывать лишь с его письменного разрешения.

Однако Демидовы, несмотря на это, по-прежнему чувствовали себя хозяевами Урала. Сохранилось письмо Акинфия Демидова, который испрашивает у Татищева разрешения на добычу доменного камня, написанное с неподражаемым сарказмом: «Доношение благородному господину капитану Василию Татищеву. Комиссар Акинфий Демидов челом бью... Просим Вашего Величества о рассмотрении... о ломке доменного. Что повелишь?». На что Василий Никитич в ответном письме его одергивает: «Что же вы меня в оном браните неприличною честью, что принадлежит токмо великим государям, и оное я уступаю, полагая на незнание ваше. Упоминаю же, дабы впредь так не дерзали».

Пока шла эта борьба, из Санкт-Петербурга в поддержку сыну срочно выехал Демидов-старший. Сохранилось письмо Никиты Демидова (писанное, скорее всего, под его диктовку Акинфием), тон которого скорее заискивающий и говорит о его желании не обострять отношения, а найти путь к примирению. Начинается оно с обращения: «Государь мой Василий Никитич, здоровье твое, и благоденствие, и счастливое твоего

пребывания всегда желаю», а заканчивается: «При сем писани слуга Ваш Никита Демидов кланяюсь». Однако усилия эти не увенчались успехом: горный начальник гнул свои прежние требования.

Тогда Никита Демидов выбрал новую тактику. Согласно девизу, который позже появился на гербе Демидовых: «Acta non verba», что в вольном переводе означает: «Другие говорят – мы делаем», Никита Демидов обратился лично к Петру I, причем выбрал момент, когда только что завершил поставку в казну «воинских припасов», которыми Петр остался доволен. Суть его претензий, высказанных устно, сводилась к тому, что из-за поставленных Татищевым застав обозы с хлебными припасами не доходят до его заводов, вследствие чего происходит остановка производства и задерживается отправка «железных караванов». А главное – обвинил Татищева в том, что тот берет взятки.

И вот это для Татищева, гордившегося своей неподкупностью, был удар ниже пояса! Появились даже легенда о том, что при встрече с Петром Татищев потом на вопрос царя: «Правду ли объявляет против тебя Демидов?», отвечал: «Правду, Государь. Я беру...». На деле же единственная встреча его с Петром в качестве горного начальника прошла с видимым взаимопониманием, причем Татищев не только разговаривал с царем о заводах, но и показывал ему копию летописи Нестора, после чего они обсуждали необходимость изучения истории древней Руси... Что же касается денег, то осуждавший взятки Татищев письменно предлагал ввести чиновникам оплату за дополнительный труд, стремясь искоренить извечную русскую практику «кормиться с места». А ведь «осадочек» остался – многие по сей день считают, что «дыма без огня не бывает», и Татищев был не чист на руку, устроив конфликт с Демидовыми лишь для того, чтобы вымогать взятки.

Реальное же положение дел дает изучение следственного дела – «розыска между Демидовым и капитаном Татищевым», из документов которого ясно, что Демидов предлагал Татищеву взятку, но тот отказался. Однако эта судебная тяжба началась уже позже, а вот к концу 1721 года всего лишь устное свидетельство Никиты Демидова, вполне возможно подкрепленное взятками «кому надо», возымело действие: 10 декабря Татищев указом Берг-коллегии был отстранен от руководства горными делами. Первый раунд противостояния Демидовы выиграла.

Любопытно при этом, что именно противостояние Татищева с Демидовыми напрямую повлияло на судьбу будущего Екатеринбурга.

Попытка основания Исетского завода

Вернемся в самый конец декабря 1720 года, когда Татищев впервые приехал на Уктусский завод, куда вместе с ним переехала Горная канцелярия. Приехал он, разумеется, не один, а с командой своих помощников, среди которых его правой рукой был Иоганн Блюэр, с помощью которого Татищев внимательно осмотрел состояние завода.

Почти за три года до этого, в апреле 1718-го, на заводе был большой пожар, уничтоживший все заводские постройки, кроме плотины. Стараниями заводского

комиссара Тимофея Бурцева (того самого, из-за донесения которого случился конфликт с Демидовыми из-за медной руды) здания завода были восстановлены, но общее впечатление все равно оказалось не слишком хорошим. По утверждению самого Бурцева, река Исеть на месте завода оказалась слишком мелкой и завод большую часть года из-за недостатка воды просто бездействовал.

По итогам осмотра, Татищев вместе с Блэром и Бурцевым выехали, чтобы осмотреть Исеть выше впадения в нее реки Уктус, и буквально в шести верстах Бурцев показал место, подходящее для строительства нового большого завода. И уже 6 февраля Василий Никитич отправил в Берг-коллегию письмо, обосновывая необходимость строить на реке Исеть новый завод так: «А весной путь отсюда водою во всю Сибирь – Исетью, в Казань – Чусовую, к городу Архангельску – Камою и потом Кильтмою в Вычегду и Двину, весьма путь купечеству способный». В проекте Татищев задумал построить этот завод очень большим: 4 домны и 40 молотов, из которых 20 должны были работать даже «в самую сухую погоду». Производительность такого завода должна была быть 150-200 тысяч пудов железа в год. Если бы эти мощности были реализованы, то завод мог бы стать крупнейшим по производительности железа в мире. Вскоре Татищев, впрочем, уже «снизил планку», указав что «для сбережения лесов» построить необходимо не 40 молотов, а только 16 – но даже в таком виде предприятие задумывалось грандиозное.

Не дожидаясь ответа Берг-коллегии, место, где должны быть «фабрики и труд», Татищев велел расчистить от леса и готовить туда бревна для плотины и срубы для изб. Строительство начали как только немного отступила зима, 1 марта 1721 года – с помощью местных крестьян под руководством заводского начальства в лице все того же Бурцева. Дело это для крестьян было привычное: если до строительства первых горных заводов местное слободское крестьянство обязано было платить только денежные сборы в казну, да обрабатывать «десятинную пашню», то с тех пор многих из них «приписали» к заводам, а в случае нового строительства мобилизовывались вообще все, независимо от «приписки». Поначалу это приводило к крестьянским волнениям или бегству, однако с годами такая практика стала для них более привычной, а Демидовы, нуждаясь в рабочей силе, вообще принуждали или покупали даже «ясычных» крестьян и охотников, в том числе из местных народов, которые привыкли свой ясак платить пушনিной. Работа, впрочем, предстояла крестьянам уже привычная: заготовка бревен и дров, углежжение, перевозка грузов.

Татищев же, который, как мы помним, как раз в это время даже не выезжал для осмотра «рудных мест», опасаясь за свою жизнь из-за конфликта с Демидовыми, почти все свое время проводил на Уктусском заводе, открыв здесь 19 марта первую школу. Отчего вышел очередной парадокс – первая школа на территории современного Екатеринбурга была открыта за два с лишним года до основания города.

1 июня 1721 года из Берг-коллегии пришел, наконец, ответ на запрос о строительстве. Ответ этот Татищева обескуражил: Берг-коллегия наложила запрет на закладку нового завода. Можно было бы предположить, что запрет этот – результат козней Никиты Демидова, который во время наложения этого запрета был в Санкт-Петербурге, где владел

огромными связями. Однако запрет был вполне обоснован: «Железных заводов вполне довольно, к тому же есть опасность, чтобы сооружением их на Урале медных заводов дровами не оскудить» – говорилось в указе от 23 мая. И там же давалась рекомендация: «стараться размножить серебряные и медные, серные и квасцовые заводы, ибо таковых в России нет». Обоснование вполне логичное: страна на тот момент более нуждавшаяся в медеплавильных и серебряных заводах, потребных для чеканки монет, которая также находилась в ведении Берг-коллегии.

Татищев остался при своем мнении, считая что наращивая производство железа, Россия сможет продавать его за границу, увеличив таким образом доход казны (в чем, как показало время, оказался прав), однако строительство нового завода пришлось остановить.

В документах у нового завода уже было имя – Исетский. И если б Татищеву удалось отстоять этот проект – что было б вполне реально, если бы не его конфликт с Демидовыми, – то на месте этого завода скорее всего вырос бы уже не поселок, а город Исетск. Причем основателем этого города был бы один лишь Василий Татищев, а год основания Исетска был бы, конечно, 1721-й.

Однако в реальности история распорядилась совершенно иначе – стараниями совсем другого человека, который сегодня считается соавтором основания Екатеринбурга – Вильгельма де Геннина.

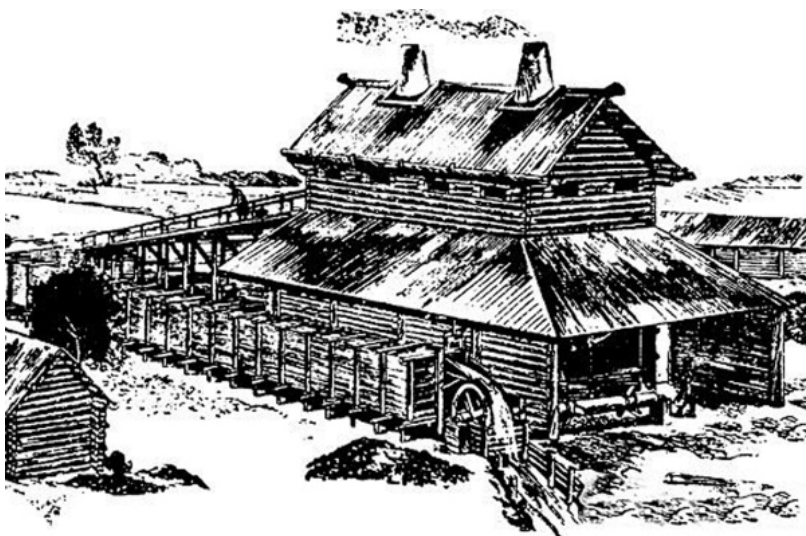

Рис. 7. Так выглядели первые заводы Урала (реконструкция)

Рис. 8. Вид на Невьянский завод со стороны падающей башни
(начало XX века)

Рис. 9. Вид на Каменский завод (фото С. Прокудина-Горского, начало XX века)

Рис. 10. Пушка, установленная в виде памятника в современном Каменске-Уральском

Рис. 11.
Думный дьяк Андрей Винуус,
возглавлявший Сибирский
приказ с 1694 по 1704 гг

Рис. 12.
Никита Демидов, первый частный
владелец заводов Урала,
основатель династии Демидовых

Рис. 13.
Акинфий Демидов,
сын первого Демидова,
создатель горнозаводской
империи с центром на Урале

Рис. 14
Василий Татищев,
горный начальник,
начавший строить
Исетский завод
в 1721 году

Рис. 15. План Уктусского завода (1720 год)

III. Екатеринбург как проект генерала де Геннина

Любой исследователь истории Екатеринбурга неизбежно сталкивается с одним вопросом: а почему, собственно, у города два основателя? Если причина лишь в том, что Татищев был отстранен от должности горного начальника и его место занял де Геннин, то почему тогда Татищев остаётся основателем Перми, причем единственным? Почему вообще годом основания Екатеринбурга считается 1723-й, а не 1721-й, ведь первые работы по закладке города начались уже тогда?

Ответ все три вопроса такой: потому что Екатеринбург – это нечто гораздо большее, чем задуманный Татищевым Исетский завод. Екатеринбург – это проект большого города, возникший в 1723 году.

И автор этого проекта – генерал де Геннин.

Третейский судья

Мы расстались с Василием Татищевым в декабре 1721 года, в нелегкое для него время, когда обвиненный во взяточничестве, он был отставлен с высокой должности начальника горных заводов, проиграв тем самым противостояние с всесильными Демидовыми, и не сумев отстоять строительство Исетского завода.

Однако Василий Татищев не впал при этом в совершенную опалу – скорее всего, за него заступился давний его покровитель, президент Берг-коллегии Яков Брюс. Так или иначе, но в дело вмешался сам Петр I, который, выслушав обе стороны – Василия Татищева и Никиту Демидова – не стал рубить с плеча (что почти наверняка говорит о том, что он не поверил в виновность Татищева), а принял «соломоново решение»: назначил в этом деле «третьего судью» – приказав «учинить розыск» начальнику Олонецких заводов Вильгельму де Геннину. Петр приказал: «разыскать между Демидовым и Татищевым... не маня ни для кого, и писать о том в Сенат, в Берг-коллегию, и к Нам». Сам же Василий Никитич приказом Петра попал в очень неопределенное положение, ибо было указано «капитану Татищеву быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства... до окончания того дела быть не надлежит».

Присмотримся пристальнее к де Геннину. Вильгельм де Геннин (полное имя – Георг Вильгельм, а вот на русский манер – Вилим Иванович Геннин) по происхождению был немец, родившийся в крохотном городке Зиген, что выяснилось, кстати говоря, совсем недавно, потому что при приеме на русскую службу своим родным городом он назвал Ханау, который к тому же еще и спутали с более известным Ганновером. Фамилию его при приеме на службу тоже, кстати говоря, немного переврали – семья его носила фамилию Ганинг. Семья эта была протестанская, точнее – лютеранская, причем дед его был священником, а сам де Геннин всю жизнь оставался приверженцем этой веры. И Ханау действительно был для этой семьи родным городом, вот только незадолго до его рождения, во время франко-голландской войны, были гонения на протестантов, и семья временно переезжала

в Зиген, где он и родился, а затем вернулась обратно в Хану. Его отец, Иоганн, был офицером артиллерии, что объясняет интерес самого де Геннина к артиллерийской науке, ну а его мать – что для нас также важно – звали Катарина. Что же касается приставки «де», которая означает, как правило, дворянское происхождение, то у де Геннина, несмотря на дворянские корни его небогатой семьи, она появилась не сразу – долгое время он подписывался без приставки. Причина же ее появления – либо большое количество заслуг, позволявшее ему пользоваться такой приставкой для большего уважения, либо, что скорее всего, появившаяся привычка подписываться на голландский манер, что в то время было модным. Тем более, что до поступления на русскую службу проживал он именно в Голландии, не испытывая там никаких языковых проблем. В любом случае приставка «де» в его фамилии появилась далеко не сразу, поэтому во всех документах времен «учинения розыска» он был Генниным без приставки, мы же употребляем ее здесь сразу, лишь отдавая дань традиции писать его фамилию именно в таком варианте.

Вильгельм был старше Татищева на десять лет (на момент назначения в 1722 году ему было 45) и был он, определению современников, «верный и честный служака». Определение это, однако, не вполне раскрывает суть его характера, потому что стандартный «честный служака», как правило, не поднимается до генеральских чинов. Как этническому немцу, ему присущи такие характерные черты этой нации, как прагматизм, пунктуальность, расчетливость и бережливость. А в качестве дополнения – не вызывающие сомнений честолюбивость, самолюбие и тщеславие.

Карьеру на русской службе Вильгельм начал благодаря Петру, который открыл «Великое посольство», которое отбирало для России специалистов из европейских стран. Вильгельм был завербован этим посольством в Голландии как артиллерист. Службу он начал в унтер-офицерском чине фейерверкером – командиром артиллерийской батареи, а затем начал уверенно расти в чинах: в 1700 году он поручик, в 1706-м – капитан, 1708-м – полковник, а в 1722-м, на момент назначения горным начальником в Сибирь, он уже генерал-майор (точнее – получил этот чин вместе с назначением на эту должность). На службе он показал себя не только на полях сражений, проявив себя при взятии Выборга, Кексгольма и Гангута, но и – в большей степени – как инженер и организатор. В 1701 году он был архитектором оружейной палаты, потом в годы Северной войны занимался строительством крепостей, пороховых заводов, а также литейного двора в Санкт-Петербурге. Особенно же он отличился на должности коменданта Олонцевских заводов под Петрозаводском, сделав эти заводы крупнейшим в стране промышленным предприятием по производству вооружений.

К моменту назначения на Урал, де Геннин уже стал из «птенца гнезда Петрова» одним из соратников царя, будучи к тому же «на короткой ноге» с самыми близкими из этих соратников – такими, как Меншиков, Брюс и Апраксин, причем особенно он ценил дружбу и покровительство последнего, считая его «вторым отцом».

В общем, де Геннин был, как видим, птицей куда более высокого полета, чем Татищев или даже Демидов, и вполне годился на роль их «третьей судьбы».

Ну и – само собой – задачей де Геннина было «исправление медных и железных заводов».

Чем он и занялся.

Несостоявшийся претендент

Однако, прежде чем продолжить рассказ о том, как «третьей судьей» де Геннин решал спор между Татищевым и Демидовыми, упомянем одну тупиковую ветвь этой истории, многими позабытую.

Дело в том, что после отстранения от дел Василия Татищева, на Урале остался другой чиновник Берг-коллегии, который имел в Табели о рангах чин даже выше, чем у Татищева: вышший горный чин того времени – берг-рата, аж VI класса. Чиновника этого звали Иоганн Мартин Михаэлис.

На Урал Михаэлис прибыл в 1721 году, и состоял в штате Горной канцелярии еще в Кунгуре, а затем сопровождал Татищева и Близера в поездке на Уктусский завод. По происхождению это был саксонец, причем специально «выписанный» специалист по металлургии, который принял русское гражданство.

Почему же он не упоминался до сих пор? Причина в том, что этот саксонец, так и не потрудившийся выучить русский язык (и не желавший его учить), на все имел собственное мнение, пытаясь противостоять любым решениям Татищева. А так как Василий Никитич все же был начальником, то мнение Михаэлиса так и оставалось просто мнением.

Но вот после того, как Татищев был отстранен от дел, ситуация коренным образом изменилась – ведь Иоганн Мартин остался на Урале главным, выполняя роль начальника горных заводов. И он, конечно, эту возможность использовал.

В отличие от Татищева, который планировал строить большие заводы, крупнейшим из которых должен был стать Исетский, Михаэлис был сторонником создания множества мелких специализированных заводов с быстрой окупаемостью – железоделательных и медеплавильных. А как инженер, в 1722 году он руководил строительством вспомогательной верхней плотины Уктусского завода.

После отъезда Татищева, он предпринял попытку построить новую плотину на реке Исеть для небольшого железоделательного завода – выше по течению от Уктусского, однако попытка эта оказалась неудачной – первой же весной плотину снесло паводком. После чего этот чопорный немец, которому вообще не нравился Уктус, решил перевести Горную канцелярию в Соликамск. Сам он действительно переехал в Соликамск, но вот перевести туда канцелярию не успел – помешал приезд де Геннина с полномочиями нового начальника, который решил все иначе.

Вообще с генералом отношения у него не сложились – примерно так же, как и

раньше с Татищевым. В своих письмах де Геннин изображает его как образец лености и нерадения к службе: «...его понуждаю, чтоб он не ленился сам ездил и смотрел всех работ ... оной теоретик, а не практик и больше ищет себе покоя и почтения, нежели о вашей пользе прилежит». Михаэлис получил от де Геннина назначение – руководить строительством Пыскорского медеплавильного завода, однако побывал там лишь однажды – осенью 1724 года. Вместо него фактическим руководителем этого строительства стал направленный туда после этого де Генниным Татищев.

Легко себе представить, как именно развивалась бы промышленность Урала, если б «у руля» там остался Михаэлис. Постоянно находившийся в Соликамске и Соликамской провинции в статусе «независимого представителя» Берг-коллегии, именно Соликамск он бы и сделал столицей казенных заводов, оставив Средний Урал Демидовым, центром которого оставался бы Невьянск. А на месте нынешнего Екатеринбурга был бы Уктус, который остался бы небольшим поселком. В реальности же Михаэлис по настоянию де Геннина был в 1725 году указом Берг-коллегии отозван в Москву.

Не нужно, однако, думать, что Михаэлис был настолько «ленив и нерадив», что не оставил после себя ничего, о чем стоило бы сегодня вспомнить. Этот саксонец был по-своему даже трудолюбив, составив большое количество проектов, обзорных справок (например, срезнительный анализ Урала и Саксонии) и рекомендаций по практическому управлению заводов и их технологического устройства... Просто все эти рекомендации и справки на практике никогда не использовались.

Оставил он после себя и «вещественный» след: построенная под его руководством вспомогательная верхняя плотина Уктусского завода частично сохранилась по сей день и находится сейчас в черте Екатеринбурга.

Второй раунд противостояния Татищева с Демидовыми

Что же касается Татищева, то вряд ли ему понравилось сменить должность горного начальника на приказание «быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина». Мы можем вспомнить, как Петр в подобной ситуации обошелся со своим соратником, главой Сибирского приказа Андреем Винусом, который был бит кнутом, после чего бежал за границу. Был и куда более страшный пример: Матвей Гагарин, возглавлявший с 1708 года только что образованную Петром Сибирскую губернию, в 1719 году попал под расследование за «лихоимство» и был признан виновным, после чего казнен в Санкт-Петербурге прямо под окнами Юстиц-коллегии – в присутствии царя, придворных и собственных родственников, которым потом не давали снять труп с виселицы еще семь месяцев после казни. В общем, при неудачном стечении обстоятельств, все могло сложиться для него очень плохо. Оптимизма не добавлял и тот факт, что адмирал Федор Апраксин, которого де Геннин считал «вторым отцом», был давним покровителем Демидова. В общем, Татищев вполне мог ощущать на своей шее петлю, которая уже потихоньку затягивалась.

Между тем Никита Демидов, понимая, что на кону стоит и его будущее, не

полагаясь лишь на покровительство Апраксина, сразу после назначения де Геннина сам начал «искать подходы» к генералу. Узнав, что Геннин, собравший большую группу специалистов, отправляется в Сибирь водным путем, Никита заранее приторговал у московского владельца добротную баржу-коломенку, которую и «преподнес» генералу в заботе о его комфорте.

Экспедиция, в состав которой генерал включил двадцать мастеров с Олонецких заводов, на этой барже отплыла из Москвы, и продвигалась в Сибирь очень неспешно, прибыв в Кунгур лишь к началу октября, где де Геннин одобрил проект заложенного еще Татищевым Егошихинского (Ягошихинского – по стилистике того времени) медеплавильного завода, начало строительство которого считается сегодня датой основания Перми.

На Уктусский завод экспедиция де Геннина прибыла уже только 8 декабря. Оценив состояние производства де Геннин, опять соглашаясь с Татищевым, пишет в отчете, что «к старым заводам никоими мерами нельзя было пристроить мануфактур и фабрик и медных и штальных заводов, для того, что около старых заводов леса отдалели, а воды очень мало, и плотины худы». И уже 17 декабря генерал пишет в Берг-коллегию: «Весной буду строить железные заводы на Исети... А положение оных мест изрядные», – речь идет о возобновлении строительства Исетского завода, которое начал Татищев в 1721 году.

Так как начали складываться отношения у де Геннина с Татищевым, который с самого отплытия из Москвы был «при генерале», причем в непонятном качестве – то ли специалиста то ли «подследственного»?

Многие исследователи отмечают, что отношения их были, мягко говоря «сложными» – чисто по-человечески они, что называется «не сошлись характерами». Мало того: можно сказать, что де Геннин Татищеву откровенно недолюбливал, а вот Никита Демидов, напротив – вызывал у генерала скорее симпатию. Если же к этому добавить, что сам Василий Нититич в отношении де Геннина был сух и холодно-вежлив, то тем самым, казалось бы, уже гарантированно затягивал на собственной шее накинутую на нее петлю.

Однако здесь неожиданно у де Геннина проявились те черты характера, которые не могут не вызывать уважение: оценив Татищеву как великодушного специалиста, он стал активно использовать его как инженера. Мало того: неоднократно отсылал в канцелярию Петра I просьбы о разрешении заниматься Татищеву заводскими делами, не дожидаясь вынесения вердикта по жалобе Демидова. С удивительной прямоотой он пишет Петру: «я оного Татищеву представляю без пристрастия, не из любви ли какой интриги или б чьей то ради прозбы. Я и сам ево рожи калмыцкой не люблю, но видя ево в деле права и к строению заводов смышлена, разсудительна и прилежна».

Что же касается отношения к противнику Татищеву, то и здесь де Геннин меток в словах, давая ему такую характеристику: «Демидов мужик упрям... до сего времени никто не смел ему слова выговорить, и здесь он поворачивал, как хотел. Ему не очень мило, что Вашего величества заводы станут здесь цвествь, для того, что он мог больше своего железа продавать и цену наложить как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не ваши». Еще в декабре де Геннин потребовал от Никиты письменного изложения

жалобы против Татищева: «росписав с фундамента все порознь... от капитана Татищева ему каки обиды». В ответ на это Демидов удивил, ответив что письменную жалобу подавать не станет, «желая мириться с Татищевым». Генерал же настаивал, поясняя что «прислан не мирить, а учинить розыск», а если тот и далее будет настаивать, то решит что «жалобу приносил напрасно». На письменной жалобе настаивал также и глава Берг-коллегии Брюс, который был в этом противостоянии явно на стороне Татищева. Он писал Демидову: «Известен я, что вы жалобу приносите на капитана от артиллерии Татищева, будто он вам некоторые обиды кажет. И вы в том оберегитесь, чтоб было не напрасно». И Демидов в итоге просто-таки уже вынужден был подать официальную жалобу, которую в Берг-коллегии и получили уже в конце 1722 года. При этом никакого противодействия де Геннину, как это было с Татищевым, Демидовы не выказывать не смели. От такой напасти генерал, впрочем, подстраховался сам, получив под начало солдат Тобольского полка, первая рота которого прибыла на Уктусский завод в феврале 1723 года. Вместе с солдатами прибыли и строители: плотники, слесаря, кузнецы. Сам же Никита Демидов в качестве «жеста доброй воли» прислал главного из своих плотинных мастеров – Никиту Злобина, при котором были два помощника и целый обоз припасов и инструментов: вскоре им предстоит возводить плотину на месте нового завода на Исети – будущего Екатеринбурга.

Зимой де Геннин вернулся в Санкт-Петербург, чтобы представить царю результаты «розыска». В поданом рапорте он полностью оправдал Татищева тем, что тот стремился развивать казенные заводы, на которые «смотреть сожалительно и оные в весьма худом порядке», тогда как Демидовские процветали. В «порухе» этих заводов, по мнению де Геннина, виноваты были в первую очередь местные власти, управлявшие ими еще до Татищева, а Демидов же «делал все что желал» и «не залюбил с таким соседом жить и искал, как бы его от своего рубежа выжить». Опроверг он и обвинения Татищева во взяточничестве: «понеже и деньгами он не мог Татищева укупить, чтоб Вашего величества заводам не быть». В итоге, если решение по делу Татищева будет положительным, генерал предлагал восстановить Василия Никитича во главе Главного Правления заводов. При этом де Геннину пришлось оправдываться перед демидовским покровителем Апраксиным, которому он писал, что «не мог угодить Демидову... однако делал правду перед Богом и его величеством». Дело, однако ж, на этом не кончилось – его передали для рассмотрения в Сенат. Самого же Татищева решено было до исхода тяжбы оставить при де Геннине, которого вернули обратно на Урал.

12 марта крестьяне и мастеровые приступили к «устроению Исецких заводов», по случаю которого священник Тобольского полка Иван Ефимов отслужил первый молебен. В апреле вышел указ Петра о строительстве «добротной дороги» к стройке от Уктусского завода, а на самом заводе уже появились первые фабрики: молотовая, стальная, жестяная и медеплавильная. В мае уже построили здание, в которое переехала с Уктуса заводская контора с заводским управителем, казначейством и земским комиссаром, в подчинении у которого была своя контора – земская. К 1 августа завод уже имел достаточно зданий, чтобы там начал работу Обер-бергамт: так к тому времени называлась главная горная канцелярия, ведавшая горнозаводскими делами на Урале и в Сибири. К 7 сентября закон-

чили строительство плотины, а 18 ноября состоялся технический пуск завода – «в одной молотовой пошли в ход два молота».

Между тем высший суд закончил рассмотрение судебного дела только в ноябре, своим вердиктом полностью оправдав Василия Никитича. Никите Демидову – за то, что «не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но, презирая указы, дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать» было вменено вместо наказания «взять штраф 30 000 рублей». Также суд постановил оплатить Татищеву все убытки, понесенные им в ходе следствия. Сам Василий Никитич известие об этом получил, находясь на строительстве Пыскорского завода, получив письмо, в котором было писано: «При тех заводских делах... быть по прежнему Татищеву, ибо он по делу с Демидовым явился прав».

Казалось бы – в этот раз Татищев выиграл. Да, безусловно, – он выиграл, сумев сохранить и свою жизнь, и честное имя. Но вот на что-то большее в споре с Демидовыми рассчитывать было бы наивно. Целый год Татищев, продолжая работать под началом де Геннина, ждал возвращения на прежнюю должность. И дождался: уже в октябре следующего, 1724-го, года Петр издал указ, коим... Татищев отзывался с Урала в Швецию, где должен был знакомиться с горными промыслами, денежным делом и «прочими мануфактурами». По сути, он был отправлен в почетную ссылку.

С деньгами Демидова вышло еще интереснее: царь, по-прежнему благоволивший к своему «Демидычу», отложил выплату штрафа. А потом, уже после смерти Петра, всесильный Меншиков сумел отменить и решение Сената, обязывавшее Демидова к этой выплате. Причем в этом решении Меншикова поддержал и сам де Геннин, у которого к тому времени отношения с Демидовыми сложились почти дружеские.

Так что в итоге «второй раунд» конфликта Татищева с Демидовыми следует считать скорее ничейным.

Успешный пиар-проект

Начнем с того, что решение о возобновлении строительства Исетского завода, начатого Татищевым в 1721 году, было принято Берг-коллегией, скорее всего, уже в первой половине 1722 года – до отъезда де Геннина на Урал. Или, что скорее всего, было принято предварительное решение, утверждать которое было дано на усмотрение де Геннина. Вывод такой можно сделать от того, что его письмо в Берг-коллегию: «Весною буду строить железные заводы на Исети», написанное всего через десять дней после его прибытия на Уктусский завод, выглядит совсем не просьбой, а решением по уже обсужденному делу. В пользу этой версии говорит и скорость принятия решения (в феврале уже получено официальное разрешение на строительство), и размах этой стройки, к которой с самого начала привлекается большое количество людей, и быстро выделенные средства (10 тысяч рублей на строительство завода поступили уже в марте). Возможно тогда же было принято решение и о том, что кроме завода будет строиться крепость, наличие которой резко повысило статус будущего завода. Но вот только имя поначалу все же было

«Исецкий завод», иногда – «Новозачатые Исетские заводы».

Когда же появилось название Екатеринбург?

В письме Екатерине, датированном 12 (23) июня 1723 года, де Геннин пишет: «оную крепость и завод осмелился именовать до указа Катериненбурх, а заводы Катериненбургские, в память высокославного имени вашего величества». К письму была приписка: «При сем посылаю... первой плод – из чистой меди презентом талер, и желаю... с него кушать... во здравие и радость». Это был подарок к письму: медное блюдо с гравировкой «Катеринь Бурхъ».

Как мы помним, первые фабрики, в числе которых медеплавильная, поставили еще в апреле, и видимо к июню уже удалось не только выплавить первую медь, но и изготовить из этой меди блюдо с гравировкой. Получается, что уже весной было принято решение именовать «завод и крепость» Екатеринбургом.

Чье это было решение?

Ну, конечно же, самого де Геннина. Ни Петр, ни Екатерина о нем еще не знают.

Но как ему пришла в голову такая идея?

Рассуждая об этом, нужно снова вернуться к личности самого де Геннина. С одной стороны – как человека, который может поступить «по чести», как он сделал это с Татищевым, – мы его уже видели. Теперь же рассмотрим другую его сторону – как человека честолюбивого, если не сказать тщеславного.

Давайте для начала попробуем поискать в его биографии факты, подтверждающие такое определение. Вспомним, например, что за согласие ехать в Сибирь он получил от Петра генеральский чин. А уж совсем откровенно о своем честолюбии он пишет в письме к своему «второму отцу» Апраксину: «Прошу у Вашей милости, ежели еще Бог мне велит жить, возможность мне от заводских работ честь и повышение чина себе нажать?». И поясняет свою позицию: «Я по милости твоей отеческой здесь сыт, однакож всякой человек ищет себе чести и повышения чина, за что мы на свете служим». Получилось прямо изложение жизненного кредо.

Возвращаясь, однако, к вопросу о том, как пришла в голову де Геннину идея назвать завод и крепость в честь Екатерины, то ответ на него он дает сам, причем со свойственной ему прямоотой. В том же письме Екатерине он пишет: «Для того во имя вашего величества велел именовать, что на Олонце построены заводы и именованы во имя его императорского величества, а сим заводам надлежит быть именованным быть имя вашего величества, однако ж о том ожидаю указу». Речь идет Петровских заводов, которые он придумал именовать в честь Петра I (ныне – город Петрозаводск). И тогда это у него получилось: Петр подписал соответствующий указ, а сам де Геннин после этого был осыпан милостями. Почему бы теперь вновь не проверить комбинацию, которая уже оказалась успешной?

Однако на этот раз комбинация была тоньше: раз крепость и завод будет носить

имя не самого Петра, а Екатерины, то и пишет он об этом самой Екатерине – чтобы та одобрила название и «пролоббировала» выход нужного указа. Причем действовать он решил только через нее – на следующий день он пишет письмо самому Петру, однако в нем, подробно рассказывая о заводских делах и нападениях «башкирцев» (крепость при заводе строилась в том числе в качестве защиты от нападений татар и башкиров), он ни слова не говорит о том, что решил переименовать крепость и завод. Единственная особенность этого письма – в конце его подпись без указания места, где оно писано, просто «Вилим Геннин» – и все: видимо он просто уже не знал, как подписывать название, и не подписал никак.

Дополнительным фактором выбора нового названия для прагматичного де Геннина мог быть и тот факт, что завод был задуман огромный: 2 домны, 14 кричных молотов, медеплавильная, стальная и якорная фабрики, машины для сверления пушек... На тот момент во всем мире было не сыскать такого огромного завода в одном месте. С учетом того, что кроме завода там строилась еще и крепость, план которой был разработан заранее – это была стройка таких масштабов, что сравнить с ней можно было бы только строительство Санкт-Петербурга. Стало ясно – если задуманное удастся, то здесь будет построен город. А для города и имя нужно особенное, и покровительство на самом веру – чтоб не тормозилось финансирование. И имя «Екатеринбург» вполне подходило как дополнение к Санкт-Петербургу – поэтому и сам план будущего города несет в себе черты «столичности».

Однако заявить о намерении – одно, а вот реализовать его – совсем другое. Поэтому де Геннин пишет письма, где упоминает название «Екатеринбург», всем знакомым: Апраксину, Брюсу и даже двум фрейлинам Екатерины. 7 сентября даже в очередном послании Петру он уже решился после подписи указать: «Екатеринбургские заводы».

Однако лишь 28 августа (8 сентября) Екатерина направила ему ответное письмо, в котором одобрила его инициативу: «за название завода новопостроенного благодарствуем». Но письмо – это еще не указ, а именовать в документах завод новым именем до официального указа могли счесть и самоуправством, а за такое по головке не гладят. И тогда де Геннин, едва получив это письмо, уже в сентябре сам едет в Санкт-Петербург. Там он попадает на прием и к Петру, и к Екатерине – и те встречают его благосклонно, одобряя его инициативу, но... подписания нужного указа он так и добился.

Когда же подписан такой указ? Ответ удивителен: скорее всего Петр никогда его и не подписывал! В ответ на такое утверждение сразу возникает встречный вопрос. Как не подписывал? Ведь есть официальный: «Указ о наименовании Екатеринбургом крепости, построенной на реке Исети!» Все правда, есть. Вот только ответ прежний: скорее всего Петр этот указ не подписывал.

Почему? Бывают иногда случаи, когда какой-то очень важный документ по тем или иным причинам так и остается не подписанным. Например, Никита Демидов возведен в дворянский титул указом Петра I от 21 сентября 1720 года. Однако указ этот где-то затерялся, а дело было важное – речь шла о переходе наследства его сыну Акинфию. Тот на деньги не поскупился, и чиновники стали усердно искать. Но так и не нашли, хотя в

кабинетных делах сохранились более поздние указания на то, что он действительно был. Даже выяснили, что в том же 1720 году для Демидова был заготовлен особый диплом: «О пожаловании дворянства», но и он оказался... не подписан Петром. Чиновники, извиняясь, поясняли: не подписан он случайно – «за отъездом Демидова». Может быть и в этом случае похожая история?

История скорее всего несколько иная. Читаем внимательно «Указ о наименовании Екатеринбургом крепости, построенной на реке Исети». Это – местный документ, составленный 23 декабря 1723 года (то есть по нашему стилю уже 3 января 1724-го), который основывается на промемории (прошении) генерал-майора де Геннина в Тобольскую губернскую канцелярию от 19 (30) ноября, к которой он представляет копии писем и подтверждений, полученных им лично от императора и будущей императрицы в сентябре 1723 года (дата не указана). Далее в документе говорится о том, что «того же ноября 22 дня (3 декабря по нашему стилю) по его императорскому указу и по приговору тобольской губернской канцелярии»... велено послать те «промемории» дальше – в тобольскую земскую кантору.

Но где же указ Петра? Дело в том, что Петр вообще испытывал большие сомнения, а стоит ли называть город в честь Екатерины. Причина в том, что как раз в то время, когда де Геннин приехал в Санкт-Петербург за указом, там решался вопрос о коронации Екатерины как императрицы, но Петр долго сомневался, стоит ли это делать – вопрос это был очень важный, так как касался престолонаследия. После чего де Геннин, вернувшийся на Урал без указа, попал в непростую ситуацию: он уже растрюбил всему свету о наименовании нового города Екатеринбургом, но указа так и не получил. А чиновники такого нигде не любят – им подавай официальную бумагу. И главное: как в документах именовать завод?

Волнение де Геннина по этому поводу росло. А между тем, вопрос этот, вроде бы решался в его пользу. 22 октября он пишет через канцелярию Петру, что уже 7 октября получил «дубликат ис писем вашего величества, тако ж де и ее величества нашей всемилостивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны, ис которых оригинал будет ис Кабинета прислан адъютантом Шкадером вперед, и о наименовании крепости при Исете-реке Екатеринбург». Ясно, что вскорости он ждет указа, который должны прислать с адъютантом. В тот же день он посылает в столицу чертежи будущей крепости «не ожидая Шкадера, потому что есть в том крайняя нужда». На следующий день – та же забота: «надобно мне и не без нужды быть к Москве, а без указа б не уехать» – указ ему очень важен, однако, судя по всему, в Москву он уехал так и не дождавшись указа. И уже вернувшись из Москвы, 19 ноября, он пишет Екатерине: «Вашего величества указ и всемилостивейшее мне недостойному письмо благодарственное получил с великою радостью». Из этого письма создается впечатление, что долгожданный указ наконец-то получен, за что он и благодарит Екатерину. Однако есть нюанс: в тот же самый день де Геннин пишет послание Петру с огромным приложением «Табели Сибирских Горных заводов», однако в нем – ни слова благодарности за долгожданный указ и ни единого о нем упоминания. Предположительно случилось вот что: среди присланных с адъютантом указов «того самого» так и не было. От Екатерины же пришло благодарственное письмо, за которое, конечно же, следовало благодарить в ответ, что он и сделал.

Тем временем вопрос с коронацией Екатерины решился положительно. Состоялась она только в мае уже следующего, 1724-го, года, но вот манифест о будущей коронации был выпущен уже 15 ноября 1723-го. И будучи в Москве, де Геннин наверняка узнал об этом манифесте даже еще до официального его объявления. После чего решил действовать на свой страх и риск. Решив, что лучше момента уже не найти, он 19 ноября, то есть в тот же день, когда благодарил в письме Екатерину, подал собственное прошение в Тобольскую канцелярию о наименовании крепости Екатеринбургом.

Остается, конечно, вероятность, что указ Петра все же был, но потом затерялся – так же точно, как затерялся указ о возведении Никиты Демидова в дворянский титул. Однако в пользу версии, что прошение в Тобольскую канцелярию было все же рискованной инициативой де Геннина, говорит тот факт, что для этого прошения ему пришлось использовать «письма и подтверждения», тогда как если бы был присланный через адъютанта императорский указ, то и не потребовалось бы само прошение де Геннина. А вот дата подписания этого указа Петром могла бы стать официальной датой основания Екатеринбурга.

Впрочем, у де Геннина все получилось. Прощение, которое Тобольская канцелярия, которая тоже в скором времени получила из столицы манифест о предстоящей коронации Екатерины, просто не смогла игнорировать. И Екатеринбург получил свое имя – без всякого императорского указа, на основе лишь тех самых «писем и подтверждений», предоставленных де Генниным. И это сошло ему с рук: позже в одном из писем император упомянул как факт «завод, названный Екатеринбург». И это была победа!

Впрочем, даже в том случае, если императорский указ просто не сохранился до нашего времени, сути дела это не меняет. А суть в том, что именно де Геннин – настоящий основатель Екатеринбурга, тогда как Татищев – лишь автор неудавшейся попытки основать Уктусский завод, на месте которого был потом построен Екатеринбург, получивший статус «сооснователя», даже при всех его последующих заслугах перед городом, лишь за это.

Продолжая же нашу историю о Екатеринбурге, в качестве «вишенки на торте» стоит упомянуть о том, что вдохновленный своим успехом де Геннин на наименовании Екатеринбурга не остановился, назвав в 1727 году честь дочерей Петра и Екатерины еще два завода – завод цесаревны Анны и завод цесаревны Елизаветы, будущей императрицы Елизаветы Петровны, а позже появился еще и завод императрицы Анны – Анны Иоановны. Два упомянутых завода сейчас входят в состав Екатеринбурга, первый именуется Верх-Исетским, и сегодня это название носит одноименный административный район города, а второй – это Елизавет: жилой район в составе Чкаловского административного района, ну а третий завод – это нынешний город Сысерть.

Что в имени твоём?

Итак, мы теперь знаем о том, что Екатеринбург – это успешно реализованный проект де Геннина, который решил назвать город в честь жены Петра I, Екатерины, будущей императрицы Екатерины I. Так? Да, но есть нюанс. Нюанс этот в том, что назвать он его решил: «в память высокославного имени вашего величества», в другом случае: «во имя вашего величества». То есть – в честь имени Екатерины.

Чтобы понять этот нюанс правильно, окунемся в реалии того времени. Россия тогда – это православная страна, в которой для любого человека именины (иначе – день Ангела или день тезоименства, если речь идет о членах царской семьи или иных высокопоставленных особах, к коим, конечно, принадлежала Екатерина) были куда более важным праздником, чем день рождения. Мало того – день именин (то есть «день имени»), который отчитывался для человека со дня его крещения и считался настоящим днем рождения. Дату же появления на свет, которую сегодня принято праздновать как день рождения, далеко не все даже помнили.

При крещении человек получает имя, которое привязано к празднованию дня кого-то из святых – в честь которого этот человек и получает свое имя. В православной традиции это имя определяется с помощью православного календаря, который называется Месяцелов, в просторечье более известный как Святцы. В случае крещения ребенка, его христианское имя выбирается из чила имен, указанных в Святцах на день его крещения родителями или священником, и поэтому родители в то время практически никогда заранее не придумывали ребенку имя – принимая то, которое дадут ему уже при крещении или выбирая из Святцев на определенную дату. И естественно, день своих именин потом человек уже и праздновал как день своего рождения, хотя этот день, как правило, и не совпадал с тем днем, когда мать произвела его на свет.

То есть с детьми, рожденными в христианской среде в то время, все становится ясно. Но что, если человек крестился, уже будучи взрослым? В таком случае человек получал новое имя, которым и должен был пользоваться, если жил в православной стране.

Именно так это и произошло с Екатериной, которая была рождена как Марта Скавронская, а позже – и с Екатериной II, урожденной как София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская.

Вильгельм де Геннин, хоть сам был лютеранином, а не православным, но традиции, общие для всех христиан, знал с детства, а кроме того уже прекрасно изучил традиции православия тогдашней России. Поэтому и писал Екатерине не «в честь вас», а «в честь вашего имени». Вспомним еще при этом, что мать самого де Геннина звали Катерина, так что в смысле имени он мог считать, что еще и называет город в честь имени своей матери – вряд ли такое не пришло ему в голову. А кроме того, здесь де Геннин похоронил свою дочь (о чем он очень прочувственно пишет императрице, начиная то самое письмо, где впервые говорит о Екатеринбурге: «в Сибири з женою своей жив, токмо дочь моя бывшая отиде Богу вечный покой»), что также является весомой причиной относиться именно к этому месту особым образом.

Сегодня нам, чьи имена родители выбирали не по Святкам, и празднующим не именины, а дни рождения, уже сложно понять факт, который для людей того времени был простым и естественным – город, названный в честь Екатерины, просто так автоматически считался названным в честь святой Екатерины, хотя все при этом знали, что де Геннин назвал его в честь императрицы Екатерины.

Парадокс? Для нас, людей, которые уже «испорчены» памятью о многочисленных переименованиях советского времени, когда города действительно называли в честь фамилий или партийных кличек конкретных людей, это действительно непонятно. А вот для людей того времени в этом не было никакого противоречия.

Вещественным доказательством этого служит тот факт, что уже 1 октября 1723 года священник Тобольского полка Иван Ефимов (тот самый, который еще в марте отслужил на месте будущего Екатеринбурга первый молебен) освятил закладку первой православной церкви – очень простой, построенной по типу мазанки – которую называли «церковь во имя Святой Великомученицы Екатерины». Позже на ее месте был построен Екатерининский собор, который также называли храмом Святой Екатерины или Екатеринбургским горным собором. Храм этот был взорван большевиками в 1930-м году и лишь в 1991 году на его месте вновь появился каменный крест, а в 1998-м там открылась небольшая часовня Святой Екатерины.

День памяти святой великомученицы Екатерины – 24 ноября (этой дате 1723 года соответствует современное 5 декабря, а ныне этот день отмечается 7 декабря). Именно в этот день в 1723 году в Екатеринбурге был праздник: палила холостым зарядом пушка, а солдаты Тобольского полка кричали «Ура!» и пили пиво за казенный счет. В дореволюционной России день святой Екатерины был в Екатеринбурге из главных праздников и нерабочим днем. Именно этот праздник и являлся в то время наиболее близким аналогом нынешнего Дня города, отмечая который, горожане в обязательном порядке посещали Екатерининский собор.

Рис. 16
Вильгельм де Геннин,
горный начальник, который в 1723
решил назвать строящийся завод
Екатеринбургом

Рис. 17.
Петр I, русский царь
и первый российский император.
Отправил де Геннина на Урал для
разрешения спора Татищева с
Демидовыми и основания новых
заводов

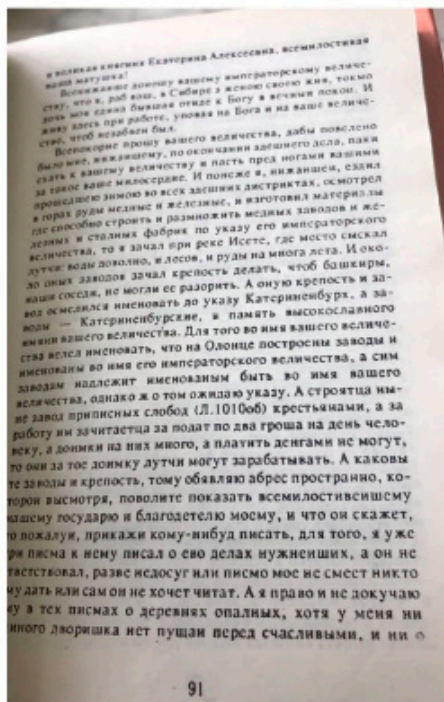
Рис. 18.
Супруга Петра I, будущая
императрица Екатерина I.
Про Екатеринбург она писала
де Геннину: «за название во имя нас
завода новопостроенного,
благодарствую»

№ 23. 1723 г., июня 12. Письмо В.Геннина императрице Екатерине о строительстве крепости и завода на р.Исете и наименовании их Екатеринбургом.

(Л.1010) Всемиловещишая государыня, императрица

90

чем иным кроме дел его любезнейших, о строении и устройстве железного завода, и что ко оному надобно для исполнения по указу, имея позволение, чтоб я ему угодил для пользы государства вашего. А у оной крепости работает полк салдат пехотных, которые присланы из Тобольска для обережания завода построитца, а жалованья им десяти только по олимпиадти алтын человеку на месяц, да пропитан, а помыже в Питербурх салдатом, которые при работах, дается сверх жалованья на рабочие дни по алтыну на летнюю день человеку, а я хотел оным салдатам сверх жалованья давать на рабочие дни вылаз против питербургского сверих жалованья, только без указа давать не смею, чтоб на мне после было не допралено. И о том я преж сего писал, только указ (Л.1011) еще от хозяина вашего не получил. А оную крепость я завод надеюсь нынешним летом построить, а как построятца, перед Олонецкими заводами железными всякие припасы вперед будут гораздо становиться дешевле для того, лесов и руд довольно, и места хлебородные, а работных наймать можно дешевле ж.

В протчем остаюсь

вашего величества, всемиловещишей нашей государыни всепокорнейший раб
Вилим Геннин.

Екатеринбурга,

июня 12 асьи 1723 году.

(Л.1011об) P.S. При сем посылаю до вашего императорского величества, наши всемиловещишей государыни матушки новон оченшательной фабрики, какова в России не бывало, перон плод — из чистой меди презент с его императорским величеством даровал с него купать здравие и радость.

РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 42. Л. 1010-1011 об. Подлинник. Опубликован Борз В. Железнодорожное хозяйство-деятельства В.И.Геннина, основателя Российского горного завода // Горный журнал. 1826. Кн. IV. С.117-119.

Рис. 19. Письмо де Геннина Екатерине
(из книги «Уральская переписка с Петром I и Екатериной I»)

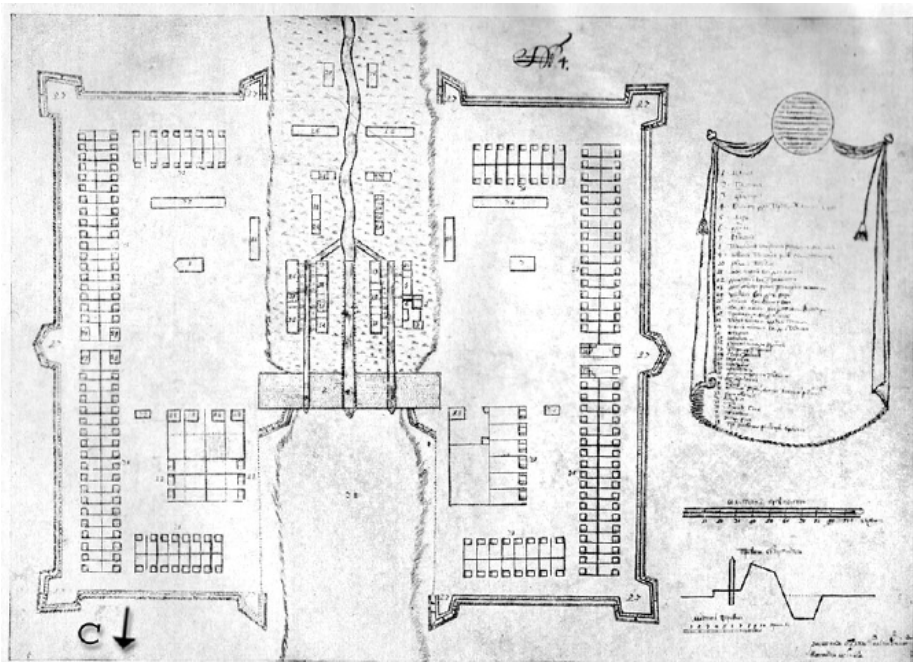

Рис. 22. Первый план Екатеринбурга (1723 год)

Рис. 23. Солдат Тобольского полка (реконструкция)

Рис. 24 Плотина на реке Исеть, построенная в 1723 году (современный вид)

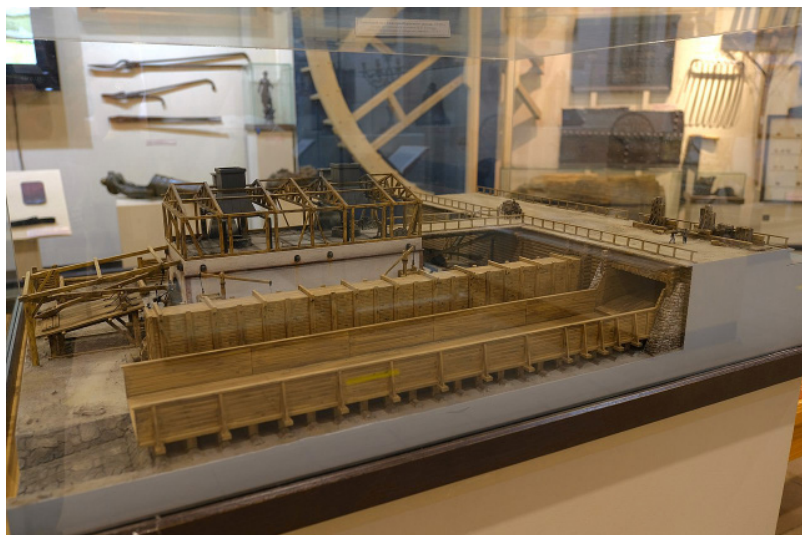

Рис. 25. Макет доменного цеха (музей истории и археологии Урала)

Указъ о наименованіи Екатеринбургъ
крѣпости, построенной на рѣкѣ Исеть.

Указъ его величества императора и самодержца всероссийскаго изъ тобольской губернской канцеляріи въ Енисейскую правницію стоанику и воеводѣ господину Вердеревскому. Сего 723 году, ноября 19 дня, въ тобольскую губернскую канцелярію отъ генералъ-мажора господина Гениина въ променоріи написано: сего 723 году, сентября дня, получилъ онъ отъ его императорскаго величества, нашего всемилоствѣйшаго государя, также отъ ея величества всемилоствѣйшей государыни императрицы. за ихъ собственными руками, письма и конфирмаціи, что новую крѣпость, которая построена въ Угорской правниціи при рѣкѣ Исеть, и въ ней заводы съ разными фабрики и мануфактуры, назвали во имя Екатеринбурхъ, для памяти вѣчные роды и для вѣчной славы ея величества, всемилоствѣйшей государыни императрицы; и ежели какіе променоріи надлежитъ къ нему посылать, то писать въ Екатеринбургъ въ сибирской оберъ-берхъ-амтъ. И того жъ ноября 22 дня, по его императорскаго величества указу и по приговору тобольской губернской канцеляріи, велѣно въ тобольскую земскую кантору и въ рентерію со означенной променоріи послать изъ губернской канцеляріи променоріи, и при тѣхъ променоріяхъ приложить со означенныхъ копій копій же, и о томъ въ Екатеринбургъ въ сибирской оберъ-берхъ-амтъ отвѣтствовать променорію, также въ Енисейскую и Иркутскую правниціи и тобольского приеду въ города къ воеводамъ и въ дистрикты къ камисаромъ для вѣдома о томъ же послать указы. И какъ ты сей его императорскаго величества указъ получишь, и ты бѣ о томъ по сему его императорскаго величества указу вѣдалъ и о томъ въ губернскую канцелярію репортовалъ. Декабря 23 дня, 1723 году.

На подлинномъ указѣ въ закрѣпѣ написано: князь Семень Козловской. Писарь, за секретаря, Иванъ Злобинъ. Смотрилъ Гаврило Романовъ.

Енисейск. кн. 5, актъ № 148.

1. Копія приговора-указа Тобольской губернской канцелярии о наименовании Екатеринбургской крепости, построенной на Исети.

Рис. 26. Указ о наименовании Екатеринбурга Тобольской губернской канцелярии

IV. Как Екатеринбург стал «столицей Урала»

Екатеринбург – «столица Урала». Это расхожее выражение или реальность, зафиксированная одной фразой?

Давайте попробуем разобраться.

12 лет правления де Геннина

В том, что генерал де Геннин, отправленный Петром I на Урал в качестве «третьей стороны» в споре Демидовых с Татищевым поддержал именно Татищева, была своя прагматика. Присмотревшись к Василию Никитичу и верно оценив его ум и деловые качества, де Геннин, судя по всему, приготовил ему роль преемника и, возвратив ему должность начальника горных заводов, сам он не собирался долго задерживаться на Урале. Однако, несмотря на то, что в споре с Демидовыми и де Геннин, и суд встал на сторону Татищева, Петр, опасаясь новых конфликтов горного начальства с Демидовыми, отправил Татищева с глаз долой – в «почетную ссылку», а генерала оставил на Урале. И по-своему оказался прав: с Демидовыми де Геннин не только не конфликтовал, но почти подружился, что очень помогло развитию казенных заводов.

После смерти Петра де Геннин сохранил свою должность, занимая ее и при Екатерине I, и при Петре II, и при Анне Иоановне. Руководил заводами он успешно, за что в 1727 году – по случаю коронации Петра II – был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1731-ом был возведен кавалеры ордена Александра Невского, после чего стал подписываться, прибавляя к своей фамилии приставку «де».

Правил уральскими заводами де Геннин из Екатеринбурга, куда задолго до официального основания города, еще 1 августа 1723 года, была переведена с Утуса главная горная канцелярия – Обер-бергамт. Таким образом, Екатеринбург сразу строился как столица горных заводов, с самого начала получив старт, сравнимый разве что с Санкт-Петербургом. Вообще, до официального основания, в строящемся Екатеринбурге, много чего произошло: сначала еще в феврале де Геннин позволил крестьянам свободно добывать руду, но с условием поставки ее на казенные заводы для плавки – предложив тем самым сотрудничество мужикам, которые добывали и плавил руду «дедовским» способом, несмотря на официальный запрет самовольной добычи руд и выплавки металлов, который был закреплен петровским указом еще 1717 года. Предложение это постепенно сделало Урал своеобразным «офшором» XVIII века – здесь можно стало официально добывать и продавать руду для казенных заводов, за что во всей остальной России была предусмотрена смертная казнь. 8 июня в будущем Екатеринбурге состоялась первая плавка меди, поднос из которой уже 12 июня был отправлен Екатерине. 10 августа – первая публичная «экзюция» для пересечения побегов: труд крестьян был каторжным, и некоторые пытались бежать. Схватили девятерых – восемь беглецов и одного конокрада, четверо из них были приговорены к казни. Всех их в этот день прогнали сквозь строй солдат

Тобольского полка, после чего двоих – Ивана Широкова и Степана Колесникова – повесили, а одного – гренадера Василия Жеравцова по прозвищу Комиссар – за повторный побег и подстрекание других к побегу, – колесовали с отсечением головы, которую повесили «на спицу». Последнего из приговоренных помиловали, но с приговором: «бить кнутом на площади нещадно и вырезать ноздри», к чему де Геннин своей рукой дописал: «и уши обрезать» (из чего можем заключить, его милосердие его, так явственно проявившееся в случае с Татищевым, было весьма избирательным). В начале сентября – другое важное событие в истории города: закончили постройку плотины, место для которой выбирал плотинный мастер Клеопин, а руководил ее возведением Леонтий Злобин – главный плотинный мастер Невьянского завода, которого «презентовал» де Геннину Никита Демидов. На этой плотине строителям города в 1923 году установили памятник, который потом обновили в 1973-м. В октябре было создано Екатеринбургское ведомство – территориальное образование в составе Тобольской губернии на правах провинции – на землях, отмежеванных от Тобольского и Верхотурского уездов, с собственной конторой судебных и земских дел. Этому ведомству были подчинены все казенные заводы Урала и казенные пристани на реке Чусовой. Также в октябре для охраны крепости военной коллегией здесь была постоянно расквартирована пехотная рота солдат, а на подступах к ней – в Горном Щите – драгунская рота. Для строительства Екатеринбургских заводов к ним были приписаны крестьяне из пяти ближайших слобод: Камышловской, Красноярской, Пышминской, Тамакульской и Белослущей. В том же октябре была пущена кричная фабрика, где из чугуна производилось полосовое железо. И лишь 7 ноября (18-го по нашему стилю) 1723 года был совершен первый – пробный – пуск двух кричных молотов «железо-делательного» завода: день, который сегодня считается днем основания города.

Екатеринбург образца 1724 года, согласно первой переписи, имел всего 300 жителей, однако он рос как на дрожжах и уже тогда обретал черты города. В 1724 году с Уктуса в Екатеринбург перевели словесную и арифметическую школы, а «все фабрики и заводы в действе», – как сообщал де Геннин Петру: Екатеринбургский завод начал поставлять стране железо и готовые пушки, мортиры, ружья. В 1725 году особый статус Екатеринбурга подчеркнул открывшийся здесь Монетный двор. Из местной меди тут начали печатать деньги, причем первые два года печатались уникальные «квадратные денежки» – медные платы, изготовленные по шведской модели. Однако они, из-за своей тяжести, оказались неудобны в обращении, и двор перепрофилировали на изготовление медных заготовок для монет, которые потом допечатывались уже не на Урале. К концу правления де Геннина в Екатеринбурге был построен целый заводской комплекс, а сам Екатеринбург стал уже настоящим городом.

Вильгельм де Геннин вернулся с Урала в Санкт-Петербург после прошения об отставке лишь в 1734 году, сохранив при этом статус пожизненного члена военной коллегии и начальника Сестрорецких и Тульских оружейных заводов с правом личных докладов императрице. Этой привилегией он воспользовался, чтобы преподнести ей свой капитальный труд «Описание уральских и сибирских заводов». Та, однако, книгу не оценила, и полностью издана она была лишь через двести лет.

Встретив старость в правление Елизаветы Петровны, при ней престарелый

генерал занимался лишь организацией фейерверков на праздниках. Умер он в Петербурге в 1750 году, пережив жену Фредерику-Луизу, возле могилы которой и был похоронен – тихо, как и просил в завещании – «без пальбы пушек и ружей». Могилы их не сохранилась – на месте кладбища в советское время был разбит сад имени Карла Маркса (ныне – Сампсониевский).

Татищев и Демидовы: последний раунд

Вопрос о том, стал ли Екатеринбург уже тогда, к концу успешного правления де Геннина, «столицей Урала», хорошо иллюстрирует история недолгого возвращения на Урал Василия Татищева, сменившего на посту горного начальника ушедшего в отставку де Геннина. Ответ скажем сразу: Екатеринбург уже тогда можно было назвать столицей горных заводов Урала, но – заводов исключительно казенных. Да, к тому времени их было уже два десятка, и это был серьезный статус. Но вот только настоящими «хозяевами Урала» продолжали оставаться Демидовы, у которых была и своя «столица» – Невьянск, который уже украшала построенная по приказу Акинфия Демидова знаменитая наклонная башня, Екатеринбург же ничем подобным похвастаться не мог.

Карьера Татищева в те годы, когда де Геннин строил Екатеринбург, делала крутые виражи. С Урала Петр I отправил его изучать горное дело в Швецию, однако после смерти Петра Берг-коллегия отозвала его обратно, причем не оплатив расходы. Зато вернувшись, Василий Никитич получил чин статского советника и выгодное место в Москве, где был поставлен во главе монетного двора (куда, кстати говоря, поставлялись монеты и екатеринбургской чеканки). Казалось – судьба ему благоволит, однако в царствие Анны Иоановны он попал в опалу. Произошло это из-за конфликта с директором Монетной канцелярии графом Головкиным, от которого на стол фаворита императрицы Бирона лег доклад о злоупотреблениях Татищева по службе. Второй раз он наступил на те же грабли, что и в случае с Демидовыми! Падкий до денег Бирон почувал в этом деле выгоду и поддержал Головкина, получив таким образом доступ к поставке драгоценных металлов на монетный двор. Татищев же был отставлен, да еще и прикован к кровати болезнью. Однако именно в этот отчаянный момент судьба его сделала новый резкий поворот. Анна Иоановна, пожелавшая увеличить поступления в казну от казенных заводов, начала интересоваться горным делом, и пригласила Татищева на прием. Василий Никитич, показавший великолепные знания в этом деле, стал частым ее гостем. И в 1734 году, приняв наконец отставку де Геннина, о которой генерал просил уже давно, она, простив Татищеву «вины», отправила его на Урал – «немедленно и с полной мощью» заниматься горными заводами. Указ, которым Татищев вновь назначался горным начальником, предписывал главе Коммерц-коллегии барону Шифирову – начальнику ведомства, которое теперь занималось горным делом, разработать инструкцию для его полномочий. Принимая это предложение, Татищев, памятуя о своем бессилии в давнем споре с Демидовыми, добился разрешения пребывать под императорской властью, минуя Коммерц-коллегию и разрешение самому разработать предложения по развитию горного дела. Разработанная им инструкция стала потом основой для первого Горного устава – свода правил, по

которым работали все казенные заводы страны.

Приехав на Урал во главе целой экспедиции, в состав которой входило множество мастеров, Татищев, в сопровождении офицеров, прибыл в феврале 1734 года в Екатеринбург – в статусе «командира уральских, сибирских и казанских горных заводов». Оставивший десять лет назад недостроенную еще крепость, теперь на ее месте он увидел хорошо обустроенный город. Однако его не устроило, что большинство зданий деревянные и он начал строить каменные, проложил новые улицы и написал инструкции, по которым Екатеринбург будет потом жить аж до конца века. В 1735 году он открыл школу знаменования, где начали обучать основам рисования и черчения, а также латинскую школу, вновь пустил в ход Монетный двор, на котором теперь начали печатать мелкую монету для всей страны. При этом он не изменил себе, оставаясь еще и ученым, который составлял карты Урала, отмечая на них месторождения. В Екатеринбурге он создал первую библиотеку, которая, кстати говоря, сохранилась до наших дней.

При нем Екатеринбург стал столицей казенных заводов Сибири, Южного и Среднего Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Татищев строил планы открыть на Урале двадцать новых заводов. А главное – Екатеринбург впервые сделал заявку стать полноценной «столицей», ограничив власть частных заводчиков. На их заводах Татищев, используя свои полномочия, ввел новую должность – шихтмейстеров, в обязанности которых был контроль за горным делом: наблюдение за ведением счетных книг, работой мастеровых. По сути, над частными заводами начали надзирать государственные чиновники.

Давний конфликт Татищева с Демидовыми был, казалось, давно исчерпан. Никита Демидов к тому времени уже умер, лишь на несколько месяцев пережив своего главного благодетеля Петра I. Отношения же с Акинфием Демидовым, в наследство которому достались все заводы отца, стали у Татищева почти приятельскими: встретившись как-то в Петербурге, они несколько часов говорили о горных делах, причем после этого разговора заводчик подарил Василию Никитичу микроскоп и часы. Однако стоило Татищеву вновь стать Горным начальником, как отношения их снова разладились.

Началось все из-за расположенной близ Кушвы горы Благодать, где обнаружили богатейшее месторождение железной руды. Между тем Горный начальник имел право распоряжаться любым месторождением и Акинфий Никитич явился к Татищеву, предложив за согласие отдать гору ему, три тысячи рублей. Словно забыл, с кем имеет дело! Тот с негодованием отказал. Он предложил разрабатывать гору компанией, в которую войдут и казна, и частные промышленники – не только Демидов, но и Осокин, Строганов, а также на этой руде будут работать четыре казенных завода. Масла в огонь этого конфликта добавили еще и шихтмейстеры, которые мешали Акинфию вести дела.

Первым ответным ходом Демидова было избавиться от шихтмейстеров. И он добился своего – из столицы пришел указ: «Шихтмейстеров ныне отставить».

Вторым ходом – посыпались жалобы на Татищева, который «берет даром материал для казенных построек» и «распоряжается мастеровыми». Горному начальнику следует новый грозный указ: «Впредь Татищеву вовсе не ведать заводами его нигде».

Спустя несколько месяцев отчеты Татищева о горных делах попали на глаза Бирону и тот учредил над ним новый надзирающий орган – Генерал-берг-директориум, во главе с саксонцем Шембергом. А 10 мая 1737 года конфликт подошел к своему завершению: Татищев был отозван с Урала – теперь уже навсегда.

Осталось рассказать о дальнейших событиях.

Оставшись на Урале без Татищева, Шемберг вместе с Бироном обобрали этот край примерно на 400 000 казенных рубликов, доведя казенные заводы почти до полного разорения. Впрочем, им это не сошло с рук: Эрнст Бирон, как мы помним, после смерти императрицы в 1741 году был арестован генерал-фельмаршалом Минихом, после чего провел год в старейшем городке Среднего Урала – Пельиме. Потом, правда, Петр III вернул его из ссылки и тот дожил до 82 лет, занимая курляндский герцогский трон.

Курт Александр фон Шемберг именным указом императрицы Анны Иоановны в марте 1739 года получил гору Благодать и Гороблагодатские заводы (Кушвинский и Верхотурский) в «личное и пожизненное владение». Однако «нового Демидова» из Шемберга не получилось – в правление Елизаветы Петровны он тоже был арестован, но отделался сравнительно легко – большим штрафом и высылкой из страны. Умер в родной Саксонии.

Василий Никитич Татищев, покинув Урал, получил назначение в Оренбургскую экспедицию, целью которой было «усмирение Башкирии», где управлял Оренбургским краем и основал Ставрополь (ныне – Тольятти). Однако и там его настигли дела, начатые еще на Урале. Еще в 1738 году он отверг домогательства Бирона и Шемберга, пытавшихся через заводчика Осокина заполучить гору Благодать. Бирону не понравилась язвительность Татищева, и он организовал против него новое дело: по доносу Татищев, обвиненный в «нападах и взятках» был отстранен от дел, лишен всех званий и посажен под домашний арест. В этот тяжелый период, когда ему казалось, что жизнь окончена, он написал одно из своих самых известных философских произведений – «Духовную». Однако, пока шло следствие, императрица Анна Иоановна скончалась, а вскоре пришел конец и царствованию ее фаворита Бирона, дело же его против Татищева развалилось.

При Анне Леопольдовне Василий Никитич был назначен в «Калмыцкую комиссию», где и встретил дворцовый переворот, в ходе которого новой императрицей была провозглашена Елизавета Петровна. При ней он тоже не остался без дел, став на четыре года губернатором Астраханской губернии, после чего был освобожден и от этой должности по предложению Сената – из-за очередного конфликта. Все же он был неумным правдолюбом!

Последний же период его жизни прошел в Болдино, где было его семейное поместье. Это была окончательная отставка и опала, зато там он уже смог посвятить себя целиком многотомному труду всей своей жизни – он дописывал «Историю Российскую». Естественно, он желал ее опубликовать, но не преуспел в этом – «История…» была издана только через 18 лет после его смерти, подвергшись при этом серьезной цензуре.

Со смертью его связана легенда о том, что он сам выбрал место для могилы и

приказал ее копать, пригласив священника прийти к нему назавтра. А вернувшись домой, обнаружил там курьера с указом «прощавшим его», и пожалованным орденом – и не взял орден, сказав, что умирает. А на другой день причастился, со всеми простился и умер... Пожалуй, легенда эта слишком уж красива, чтобы быть правдой.

Умер он, по странному стечению обстоятельств, в тот же год, что и де Геннин, пережив его всего на несколько месяцев, хотя и был моложе на 10 лет – прямо-таки как старший Демидов, лишь ненадолго переживший Петра. Похоронен на кладбище в Болдино.

Что же касается Акинфия Демидова, то он преумножил дело отца: открыл знаменитые алтайские серебряные рудники, которые тайно разрабатывал, и создал из своих заводов на Урале настоящую горнозаводскую империю, которую оставил своим сыновьям. Умер Акинфий Никитич в Туле, когда поехал смотреть завод, где провел когда-то детство и юность. Там, в Туле, он и погребен – в усыпальнице Николо-Зарецкого храма.

Столица демидовской империи была перенесена из Невьянска в Нижний Тагил, который по значимости долго еще был конкурентом Екатеринбурга. А сама династия Демидовых разрослась, и ее представители стали известны далеко за пределами Урала и даже России как богатейшие люди страны и меценаты. В 1831 году потомок Никиты, Павел Николаевич Демидов учредил Демидовские премии, присуждение которых продолжалось до 1865 года, потом их вручение возродили в 1993 году – уже в современной России. Четверо Демидовых владели княжеским титулом Сан-Донато, пожалованным королем Италии.

Закат горнозаводской империи Демидовых наступил после российских реформ 1860-х годов. После этого периода наследники рода Демидовых перестали быть монополистами демидовских заводов, но примерно четвертью акций своих уральских предприятий они владели вплоть до 1917 года.

Город гранильщиков

Традиционно так сложилось, что самые уважаемые люди на Урале – это горщики и гранильщики.

Горщик – вообще исключительно уральское слово, ближайшие синонимы которого «старатель» и «горняк». Вот только горщик – это не профессия, изначально горщик – это любитель, который уж точно не имеет образования, однако при этом любитель настолько увлеченный своим делом, что даст фору любому профессионалу. Пример горщика – это крестьянин-раскольник Ерофей Марков из деревни Шатраш: в 1745 году он нашел кусок кварца, желтоватые зернышки внутри которого оказались крупинками золота – первого золота Урала, а спустя два года на месте находки уже началась промышленная разработка этого металла. Однако Марков – горщик не потому, что первым нашел золото – находка могла быть и совершенно случайной – а потому что семь лет спустя нашел его еще раз, причем на этот раз – богатейшую жилу, на месте которой открылся Березовский рудник. Вот такое мог сделать только горщик. И, в качестве дополнения: сколько эта «находка

века» принесла прибыли самому Маркову? Ему из казны выдали 42 копейки – на новые лапти и зипун, и это тоже важно для понимания слова «горщик», ибо горщик – это не про деньги. Однако горщики если даже и жили в Екатеринбурге, то время свое проводили не там, ибо истинному горщику место в тайге и в горах, а не в городе.

Если имена известных в истории Урала горщиков еще можно отыскать, то имена мастеров-гранильщиков, как правило, позабыты. Этим воспользовался уже в XX веке автор уральских сказов Павел Бажов, выведя персонаж Данилы-мастера в качестве обобщенного образа всех уральских камнерезов. Но, в отличие от горщиков, гранильщикам в городе – самое место.

В Екатеринбурге первые мастера-гранильщики появились благодаря Татищеву – даже в этом он в очередной раз оказался вездесущ. Еще в 1721 году Василий Никитич вызвал на Уктус из Тобольска мастера-ювелира Андрея Кузнецова, позже в Екатеринбурге Андрей Козьмич стал первым городским ювелиром. А уже в 1724 году, когда Петр I отправил Татищева изучать горное дело в Швецию, он нашел там камнереза Христиана Рефа, который в 1725 году подписал контракт на службу в России. В 1726 году Реф прибыл в Екатеринбург, чтобы организовать на Урале добычу цветных камней и обучать камнерезному делу русских подмастерьев. Как раз с ювелиром Кузнецовым и начал сотрудничать Реф: Андрей Козьмич брал камни, ограненные Рефом, и вставлял их в перстни, серьги и запонки, выкованные им из старых серебряных монет. Так они создали первую в городе камнерезно-ювелирную мастерскую.

В год смерти де Геннина и Татищева – 1750-м – при шлифовальной мастерской в Екатеринбурге была построена мельница, приводимая в движение водой. А в декабре 1751 года на базе этой мастерской открылась гранильная фабрика по художественной обработке камня, уже казенная – в ведении канцелярии главного правления заводов. В 1797 году фабрика была передана под начало Академии художеств, и в ее истории наступил этап, когда работа мастеров стали ориентированной на создание высокохудожественных предметов. В 1811 году статус этой фабрики повысился – она была переведена в ведение Кабинета ее Императорского величества. Там выпускались табакерки, чарки, подносы, вазы, чаши, обелиски, камеи, торшеры, пепельницы и прочие изделия из камня. Сложилась традиция уральской школы камнерезного искусства, где применялись особые формы – например, к концу XIX века появилась форма огранки «Екатеринбургская грань». На Гумешевском руднике близ Полевского завода и Меднорудянском руднике близ Нижнего Тагила добывались огромные куски малахита, которые использовались для знаменитого «малахитового зала» Зимнего дворца в Санкт-Петербурге – мастерами там использовалась техника так называемой «русской мозаики».

На Всемирной выставке 1900 года, которая проходила в Париже, фабрика получила гран-при – такой награды удостоили изготовленную на этой фабрике карту Франции. Идея создания принадлежала директору фабрики Василию Московенко, а мастеров было восемь человек, в числе которых гранильщики братья Тауровы и горщик Данила Зверев. На мраморной доске площадью один метр мастера уместили 86 французских департаментов из 106 самоцветов: яшмы, авантюрина, агата, калохонга, лиственита и других уральских

каменной. На изготовление этой карты потребовалось 25 месяцев.

В 1935 году свердловская фабрика треста «Русские самоцветы» – преемница Императорской гранильной фабрики – взялась за огранку двух тысяч самоцветных камней для звезд на башнях московского Кремля. В работе над звездами кремля принимали участие двое мастеров из команды, работавшей над картой Франции: Данила Зверев и один из братьев Тауровых – Николай. Впрочем, идея украшать звезды Кремля настоящими камнями оказалась плохой – копоть, пыль и грязь заставили золото и самоцветы потускнеть, и они потеряли красоту. Уже в 1937 году их заменили стекла рубинового цвета, которые для красоты начали освещать мощными электролампами. А вот идея изготовления из самоцветов карт оказалась живучей: в том же 1937 году Данила Зверев принимал участие в изготовлении карты индустриализации СССР, которую показывали на выставках в Париже и Нью-Йорке. А уже в 2015 году мастер из Екатеринбурга Анатолий Жуков сделал точную копию карты Франции, изготовленной для выставки 1900 года – такая вот преемственность.

Гранильная фабрика, после многочисленных реорганизаций, несколько раз меняла названия и формы работы, но в 2003 году все-таки закрылась. Однако мастера этой фабрики до сих пор не только работают на изделиями, но и передают опыт подмастерьям – в этом качестве выступают студенты художественно-ремесленного училища №42 (ныне – техникум «Рифей»).

Горный город

В марте 1728 года у солдата расквартированной в Екатеринбурге горной роты Ивана Ползунова родился сын, которого тоже назвали Иван. В 18 лет этот Иван переехал в Барнаул, где зарекомендовал себя, как талантливый механик. Задумав построить «огненную машину», которая позволит строить заводы не на реках, а вблизи рудников, Иван испросил средств у начальника Кольваново-Воскресенских заводов Порошина, через которого весть об этом изобретателе дошла до императрицы Екатерины II. Та, узнав о талантливом самоучке, пожаловала его в «механикусы» и пригласила «для пополнения образования» в Петербургскую академию наук. Однако начальство распорядилось задержать Ползунова – до пуска чудо-машины. Торопясь, механик работал в «машинной хоромине», которая насквозь продувалась ветром, простыл и заболел скоротечной чахоткой. 27 мая 1766 года, за 4 дня до пуска «огненной машины», у Ивана Ползунова пошла горлом кровь и он скорострительно скончался. Было ему 38 лет. Машину, правда, смогли запустить и без него, и она даже проработала чуть больше полугода, но потом 15 лет простояла сломанной, после чего ее просто выбросили «за ненадобностью». Так Россия лишилась своей первой паровой машины.

Впрочем, «огненные машины» были в то время просто еще не нужны. Через год после смерти Ползунова, в 1767 году, 140 действовавших на Урале заводов, работавших с помощью водобойных колес, вывели регион в лидеры мирового производства чугуна и обеспечили монопольное положение России по выплавке меди.

Промышленный взлет страны обеспечивали горные заводы, а столицей этих заводов с самого своего основания был Екатеринбург, где находилась главная горная канцелярия.

Такой «столично-заводской» статус Екатеринбурга неожиданно изменился лишь в 1781 году, когда указом Екатерины II было изменено административно-территориальное деление Урала и было образовано Пермское наместничество, в которое вошли две области – Пермская и Екатеринбургская. Неожиданно для себя, Екатеринбург впервые оказался в подчинении Перми – и это выльется в длинную историю. Но это еще было полбеды – впервые у города попытались отнять его статус столицы заводов: контору Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов переименовали в Горную экспедицию при Пермской губернской палате – и перевели в Пермь.

Следующий удар по самолюбию Екатеринбурга был нанесен в декабре 1796 года – уже указом Павла I, которым была образована Пермская губерния с центром в Перми, в состав которой Екатеринбург вошел как обычный уездный город, лишившись даже Екатеринбургской области, в которой было восемь уездов – столько же, сколько и у Перми. Однако удар этот был сильно смягчен тем, что уже в январе 1797 года канцелярия Главного правления заводов была восстановлена в Екатеринбурге, а ее главой был назначен коренной екатеринбуржец Аникита Ярцов. Пробыв в этой должности всего пять лет, Аникита Сергеевич смог буквально вытащить регион из кризиса, сумев сохранить Екатеринбург именно как столицу горнозаводского края.

Новый век принес новые перемены – начавший реформы Александр I подчинил Берг-коллегию Министерству финансов. В 1802 году было образовано Екатеринбургское общее горное начальство, имевшее в составе два департамента – Пермский и Гороблагодатский. А в 1806 году вступил в силу проект нового Горного положения, регламентирующий управление в области горнозаводской промышленности всей страны, согласно которому заводы Уральского горного хребта входили в первый округ и управлялись... снова из Перми, где было создано Пермское горное правление. Однако при этом сам Екатеринбург получил уникальный для России статус – Горный город.

Статус Горного города означал, что если в административном плане Екатеринбург – всего лишь город Пермской губернии, подчиненный губернной администрации, то как заводской центр он подчинялся исключительно горному начальству. Да, горное начальство теперь тоже было в Перми, но уже в 1826 году – при Николае I – Горное правление вновь переехало в Екатеринбург, и город уже привычно наблюдал за усилением влияния горной власти, у которой был не только собственный бюджет, но и даже своя полиция.

Проблема была лишь в том, что к тому времени, как горная администрация, пройдя периоды управления из Перми, вновь окончательно укоренилась в Екатеринбурге, положение вещей в промышленности сильно изменилось. Из мирового промышленного лидера страна стремительно скатывалась в аутсайдеры. Причина была в том, что в Европе паровые машины, появившиеся примерно в то же время, что и машина Ползунова, постоянно совершенствовались и стали, наконец, надежными, успешно заменив устаревшие уже водобойные колеса. После чего начало развиваться доменное производство, внедряться

первые прокатные станы. Все это не только увеличивало производство металлов, но и уменьшало их стоимость... но только не в России.

Нельзя, однако, сказать, что на Урале совсем не было попыток модернизации производства. Еще в 1804 году начальник казенных богословских заводов Павел Томилов обратился в Берг-коллегию с просьбой об установке паровых машин для подъема руды из шахт, однако в ведомстве ему ответили, что в их распоряжении нет механика, который справился бы с такой задачей. Спустя год механик неожиданно появился сам: это был немецкий специалист Фридрих Иберфильд, который предложил свою кандидатуру в горное ведомство – именно на должность механика. Там у Иберфильда спросили, может ли он сам построить паровую машину, и тот ответил, что «готов устроить машину, которая будет действовать силой против 60-70 лошадей». Местом для производства экспериментальной машины был выбран Екатеринбург, где начали литье из чугуна по чертежам Иберфильда. Однако когда пару лет спустя Пермское горное правление отправило запрос по этой машине начальнику Екатеринбургских горных заводов Ивану Герману, ответ был такой: «Иберфильд такую машину хотя и устроил, но по разным к ней поправкам пущения в действие не учинено». К 1811 году на проект по созданию машины было уже потрачено 9763 рубля, но машина так и не заработала, а в октябре того же года этот то ли горе-механик, то ли гениальный пройдоха, неожиданно утонул, катаясь на маленькой лодке по городскому пруду. Проект попытались спасти, выписав из Англии другого механика – Джозефа Меджера. Однако тот, критически осмотрев машину покойного Иберфильда, дорабатывать ее отказался, согласившись делать лишь собственные машины. И на него, и на проект лишь махнули рукой. Меджер, впрочем, приехал не зря: не договорившись с горным начальством, он решил попробовать себя в роли частного золотодобытчика, в чем и преуспел: купил золотоносный участок и разработал для промывки золота промывочную машину, которая вошла в историю, как «машина Меджера».

Были, конечно, на Урале и самоучки, которые успешно реализовали свои замыслы. Самый известный пример – это, конечно, мастера из Нижнего Тагила – отец и сын Ефим и Мирон Черепановы, которые в 1834 году «пустили парходку» – привели в действие первый русский паровоз, благодаря которому опытный участок первой на Урале железной дороги начал функционировать раньше, чем знаменитая Царскосельская железная дорога. В Нижнем Тагиле до сих пор в ходу анекдот о том, что паровоз придумали отец и сын Черепановы, а памятник поставили братьям Черпановым – но это уже из серии о том, насколько мы хорошо помним свою историю... Но Черепановы были все-таки крепостными Демидовых, и работали в Нижнем Тагиле – столице частной демидовской империи. А ведь были и другие примеры. Так, в том же 1834 году алапаевский плотинный мастер Игнатий Сафронов сапустил на Нейво-Алапаевском заводе не имевшую в России аналогов водяную турбину, дававшую вдвое большую мощность, чем водяное колесо. Позднее такие же турбины Сафронов смог установить на Ирбитском (в 1839 году) и Нейво-Шайтанском заводах (в 1841-м), причем каждая новая турбина была совершеннее предыдущей. К сожалению, все эти примеры не оказали значимого влияния на улучшение состояния дел на горных заводах, которые нуждались в комплексной модернизации. Однако модернизацию, по русской традиции, решено было заменить... дисциплиной.

С 1834 года в истории горных заводов началась эпоха военной дисциплины: работу на заводах приравнивали к военной службе, считая что это приведет к удешевлению производства. Именно тогда на уральских заводах появились командиры, гауптвахта, шпицрутены, и даже продукты начали называться «провиантом», который не продавался, а распределялся. Суд был заменен трибуналом, свод законов – Горным уставом. Яркой звездой этого периода был «царь и бог Урала» – генерал Владимир Глинка, который железной рукой 23 года (с 1837 по 1860-й) управлял уральскими горными заводами. В период его правления Екатеринбург славился независимостью – хотя формально он по-прежнему считался уездным городом Пермской губернии, но при этом как горнозаводская столица не только не подчинялся Перми, но и простер свое влияние на заводы Тобольской, Оренбургской, Вятской и Казанской губерний. В Екатеринбурге того времени самыми популярными были анекдоты о противостоянии Владимира Глинки с пермским губернатором Ильей Огаревым, в которых Огарев неизменно бывал осрамлен.

Жесткий стиль правления и железная дисциплина действительно позволили горным заводам продолжать «держаться на плаву» – но только несколько десятилетий. Начавшиеся в 60-х годах XIX века реформы Александра II, главная из которых – отмена крепостного права, сделали правление в духе Глинки уже невозможным. И уральские заводы, и до этого с трудом державшиеся на плаву, просто стали убыточными. Причем, что любопытно, убыточными стали не только государственные, но и частные заводы, которые так же точно держались на дешевой рабочей силе и не заботились о модернизации. Даже сказочно богатые Демидовы предпочли вместо модернизации Нижнетагильских заводов вырыть канал, который поднимет уровень Черноисточинского пруда, увеличив с помощью плотины производительность водобойных колес. Причем канал им спроектировал и вырыл местный зажиточный крестьянин Клементий Ушков – без денег, за «вольную». Таким необычным образом он перестал быть крепостным, а канал этот до сих пор называют «Ушковской канавой». А еще через год «вольную» получили и все остальные крестьяне – по императорскому указу...

Статус Горного города в 1863 году был упразднен, и Екатеринбург был передан в подчинение гражданским властям. После этого, хотя Уральское горное правление продолжало оставаться в Екатеринбурге, начиная с 1860-х годов, оно уже не давало городу той власти, как раньше. Поэтому, несмотря на то, что формально 1886 году была даже сформирована Уральская горная область с административным центром в Екатеринбурге, которому подчинялись заводы Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний, Тургайской области и частично – Вологодской и Уральской областей, все это было лишь тенью былой славы горнозаводской столицы.

Окончательный приговор полуразрушенным заводам, которые все-таки продолжали работать по технологиям XVIII века, сделал знаменитый русский ученый Дмитрий Менделеев, который в 1899 году посетил Урал по просьбе министра финансов Сергея Витте. «Старое здесь не старится», – сказал Дмитрий Иванович, констатируя вековую отсталость местного производства.

Зато со временем былой «горный» статус города уже стал для Екатеринбурга

своеобразным «брендом» – хотя тогда такого слова, конечно же, не знали. Судите сами: первая в городе церковь (и самая популярная среди горожан) – Екатерининский собор – это Горный собор, первый серьезный научный журнал – «Уральское горное обозрение», первый вуз – Горный институт.

Противостояние с Пермью

Стал ли Екатеринбург, который в 1863 году потерял особый статус Горного города, обычным уездным центром Пермской губернии? Как ни странно – нет, не стал. Даже наоборот: середина XIX века – это «золотой век Екатеринбурга».

В чем же причина? В том, что слово «золотой» нужно в данном случае нужно воспринимать буквально.

Золото на Урале, как мы помним, обнаружил крестьянин-горщик Ерофей Марков еще 1745 году. Однако до 1814 года золото здесь добывали только рудное – а это адский и дорогостоящий труд в подземных шахтах. Все изменил горный инженер Брусицын, который, несмотря на череду неудачных поисков и запреты властей, нашел в долинах рек Пышма и Березовка рассыпное золото. И он не только нашел золото, но и наладил промышленную его добычу, сам конструируя промывальные машины. Благодаря этому открытию на целых тридцать лет – с 1823 по 1854 годы – Россия стала ведущей мировой державой по добыче золота. А вскоре, много раньше, чем на Аляске и на Диком Западе, на Урале началась «золотая лихорадка», центр которой постепенно сформировался в Екатеринбурге. Первая золотопромывальная фабрика на реке Мельковке заработала еще в 1817 году, продержавшись 12 лет. К 1823 году близ Екатеринбурга было уже 80 частных приисков, на которых работало около 2000 человек – при общем населении Екатеринбурга в 15 000. А в 30-50-х годах в городе вырос поток золота уже с сибирских приисков: больше половины огромного рынка драгметаллов контролировали екатеринбургские купцы. Поэтому Екатеринбург от официальной потери статуса не так уж много и проиграл, оставаясь богатым и процветающим городом.

Судите, впрочем, сами. В 1870 году здесь было создано Уральское общество любителей естествознания – знаменитое УОЛЕ: это одна из крупнейших в стране научно-кредедческих организаций, благодаря которой в городе появился музей, начала развиваться научно-исследовательская, просветительская и научная деятельность. В 1861 году появилась первая телеграфная станция. В 1878 году из Перми приехал первый поезд. В 1879 году – начала выходить первая городская газета: «Екатеринбургская неделя». В 1887 году – состоялась первая велогонка и Урало-Сибирская научно-промышленная выставка. В 1909 году – открылся первый стационарный кинотеатр: «Лоранж» (сейчас это «Колизей»), в 1913 году – первый рейсовый автобус...

Продолжать можно бесконечно, однако главное ясно: Екатеринбург был динамично развивающимся городом. Но и этого ему было мало – он продолжал конкурировать с Пермью, которой официально подчинялся как губернскому центру. И эту конкуренцию лучше всего показать на каком-нибудь ярком примере. Например, на открытии первого

высшего учебного заведения Екатеринбурга – Уральского горного института.

Урал еще в XVIII веке стал ведущим индустриальным районом страны, однако подготовка горных инженеров велась исключительно в Санкт-Петербургском горном университете. А в XIX веке он стал не только регионом с наибольшей концентрацией горных заводов, но и своеобразной «Меккой» для отечественных и зарубежных геологов, которые проводили здесь собственные исследования. Таким образом, идея об открытии здесь собственного вуза муссировалась очень давно. Ну а первые упоминания о том, что именно Екатеринбургу нужен собственный Горный институт появились в 1806 году. Получается, что только финальный этап борьбы за открытие первого вуза между двумя главными городами Урала – Екатеринбургом и Пермью – тянулся больше сотни лет, на протяжении которых пермяки и екатеринбуржцы активно «тянули одеяло на себя», пользуясь связями в столице. Вопрос-то это был очень важный по меркам того времени: во всей стране количество высших учебных заведений можно было посчитать на пальцах рук.

О том, что первый институт в Екатеринбурге будет именно Горный, как о чем-то само собой разумеющемся, рассуждает, к примеру, в 1898 году журналист екатеринбургской газеты «Урал», фантазируя о том, каким будет город в 1998 году. Однако год шел за годом, а вопрос этот по-прежнему оставался открытым. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь когда екатеринбуржцы проявили хитрость: в 1910 году председатель Совета министров Российской империи Петр Столыпин, который совершал поездку в Поволжье и Сибирь, всего на 3 часа 20 минут сделал остановку в Екатеринбурге, но уехал оттуда уже в статусе почетного гражданина города. И один из вопросов, который удалось решить с ним чиновникам и промышленникам за этот визит – гарантия победы Екатеринбурга над Пермью за право принять первое на Урале высшее учебное заведение – Горный институт. Окончательно этот вопрос был решен в январе 1914 года, когда император Николай II, на борту своей яхты «Штандарт», подписал указ об открытии института именно в Екатеринбурге. И горожане, конечно, праздновали победу!

Казалось бы указ императора – это уже стопроцентная гарантия. Однако в сентябре началась мировая война, и открытие вуза затянулось аж до 1917 года, тогда как в Перми уже в 1916 году открылся филиал Санкт-Петербургского университета, и теперь победу праздновали уже пермяки. Ныне открытый тогда в Перми вуз называется Пермский государственный университет.

Любопытно, что этот давний спор продолжился уже в наше время. Дело в том, что на протяжении всего XX века вуз, в советское время известный как Свердловский горный институт, считал годом своего основания 1917-й – начиная отсчет с года, когда открылись первые занятия. Однако уже в XXI веке преемник этого вуза – Уральский государственный горный университет – начал считать годом своего основания 1914-й, когда Николай II подписал указ о его основании. И в 2014 году отпраздновал свой столетний юбилей!

Все это – отголоски очень давнего противостояния между Екатеринбургом и Пермью, которое временами неожиданно оживает и сейчас. По «гамбургскому счету» победил, наверное, все же вуз в Перми, открывший свои занятия уже в 1916 году. Тогда как в Екатеринбурге торжественное собрание, посвященное открытию Горного института

состоялось лишь 9 (22) октября 1917 года – всего за несколько дней до Октябрьского переворота в Петрограде.

Главный город Урала

Выиграв спор за первый вуз, Пермь проиграла в другом: Февральская революция 1917 года решила затянувшийся между двумя уральскими городами спор за лидерство в пользу Екатеринбурга. На Всероссийском совещании – первом собрании представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, которое состоялось в апреле 1917 года в Петрограде, – были образованы 13 крупных территорий, одной из которых стала Уральская область с центром в Екатеринбурге, в которую вошли территории Пермской, Вятской, Уфимской и частично – Оренбургской губерний. Однако само противостояние городов в каком-то смысле продолжалось: по крайней мере 1-й Съезд Советов Уральской области, состоявшийся в мае 1917 года, проходил не в Екатеринбурге, а в Перми. Тем не менее, именно в 1917 году Екатеринбург впервые был заявлен, как главный город Урала.

Большевики, которые пришли к власти в стране после новой – Октябрьской – революции провозгласили в Екатеринбурге о власти Советов уже на следующий день после проградских событий, а еще день спустя Уралоблсовет поддержал новую власть.

При большевиках Пермь начала отыгрывать потерянные позиции, выйдя из подчинения Екатеринбурга, однако при этом дореволюционную Пермскую губернию все же решено было разделить. Екатеринбург при этом должен был стать центром самостоятельной губернии – об этом начали говорить еще в январе 1918 года, а в апреле решением Пермского съезда крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Пермская губерния была разделена на два округа – Пермский и Екатеринбургский. Ну а в мае в Екатеринбурге был образован революционный штаб Уральской области, с организации которого ведет свою историю Уральский военный округ.

Апогеем власти Советов в Екатеринбурге, которая на этом этапе задержалась в городе всего чуть более полугода, был расстрел в доме инженера Ипатьева бывшего императора Российской империи Николая II и всех членов его семьи, который произошел по решению Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. Событие это стало настолько значимым, что сделало в скором времени Екатеринбург городом, известным во всем мире. Вот только известность эта была с отрицательным знаком, чему способствовало подробное расследование этого расстрела, ставшее возможным из-за того, что буквально через неделю после него большевики покинули город, который был без боя занят войсками Чехословацкого корпуса.

Значимым центром Белого движения в годы Гражданской войны, таким как Самара, Уфа, Омск или потом Владивосток, Екатеринбург не стал. Однако в августе 1918 года город все же стал центром Временного правительства Урала, контролировавшего Пермскую губернию и части Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. Продлилось это, правда, тоже недолго – уже в октябре правительство было упразднено, а город и все подконтрольные ему территории попали под власть Омска – города, который был столицей правительства

Колчака. Заканчивая разговор об этом историческом этапе, упомянуть стоит лишь о том, что воевавшая за Колчака Уральская отдельная армия не имеет никакого отношения ни к Екатеринбург, ни к Среднему Уралу, получив свое название от территории близ города Уральска (ныне – в Казахстане) и в честь уральских казаков, которые традиционно жили на этой территории. А вот Сибирская армия напротив – хоть и создавалась в Ново-Николаевске (ныне – Новосибирск), но зато из частей войск Екатеринбургской группы. Можно даже предположить, что если бы Колчаку удалось сохранить государство со столицей в Омске, то в новой исторической реальности Екатеринбург сейчас считался бы частью Сибири, а вот Уралом стали бы называть территории в современном Казахстане. В реальности же Екатеринбург войска Колчака почти не защищали, и он снова стал советским уже в июле 1919 года – в результате Екатеринбургской операции Красной армии, проведенной под руководством Василия Шорина.

В 1919 году Екатеринбург стал центром Екатеринбургской губернии, причем официально об этом решении было сообщено 15 июля – прямо в тот день, когда Красная Армия вступила в город.

В ноябре 1923 года вновь была создана Уральская область – на этот раз советская, но тоже с центром в Екатеринбурге. Город снова стал признанным центром Урала, причем под его подчинение попала не только территории Екатеринбургской и Пермской губерний, но также Челябинской и Тюменской. И это был настоящий триумф Екатеринбурга, праздновавшего в тот год свой двухсотлетний юбилей. Причем к этому юбилею Екатеринбург в центральной прессе называли «советской столицей Урала».

Однако вскоре оказалось, что триумф обернулся для Екатеринбурга «лебединой песней»: ровно через год город был переименован в Свердловск, взяв имя Якова Седлова – одного из большевистских вождей, который в начале века сидел здесь в тюрьме, а после Февральской революции – организовывал большевистские митинги.

Территория Уральской области была настолько огромной, что внутри этого образования начали выделять национальные округа: в 1925 году – Коми-Пермяцкий автономный округ (ныне – в составе Пермского края), в 1930 году – Остяго-Вогульский и Ямальский (Ненецкий), ныне это Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Свердловск был центром всего Урала около десяти лет. В январе 1934 года Уральскую область разделили на три: Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую (ныне – Тюменская) – «в связи с невозможностью управления столь обширной территорией».

Советский областной центр

Дольше всего – уже по традиции – Свердловск, как преемник Екатеринбурга, держался за главенство над Пермью. Пермская область вышла из состава Свердловской области лишь в 1938 году. Зато после этого территория Свердловской области уже не менялась.

Умеривший, казалось бы, свои амбиции, город между тем рос как крупный индустриальный центр. Сейчас об этом напоминают названия образованных в советское время жилых районов: Уралмаш – в честь Уральского завода тяжелого машиностроения, пущенного в 1933 году, Эльмаш – в честь завода Уралэлекроаппарат (более позднее название – Уралэлектротяжмаш), который строится начал позже, но вошел в строй на год раньше. Война добавила городу еще два жилых района, названных в честь заводов: Химмаш – в честь Уральского завода химического машиностроения, основанного в 1942 году и Вторчермет – в честь завода по вторичной переработке черной металлургии, который также был достроен в 1942-м. Однако большими заводами в советское время мало кого можно было удивить, тем более на Урале: буквально рядом, на Южном Урале была построена совсем уж грандиозная «Магнитка», в Нижнем Тагиле – огромный металлургический комбинат, в Первоуральске – сверхважный новотрубный завод...

Тем не менее, Свердловск рос и развивался куда быстрее, чем дореволюционный Екатеринбург. В 1929 году – пущена первая трмвайная линия. В 1932 году – достроен первый многоэтажный комплекс «Дом Чекиста». В 1943 году – пущена первая троллейбусная линия. Уже в 1967 году в Свердловске родился миллионный житель города. В 1980 году началось строительство метрополитена, первый поезд которого прошел пробный маршрут в конце декабря 1990 года. В 1982 году достроен «Белый дом», самое высокое здание советского периода – 24-этажный небоскреб, где разместилась областная администрация.

Амбиции города между тем выдавало лишь строительство первого на Урале метро, в остальном Свердловск был скорее обычным областным центром советского периода. Вот только эта «обычность» оказалась на поверку сжатой пружиной, которая начала рапрямляться сразу, как только ей представилась такая возможность.

От столицы Уральской республики до «столицы Урала»

В стране к Свердловску начали пристальнее присматриваться после того, как начал набирать популярность местный председатель обкома Борис Ельцин, который в июле 1991 года стал Президентом РСФСР, а во время августовского путча возглавил противодейсвие ГКЧП, после падения которого он подписал указ о приостановке действия в Росиии самой грозной организации – КПСС. Уже в ноябре эта «приостановка» превратится уже в указ о полном прекращении деятельности коммунистов, однако в промежутке между двумя этими указами – в сентябре 1991 года – решением горсовета Свердловск был переименован в Екатеринбург. А еще через три месяца Ельцин стал уже полновластным Президентом России.

Именно Ельцин сказал знаменитую фразу, обращенную к региональным властям: «берите ту долю власти, которую сами сможете проглотить». Эдуард Россель, который в то время был главой администрации Свердловской области, воспринял эти слова буквально, и в апреле 1993 года вынес на референдум вопрос о создании Уральской республики со столицей в Екатеринбурге. Проект, кстати говоря, был совершенно реальным, благо прецедент уже был – еще в 1990 году республикой стал Татарстан, воспользовавшись

для этого еще советским вариантом Конституции. Референдум поддержали больше 80 процентов жителей области, и в июле Свердловский Облсовет уже провозгласил создание Уральской республики, начав разработку ее Конституции. Дело зашло так далеко, что в начале сентября республика начала печатать собственную валюту – уральские франки, а 31 октября Эдуард Россель стал губернатором республики.

Как эта республика стала бы развиваться, мы сейчас можем только гадать – в ноябре Ельцин прекратил эксперимент, издав указ о роспуске Облсовета и отстранении Росселя от должности главы администрации – видимо уральцы все же захотели «проглотить» власти больше, чем позволяла им Москва. На этом все и кончилось, едва начавшись. Отметить стоит лишь один нюанс: считается, что Уральская республика создавалась исключительно в границах Свердловской области. Однако на практике границы области могли быть лишь первым шагом: еще в сентябре в Екатеринбург были приглашены главы Пермской, Челябинской, Оренбургской и Курганской областей, которые письменно подтвердили намеренье участвовать в разработке экономической модели Уральской республики на базе областей Урала. А вот это уже – заявка Екатеринбурга на лидерство как столицы уже всех уральских областей.

Россель, к слову, свою отставку принял как вызов, и уже спустя два года выиграл выборы, став в 1995 году первым областным губернатором. Причем губернатором очень сильным: при нем экономика региона быстро начала развиваться, став одной из крупнейших в стране. Любопытно, что параллельно с Эдуардом Росселем главой города стал сильный мэр – Аркадий Чернецкий. Временами у этих политиков были разногласия, после которых «искры летели». Однако привело это к тому, что Екатеринбург развивался еще быстрее, чем остальной регион, став занимать высокие позиции среди других городов страны. Именно в этот период параллельно начали продвигаться два бренда, связанных с Екатеринбургом – бренд «столица Урала» и еще более амбициозный – «Третья столица».

Бренд «Третья столица» выражал образ города, который по статусу может претендовать на третье место после двух признанных столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. На что Екатеринбург вполне мог претендовать, как третий в России по объему экономики и как «опорный край державы» во время Великой Отечественной войны, как город реализации политических и культурных проектов, наличия иностранных консульств, далее – можно продолжать. Однако бренд этот использовался (и используется) в первую очередь для местной аудитории, которой льстят «столичные» амбиции. Тут нужно отметить, что в некоторых других регионах происходило (да и сейчас происходит) примерно то же самое. Нижний Новгород активно позиционировал себя как «Третья столица» при губернаторстве Бориса Немцова. Примерно те же амбиции у Казани, Омска, Новосибирска... В реальности разрешить такой спор почти невозможно, но сам факт таких амбиций говорит о Екатеринбурге как о члене клуба претендентов на очень высокий статус.

Бренд «столица Урала» никак не противоречит первому. Даже наоборот – ведь среди других претендентов на статус «Третьей столицы» нет городов Урала. Тем более, что родившись еще в девяностых, в двухтысячных этот бренд стал лишь набирать силу, опираясь как на проведение таких крупных мероприятий, как, например, саммит ШОС (2009

год), так и тот факт, что именно Екатеринбург является центром Уральского федерального округа, в состав которого входят Свердловская, Тюменская, Курганская и Челябинская области, а также два автономных округа – Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий. Также именно в Екатеринбурге находится штаб Приволжско-Уральского военного округа, который контролирует огромную территорию, куда кроме Свердловской области входят Кировская, Курганская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Челябинская и Тюменская области, Пермский край, Чувашская и Удмуртские республики, а также республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан и два автономных округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий.

Позиционирование Екатеринбурга как «столицы Урала» привело к тому, что сейчас в региональных – а зачастую и в федеральных – средствах массовой информации слова «Екатеринбург» и «столица Урала» стали взаимозаменяемыми синонимами, причем чаще всего это выражение пишут без кавычек. И употребляется это выражение уже, что называется, «на автомате» – как само собой разумеющееся.

Значит ли это, что Екатеринбург уже повсеместно признается столицей Урала? Неформально многие города позиционируют себя «столицами». Челябинск, например, позиционирует себя как «столица Южного Урала», Пермь – как «столица Западного Урала», Курган – «столица Зауралья»... Но на статус «столицы Урала» кроме Екатеринбурга претендует только... снова – Пермь, но только как «культурная столица Урала». То есть отношение тут примерно такое, как у Санкт-Петербурга к Москве: если Екатеринбург – столица, то Пермь, конечно, – культурная столица: давнее противостояние продолжается.

На деле же «столичный» статус Екатеринбурга конечно нигде не зафиксирован. И измерить его тоже невозможно. Но вот амбиции главного города Урала – они у Екатеринбурга действительно есть. Куда без них?

Но есть и проблемы.

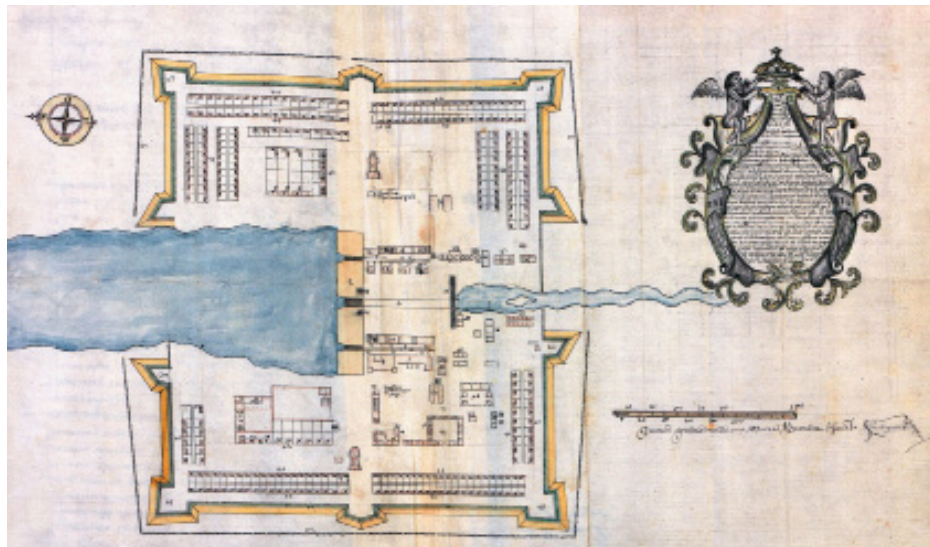

Рис. 27. План Екатеринбурга (1734 год)

Рис. 28.
Эрнст Бирон, фаворит русской императрицы
Анны Иоанновны, из-за конфликта с которым
Татищев был вынужден покинуть Екатеринбург

Рис. 29. Малахитовый зал Зимнего дворца в Санкт-Петербурге

Рис. 30. Карта Франции, получившая гран-при на Всемирной выставке 1900 года в Париже

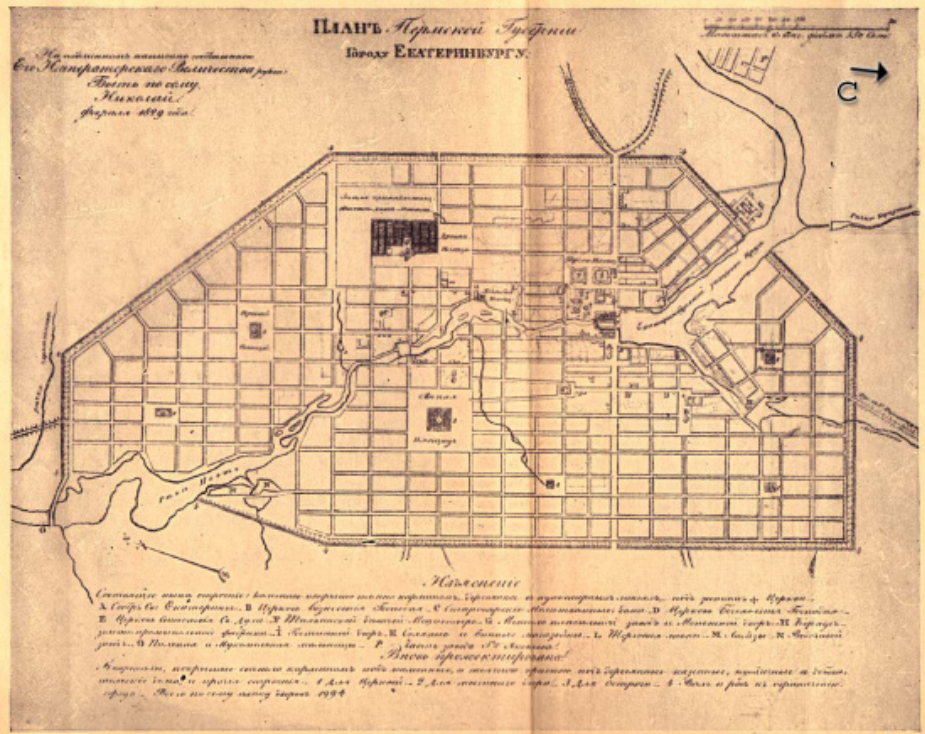

Рис. 31. План горного города Екатеринбурга Пермской губернии (1829 год)

Рис. 32.
Иван Ползунов,
построивший «огненную машину»

Рис. 33.
Аникита Ярцов, возглавивший канцелярию
Главного правления заводов в Екатеринбурге,
который сумел вытащить регион из кризиса

Рис. 34.
Владимир Глинка, «царь и бог Урала», который
железной рукой управлял из Екатеринбурга
горными заводами

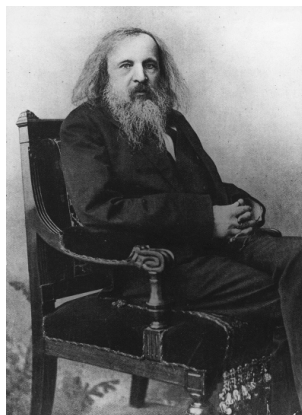

Рис. 35
Дмитрий Менделеев, который во время
инспекции заводов Урала воскликнул:
«старое здесь не старится»

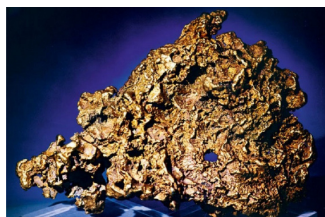

Рис. 36.
Крупнейший из найденных в России золотой
самородок «Золотой треугольник»
(Урал, окрестности Миасса, вес – 36 кг)

Рис. 38. Первый многоэтажный комплекс в Свердловске – «Дом чекиста»

Рис. 39. Уральские франки, 1991 год

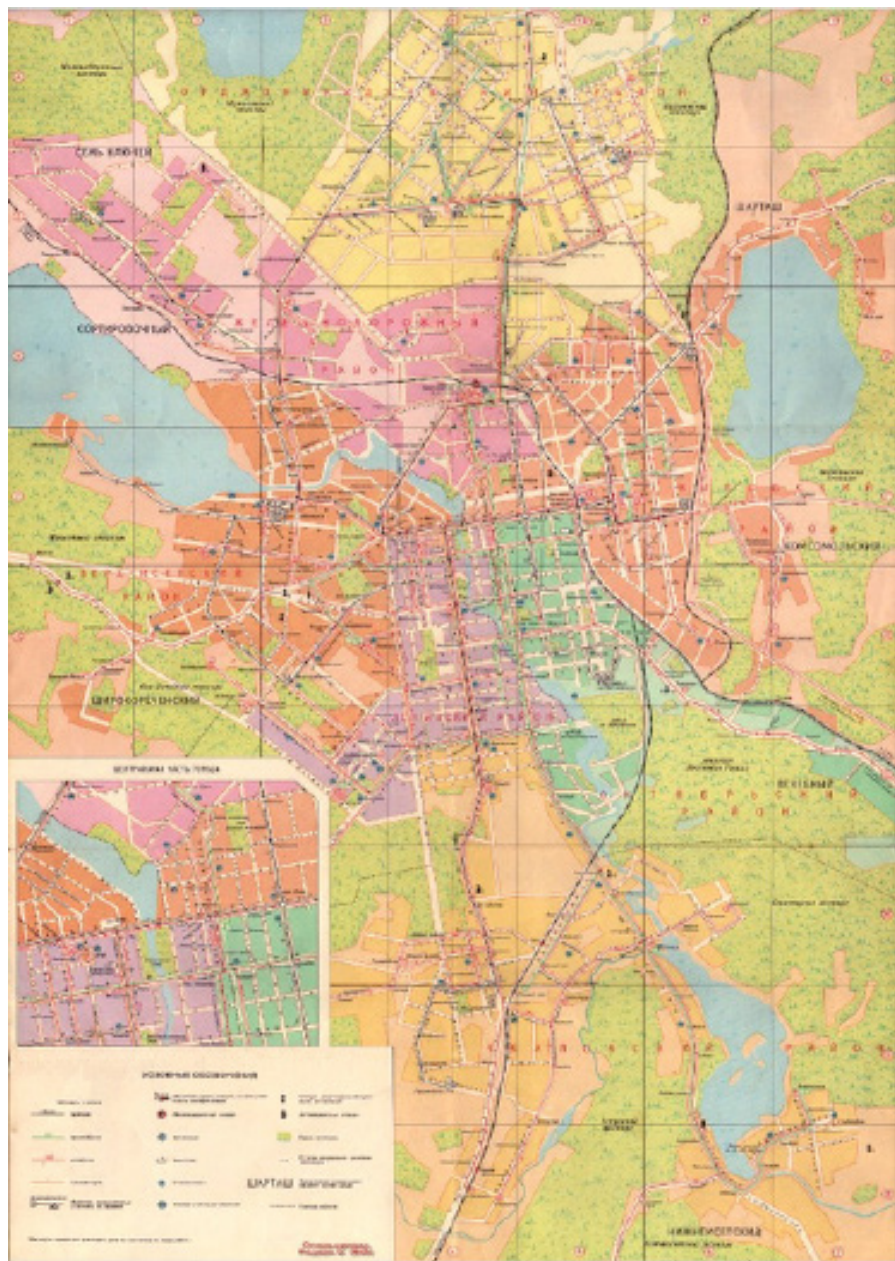

Рис. 39. Карта Свердловска, 1980 год

Рис. 40. Первый небоскреб Свердловска – «Дом Советов»

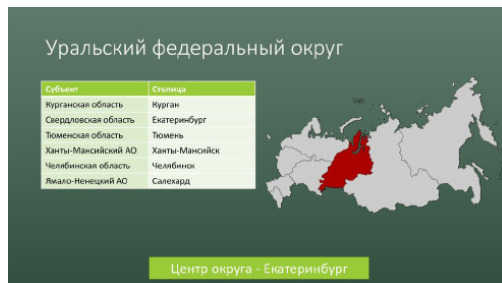

Рис. 41. Уральский федеральный округ с центром в Екатеринбурге

Рис. 43. Современная карта Свердловской области

V. Об искажении истории – намеренном и не очень

Все мы плохо знаем свою историю. Однако, в этом «плохо» тоже есть градации: если по истории России и мировой истории базовые знания, которые преподают в школах, дополняются потом в вузах – особенно в профильных, то вот историю родного города не преподают нигде. Да, есть узкие специалисты, которые отлично знают определенные исторические периоды, но в целом эта тема «отдана на откуп» краеведам. Но «ведающие краем» – это, как правило, любители: энтузиасты, часто без образования. И из-за этого история родного края (города, улицы, конкретного дома) с их подачи трактуется очень вольно и часто нам в головы вместо реальных фактов попадают легенды и различные версии, часто противоречивые. Но легенды и версии – это еще полбеды: еще сложнее, когда история подгоняется и переписывается под нужды конкретного времени, а потом переписанное выдается за «истину в последней инстанции»...

Но что же с этим можно сделать? Нужно все проверять «на зуб», как наши предки делали с монетами, если сомневались в их подлинности. Даты – проверять по источникам, а любые утверждения и факты – по времени появления этих утверждений и фактов. Включая, по возможности, критическое мышление – для того, чтоб понять, почему именно эти утверждения стали считаться истинными.

Не будем, однако, голословными и поробуем применить все вышесказанное к истории Екатеринбурга. И для затравки зададим пару очень простых – «детских» – вопросов: «Когда день рождения Екатеринбурга?», «Кто основал город?».

Вопросы и правда очень простые. Любой откроет «Википедию» или даже покопается в собственной памяти и ответит: «В 1723 году, 18 ноября. 7-го – если по старому стилю. Основатели – Татищев и де Геннин». Хороший родитель на подобный вопрос ребенка найдет фотографию «Памятника первому строителю» и прочитает вслух надпись этом памятнике: «7 (18) ноября 1723 года пушечные залпы возвестили об открытии завода и рождении города – центра горнозаводской промышленности и отечественной металлургии, будущего Свердловска». После этого хороший родитель выберет как-нибудь воскресный день, чтоб сводить своего ребенка на Плотинку в центре Екатеринбурга и показать ему ту самую надпись, а также памятник Татищеву и де Геннину со словами: «Вот они – основатели нашего города». Совсем хорошо – если сможет показать кто из них кто (подпись на постаменте тут не поможет, потому что она не соответствует расположению фигур, проще сказать: «де Геннин – тот, что в шляпе-треуголке»). У ребенка при этом должна возникнуть в голове примерно такая картинка: ноябрьский день, палят пушки, и где-то посреди солдат и строителей, которые кричат «Ура!», стоят плечом к плечу, как изображено на памятнике, вот эти двое – Татищев и де Геннин. Все правильно?

Но что вы скажете, если узнаете о том, что надпись на памятнике не соответствует действительности – пушки в тот день не палили. Что же касается дня рождения, то не только этот день, но даже год рождения города еще в XX веке был предметом для ожесточенных споров! Ну и наконец: Татищев и де Геннин отношения имели настолько сложные, что

вместе почти никогда не показывались на публике. Ну а в указанный на памятнике день, когда действительно произошло конкретное событие – пробный пуск кричных молотов на строящемся заводе – вообще не могли стоять плечом к плечу даже теоретически: де Геннин уехал «на Алапаиху и в Верхотурье к воеводе», ну а Татищев, хотя и был в городе, но присутствовать на пуске молотов не пожелал. Из начальников там присутствовал только английский мастер Йохем Рамфельт, которого на русский манер называли Ехом Якимов. Похоже это на ту картинку, что возникла в голове ребенка, после вашего рассказа? Похоже ли вообще это событие на день рождения города?

Если этот небольшой пример породил в вас «червь сомнения», тогда давайте продолжим и попробуем разобраться в этой теме вместе.

«Датская» история: когда день рождения Екатеринбурга?

Мы уже знаем, что до 1917 года день рождения Екатеринбурга отмечался в день памяти святой Екатерины – 24 ноября по старому стилю. Но как отмечали праздник, посвященный дню рождения города уже после 1917 года?

С 1917 по 1923 год никто об этом празднике особо и не вспоминал. Оно и понятно: война, потом революция, еще одна революция... В 1918-м, когда город был под властью Колчака, наверняка были молебны в день памяти святой Екатерины. Потом была гражданская война...

О празднике вспомнили в 1923 году: как-никак 200-летний юбилей. О нем писали даже в центральной прессе. Но писали странно. Вот заметка газеты «Известия» от 4 августа 1923 года: «Двести лет тому назад, в июле 1723 года, на берегах реки Исети было положено начало Екатеринбурга, теперь советской столицы Урала». Кто-нибудь знает, какое событие 1723 года имеет ввиду автор этой заметки? Нет? Вот местная газета «Уральский рабочий» в номере от 1 августа поступает проще, делая акцент на текущем моменте: «200-летний юбилей города совпадает с официальным подтверждением его роли, как областного центра. Президиумом Всероссийск. Центр. Исполн. Комитета Советов Р.К.К. и К. Деп. Екатеринбург делается первым областным городом Республики Советов».

В этот день – 1 августа 1923 года – был установлен первый (гипсовый) памятник Первому строителю города, который потом был утрачен (вероятнее всего – разбит), но по его изображению в 1973 году был выполнен «новодел», который стоит на Плотинке до сих пор. Но почему праздновали именно 1 августа?

Ответ – в маленькой заметке «Уральского рабочего», где говорится о том, что юбилей был оказывается запланирован в июле, но откладывался «в силу тяжелого материального положения Горсовета и отсутствия в кассе свободных сумм». Понятно, ну а планировался то он когда? А угадайте! Правильно: 15 июля, в день освобождения Екатеринбурга от Колчака в 1919 году. Советская власть – советские праздники. А вот журналист столичных «Известий» об этом не знал, поэтому просто додумал какую-то дату «июля 1723 года», которой и в помине не было.

Ее, впрочем, даже и не искали. В январе, когда формировалась праздничная комиссия, первым было предложение приурочить юбилей города к промышленной выставке, но потом не успели и сочли более подходящим день освобождения от Колчака. А когда снова не успели – назначили на 1 августа. Чему тут, впрочем, удивляться – ведь сейчас мы поступаем точно так же, празднуя День города в третью субботу августа – просто потому, что так удобно.

Отметив юбилей, про день города благополучно забыли, исправно отмечая вместо него 15 июля – день освобождения от Колчака. Забыли настолько основательно, что даже утратили гипсовую статую Первого строителя – ее кто-то разбил, а восстановить не потрудились.

Лишь в 1948 году неожиданно выходит почтовая марка «225 лет Свердловску». Почему? Ничего необычного. Вот Москва, например – столица, а не какой-то обычный город, но и там не отмечается День города... до 1947 года, когда «вдруг» вспомнили, что ей 800 лет и неожиданно отпраздновали это событие со всей столичной пышностью. Сразу после этого и другие города вдруг вспомнили, что родились не вчера. В Свердловске выпустили даже две марки – с изображением Свердлова и с видом на проспект Ленина. 11 июля 1948 года на улицах работал «корреспондент ТАСС Ж. Берланд, который первым начал опыты по освоению цветного фото», получивший задание к юбилею Свердловска серию цветных снимков. Также прошли две научных конференции по истории города – вот только дата основания Екатеринбурга на них не обсуждалась, хватало «научно-пресветительской и идеологической» работы...

Ну а отмечали то когда? Правильно: 6 ноября – в день, когда в 1924 году «за подписью Сталина ВЦИК утвердил новое имя города – Свердловск». А празднование конечно совместили с 7 ноября, когда отмечался день Великой октябрьской социалистической революции. После чего об этом праздновании снова забыли на долгие годы – раз в Москве это событие оказалось «разовым», то и на периферии на этот счет быстро успокоились.

Снова вспомнили о дне рождения города в начале 1958 года – то есть к 235-летию юбилею. Причем на этот раз – что удивительно – начали обсуждать, когда именно нужно его праздновать. Полемика по этому поводу началась на страницах газеты «Вечерний Свердловск» – городской «вечерки». Полемику начал сотрудник Свердловского областного архивного отдела Анатолий Козлов, который в статье «Историческое прошлое города» отстативал 1723 год как год основания города и даже называл датой основания города. Внимание: дата эта – 17 февраля (10 марта по новому стилю), – это день начала строительства крепости. 7 мая выходит новая его статья, в которой приводятся... новые даты хроники строительства – на этот раз он как-бы предлагает выбрать какая из них больше подходит в качестве дня основания города. Но снова внимание: даты пуска кричных молотов на заводе – той самой, 7 (18) ноября – среди этих дат нет! Обе эти статьи вызывают легкое недоумение: а разве спорит кто-то с тем, что год основания – 1723-й? Ведь были же уже празднования в 1923 и 1948 годах и год основания города давно определен? Нет? Но он явно с кем-то спорит, причем читателю «вечерки» непонятно с кем.

Интрига разрешается 9 июня, когда появляется статья противника Козлова. Это некто М. Горловский, который отстаивает версию о том, что город основан в 1721 году. А точнее – весной того года, когда «вольнонаемные работники, пришедшие на строительство нового завода, приступили к расчистке строительной площадки». Правы, разумеется... оба. Вернее – у каждого достаточно аргументов. Потому что мы-то помним, что Татищев действительно организовал в 1721 году расчистку площадки под строительство Исетского завода. Вот только строительство тогда так не было начато.

И тут надо отметить, что у Горловского были все шансы в этом споре победить, потому что спор этот носил не только (и не столько) исторический, сколько идеологический характер, а с таким вещами в то время не шутили. Да и сам Горловский был более мощной фигурой, чем Козлов.

Судите сами. Козлов и Горловский – оба историки. Вот только, если Козлов, попавший со школьной скамьи фронт (и хромавший в результате полученного ранения, за что его потом называли «Козлов с палочкой»), университетский «истфак» заканчивал заочно, и на момент своих публикаций хоть и являлся сотрудником Госархива, но все же был вчерашним студентом. Ну а выступавший против него Михаил Аронович Горловский – доцент, заведующий кафедрой Истории СССР в том самом университете, который буквально вчера закончил Козлов. Неслабо, да? А если к этому добавить, что Горловский уже успел опубликовать свою версию в «Исторических записках» АН СССР и во 2-м издании 38-го тома Большой советской энциклопедии? Была и идеологическая направленность, заключавшаяся в том, что он считал 1723 год «дореволюционной традицией дворянской и буржуазной историографии». Казалось – у Козлова и шансов то нет...

Но неожиданно в «вечерке» появляются публикации других авторов – Н. Чупина, В. Рыжкова, Н. Попова – и все в защиту версии Козлова. За год – аж девять статей. Самая важная из них – снова за авторством Козлова – в номере от 19 июня. Важная, потому что только в ней впервые упоминается дата 7 (18 ноября). Но появляется она (внимание!) как «окончание первичного строительства Екатеринбурга». Как-то больше похоже на промежуточный итог, чем на главную дату основания города, вам не кажется? Но именно эту дату в другой статье поддерживает автор Д. Владимирский – уже как «дату пуска завода». И лишь 18 ноября 1958 года Козлов печатает небольшую заметку, в которой, уже вслед за Владимирским, он повторяет дату 18 ноября как «пуск завода», но не называет ее датой основания города! Наконец, последняя из подборки этих публикаций – заметка от 10 декабря. Она лаконична и не имеет подписи, что в то время означало, что подготовлена она сотрудником редакции, и очень категорична по названию: «Спор окончен. Год рождения – 1723». В материале говорится о том, что в Уральском государственном университете собрались историки, в числе которых были и Козлов с Горловским, которые решили спор в пользу Козлова, причем определились не только с годом (1723-й), но и с датой оснований города – 18 ноября.

Кстати, любопытно: если б победил Горловский, то основателем города пришлось бы считать одного лишь Татищева, ведь де Геннина в 1721 году здесь и близко еще не было.

Заканчивая историю празднования дня рождения города, упомянем о том, что дату эту – 18 ноября – впервые отпраздновали лишь пять лет спустя после окончания этого спора: в 240-летний юбилей города. А своего апогея это празднование достигло в 250-летний юбилей, когда накануне этого дня Свердловск был награжден орденом Ленина, а в сам день празднования торжественно открыли новый Дворец молодежи, обновленный памятник Первому строителю города и заложили «капсулу времени». Что же касается традиции праздновать, то решение установить собственный праздник – День города – появилось в 1978 году. А решение праздновать этот день в третью субботу августа – как мы делаем и сейчас – было принято «по многочисленным просьбам свердловчан» лишь в 1987 году. Памятник Татищеву и де Геннину в 1998 году открывали уже, конечно, тоже в августе.

Вернемся, однако, в 1958 год, когда историки приняли решение годом основания Екатеринбурга считать 1923-й, а днем его основания – 18 ноября. Казалось бы – коллегиальное решение профессионалов, две версии... А могло ли версий быть больше чем две?

Теоретически – могло. Например, сборник историческо-статистических и справочных сведений «Город Екатеринбург», выпущенный в 1889 году под редакцией И.И. Симанова, указывает годом основания Екатеринбурга 1722-й. Указанный год до сих пор вызывает вопросы у исследователей истории города. Возможно, Симанов имел ввиду тот факт, что уже в декабре 1722 года де Геннин написал в Берг-коллегию: «Весной буду строить железные заводы на Исети»? Или он знал больше нас, и решение о возобновлении строительства Исетского завода, начатого Татищевым в 1721 году, было принято Берг-коллегией уже в первой половине 1722 года – до отъезда де Геннина на Урал?

Однако признаем: вряд ли коллегия историков в 1958 году обсуждала подобное. Стенограммы не сохранилось (да вряд ли она и велась), но из небольшой заметки «вечерки» следует, что на этой коллегии был доклад М.А. Горловского, который предложил доказательства того, что Екатеринбург был основан в 1721 году, но коллегия историков пришла к выводу, что «эти доказательства не являются достаточно убедительными для пересмотра даты рождения Екатеринбурга». То есть эти историки были в курсе того, что город уже дважды праздновал свой юбилей, и решили не менять год основания города, который уже устоялся. Что же касается даты, то 18 ноября решено признать «целесообразной датой», так в этот день состоялся «пуск положившего начало городу Екатеринбургского завода».

Ключевая фраза: «целесообразная дата». Пушки в этот день не стреляли, потому что это был пробный – технический – пуск кричных молотов, за которым наблюдал всего лишь второстепенный начальник. Из-за чего тут было стрелять из пушек?

Ну и уже как дань Горловскому, у нас остались в основателях двое: Татищев и де Геннин. Двое, потому что проект де Геннина назвать город Екатеринбургом никак не мог заинтересовать советских историков, а Татищев и впрямь многое сделал для города.

Могла ли коллегия этих историков выбрать другую дату? Да легко! И даже другой

год – в пользу Горловского: не забываем, что де Геннин был все-таки немец по рождению, тогда как Татищев – наш, русский. Ну и сам факт считать за точку отсчета «пуск завода» – совершенно советская традиция. Однако и тут могли быть разночтения: датой основания Перми, к примеру, считается 4(15) мая 1723 года – дата начала строительства завода (заметьте: начала строительства, а не пуска), да и основателем этого города принято считать только Татищева – хотя, как мы знаем, в 1723 году он был всего лишь лишенным всех прав подчиненным де Геннина. Между тем, дореволюционный вариант рождения Перми – 1781 год, когда Пермь получила статус города, и поэтому в 1881 году Пермь отмечала столетний юбилей. Или другой пример: Санкт-Петербург основан 16(27) мая 1703 года – когда была заложена крепость, позже ставшая городом.

Проявив дотошность, мы могли бы даже сами найти дату основания Екатеринбурга, которая могла бы быть признана даже сейчас. Какую? Дату указа Петра I об основании города! Проблема в том, что, как мы уже знаем, такого указа нет, либо он не найден. А из сохранившегося указа местного значения можно назвать лишь дату 22 ноября (3 декабря), когда прошение де Геннина было узаконено Тобольской губернской канцелярией. Но это скорее дата личной победы генерала де Геннина в борьбе за именование города Екатеринбургом, чем дата его основания. Тоже тупик.

Между тем, мы с вами уже можем вспомнить, что в 1723 году был день, когда действительно стреляли пушки – всего два дня спустя после победы де Геннина. Потому что праздничным салютом встречался день святой Екатерины. И палили пушки холостыми зарядами, и солдаты кричали «Ура!» и пили пиво за казенный счет.

Сейчас этот день – день святой Екатерины – отмечается 7 декабря, но официальным праздником в Екатеринбурге не считается. Почему? Потому что советским историкам этот день не нравился, и о нем решили забыть. А вот к дню 18 ноября, который сегодня считается «каноническим», в 1972 году для добавления ему значимости добавили пушечный салют, которого в реальности не было.

А что с названием?

Следующий простой вопрос: какие город носил названия? И этот вопрос действительно кажется совсем уж простым, потому что всем известно, что город был основан как Екатеринбург, но с 1924 по 1991 годы назывался Свердловском. Так?

Снова давайте разбираться вместе.

Начнем с того, что мы-то с вами уже знаем, что город мог бы называться Уктусом, а в момент строительства назывался Исетским заводом. По орфографии того времени встречались вариации: Исецкий завод, Исецкие заводы или Новозачатые Исецкие заводы.

Точно также, как Екатеринбург в то время мог называться и Екатеринбургский завод или Екатеринбургские заводы, так и Екатеринбург, Екатеринбург, Екатеринбургъ, Екатеринбургь, Екатеринбургь или, как на медном блюде, Катеринь Бурхъ. Но мы понимаем – это разные написания одного то же имени.

Между тем первое переименование города случилось не в 1924 году, а уже в 1734-м. Это год, когда Василий Татищев вновь стал горным начальником в Екатеринбурге, сменив на этой должности де Геннина. И вот казалось бы: Татищев был всем обязан де Геннину, который решил в его пользу конфликт с Демидовыми. Генерал спас Татищеву не только имя, но и саму голову – на шею ему запросто могла быть брошена петля. Но что делает Татищев, приняв место де Геннина? Едва ли не первым делом пишет донос, в котором фактически обвиняет своего предшественника в получении взятки от Демидовых. Все-таки многое еще можно рассказать об этом необычном человеке, а его отношения с генералом де Генниным, с самого начала непростые, в итоге превратились в неприязненные. Пожалуй, этим двоим и в страшном сне не могло бы присниться, что когда-то они будут бок о бок стоять в Екатеринбурге на одном постаменте! Однако, речь не об этом. А о том, что Татищев – человек, который считается одним из основателей Екатеринбурга, терпеть не мог название города! Придя к власти, первым делом он во всех документах начал именовать его иначе – Екатеринбург. Тоже производное от Екатерины, но на русский манер. Но это, согласитесь, уже не просто другое написание того же самого имени. Продолжалось это переименование, правда, всего пять лет – с 1734 по 1739 годы. С отъездом Татищева из города, снова поменялось и его название: Екатеринбург опять стал Екатеринбургом.

Следующее переименование могло случиться уже в 1914 году, когда столицу Российской империи из-за начавшейся мировой войны и антигерманских настроений в России переименовали из Санкт-Петербурга в Петроград. В Екатеринбурге, как и во всей стране, срочно избавлялись от звучавших по-германски не только магазинов и фабрик, но и фамилий, которые люди меняли на более патриотичные. После циркуляра министерства внутренних дел из Перми, в екатеринбургской городской думе был поднят вопрос и от избавлении в названии города по-германски звучавшего «хвоста» – то есть «бурга»: Екатеринбург был единственным городом во всей губернии с немецким названием. Обсуждали два вопроса: стоит ли переименовывать; и – если стоит, то каким будет новое название? Комиссия, в которую в том числе входил председатель Уральского общества любителей естествознания Онисим Клер, пришла к согласию по первому пункту – переименовывать надо! Однако не договорились по второму пункту.

Клер, как наиболее «подкованный» в истории среди членов комиссии, предложил название Иседонск, варианты: Исседонск, Исейдонск (от исседонов – древнего народа, когда-то обитавшего на Урале). Не встретив понимания (можно спорить, он и сейчас не встретил бы и сейчас знатоков исседонов среди депутатов городской думы), Клер предложил более простой вариант – Екатеринополь («поль» – греческое окончание). Председатель уездной земской управы Александр Симанов тут же выдвинул свой вариант – Екатериноград, окружной прокурор Александр Гильков высказался за Екатеринозаводск. Дальше посыпалось как из рога изобилия: Екатериноисетск, Екатериногурск, Екатериноурал, Екатеринокаменск, Екатериногор и даже Екатеринобор. Отметим, что почему-то никому не пришло в голову предложить татищевский вариант – Екатеринбург. Но может оно и к лучшему: уже на следующем думском заседании нашлись люди (это были гласные С. Бибилов и П. Иванов, а также юрист Д. Веселов), ставшие доказывать,

что окончание «бург» имеет вообще-то не немецкие, а латинские или голландские корни. В итоге, так ни до чего и не договорившись, городская дума отменила и переименование, и саму комиссию.

Случившееся десять лет спустя – в 1924 году – успешное переименование Екатеринбурга в Свердловск было предreshено еще в 1919 году, когда начались революционно-большевистские переименования улиц и площадей. Именно тогда Главный пропект стал носить имя Ленина, Александровский проспект стал улицей Декабристов, Уктусскую улицу переименовали в улицу Троцкого, а площадь у дома союзов (бывший Окружной суд) стала площадью Труда... Всего было переименовано 40 улиц, проспектов и набережных, 6 площадей, 3 театра, 3 дома и 1 сад. Екатеринбург тогда тоже был переименован: хоть и полуофициально, но он постоянно стал называться с дополнительным словом, прикрепленным к старому имени – Красный Екатеринбург.

Окончательное переименование «советской столицы Урала» снова началось с города на Неве, который после смерти Ленина из Петрограда был переименован в Ленинград. Всего через месяц после этого в газете «Уральский рабочий» появилась статья «Пора переименовывать!». В этой статье сразу в качестве нового названия города предлагался Свердловск – в честь «товарища Андрея». В 1919 году в его честь уже был назван улицей Свердлова бывший Арсеньевский проспект, а также бывший кинотеатр «Колизей» стал Домом просвещения имени Якова Свердлова. Был и повод – в марте 1924 года исполнялось 5 лет со дня смерти Свердлова, а еще в 1923 году в его честь был заложен памятник, который потом был открыт уже в 1927 году.

Однако, вместо переименования, которое должно было, по мнению автора статьи, подписавшегося «Чл. Горсовета», состояться по-революционному быстро – всего за полмесяца – редакция оказалась завалена письмами читателей, предлагавших свои названия. От нейтрального – Платиноуральск, до ультра-радикальных, на сегодняшний взгляд, вариантов: Реваншбург и Местиград. Обратим внимание, насколько значимым событием оказался для жителей города расстрел Николая II и его семьи, вот только совсем с другим знаком, чем среди представителей Белого движения: в том же 1919 году Воскресенскую площадь «на которую выходят окна дома, в котором кончил свои дни Николай Кровавый» назвали «Площадью народной мести», так что какой-нибудь вариант «Реваншбурга» был вполне реален. Были, правда, и другие варианты, в основном – революционные: Красный Урал, Красноуральск, Ленинбург... Причем большинство откликов – отнюдь не за Свердловск, и, к счастью, даже не за Местиград или Реваншбург, а за Красноуральск! Но явно где-то наверху название Свердловск было уже утверждено, поэтому сначала в газете отдельной заметкой появляется анонимный отклик в пользу названия Свердловск, а затем за дело берется журналист и автор брошюры «Яков Михайлович Свердлов» Н. Шушканов, который в своей публикации уверенно отмечает все «лишние» названия. Согласно его аргументации, Реваншбург – это название «хотя и имеющее некоторый смысл, совершенно не годится» – из-за того, что «революция – не реванш, мы борцы и победители и мы сшибли голову последнего самодержца так же просто, как сшибли тысячи голов защитников старого строя». Красноуральск в его понимании «название простое и понятное, но чересчур общее и маловыразительное», а

Красный Урал – «громоздкое и неудобное». Ну а с Ленинбургом вообще все предельно ясно – в честь Ленина уже носит имя Ленинград. В итоге, решением пленума горсовета, Екатеринбург был переименован в Свердловск по предложению окружкома, которое поступило 29 сентября 1924 года. В ноябре того же года уже были выделены средства на замену печатей, штампов и бланков с названием города: Екатеринбург стал Свердловском.

Любопытно, что «маловыразительное» название Красноуральск было использовано в 1932 году для переименования поселка Уралмедьстрой, на месте которого в дореволюционное время стояло село Богомолово.

Что же касается возвращения исторического названия Екатеринбурга в 1991 году, то здесь тоже есть свои нюансы. Можно встретить упоминания о том, что такое решение было принято на референдуме всеми жителями города, но это не соответствует действительности. На самом деле такой референдум планировался, но его проведение так и не состоялось. А началось все с создания в 1990 году по инициативе профессора Свердловского горного института Олега Иванова общественного комитета «За Екатеринбург», объединившего сторонников возвращения городу исторического имени.

Создан этот комитет был не случайно: вопрос возвращения исторических названий в эпоху перестройки и гласности стал «политически верным» и подобные комитеты создавались по всей стране. И они добивались своего: еще до августовского путча 1991 года были успешно возвращены названия таких городов, как Тверь, Самара, Нижний Новгород, Владикавказ, Ижевск, Рыбинск, Набережные Челны.

Активисты комитета «За Екатеринбург» уже в декабре 1990 года подняли вопрос о возвращении городу исторического названия, причем большинство депутатов поддержали инициативу, но в тот день в думе не было кворума – и решение не было принято. Зато при Комиссии по культуре был создан Комитет по названию и топонимике города, председателем которого стал депутат Горсовета Евгений Хан. Этот комитет провел два опроса населения города, первый из которых показал, что голоса свердловчан распределяются примерно поровну за и против названия Екатеринбург, но второй опрос показал уже уверенный рост сторонников возвращения исторического названия, которые уже составляли большинство. Тогда-то комитет и запланировал провести общегородской референдум по этому вопросу.

Но в итоге все решили депутаты горсовета – простым большинством голосов. Вопрос был выставлен на голосование вскоре после августовского путча – 4 сентября 1991 года. Возможно как раз поэтому решение о восстановлении исторического названия – Екатеринбург – было принято почти единогласно: из 114 депутатов 106 проголосовали «за» и лишь трое «против», при пяти воздержавшихся.

Любопытно, что это решение было принято снова почти одновременно с городом на Неве: тот был переименован в Санкт-Петербург указом Президиума Верховного Совета РСФСР 6 сентября 1991 года – в результате референдума, где «за» проголосовали 54 процента горожан. Утверждение решения гордумы по Екатеринбургу Президиумом Верховного Совета РСФСР случилось немного позже – 23 сентября 1991 года,

одновременно с восстановлением названия города Сергиев Посад, в котором сохранилась Троице-Сергиевская лавра. Свердловск вновь стал Екатеринбургом.

На этом все? Как бы не так!

Помимо переименования города у комитета была задача постепенно вернуть исторические названия и улицам Екатеринбурга. Дело в том, что переименование 1919 года было не единственным, и до нашего времени сохранили свои названия лишь 10 названий из 110, причем даже из этих десяти полностью сохранили исторические имена лишь половина: улицы Московская, Шаташская, Пышминская и два переулка – Почтовый и Пестеревский. Две улицы сохранились частично – Кузнечная (часть ее стала улицей Сони Морозовой) и Заводская, а еще три переименованы в похожие названия: Восточная 2-я стала просто Восточной, Пушкинская – улицей Пушкина, а Гоголевская – улицей Гоголя.

Еще в 1991 году – на той же сессии Горсовета, на которой было принято решение о восстановлении названия Екатеринбурга – было принято решение о восстановлении исторических названий улиц, предложив комитету подготовить списки очередности таких переименований. Уже к ноябрю того же года комитет предоставил списки 4-х очередей, а в 1992 году 1-я и 2-я очереди из этого списка были одобрены Горсоветом...

Но на этом все и кончилось! Ни одной из улиц в Екатеринбурге так и не удалось вернуть старое название. Почему? Активисты комитета «За Екатеринбург» считают, что им противодействовал глава Екатеринбурга Аркадий Чернецкий. Однако таков снова был общий для страны тренд – да, в начале 90-х годов десятки названий улиц удалось вернуть в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде и некоторых других городах, но везде этот процесс остановился, едва начавшись. Комитет в Екатеринбурге пытался протестовать и даже неоднократно силами добровольцев проводил акции, в ходе которых с помощью трафаретов краской на домах наносились старые названия исторических улиц, на проспекте Ленина на нескольких домах даже были заменены сами таблички названия улицы на «Главный проспект». Однако эти акции не встретили понимания в администрации города – таблички поменяли обратно, а надписи силами работников ЖЭКов постепенно уничтожались. Лишь некоторые такие трафаретные надписи можно отыскать сейчас.

А главное – область, административным центром которой является Екатеринбург, осталась Свердловской, снова повторив путь Санкт-Петербурга, где названная в честь города область сохранила прежнее название – Ленинградская.

Вот так и получилось, что уже десятки лет екатеринбуржцы являются одновременно еще и свердловчанами (потому так называют жителей Свердловской области), причем живут екатеринбуржцы-свердловчане в большинстве своем на улицах, названных в честь революционно-большевистских вождей, и ходят мимо памятников этим вождям. Стоит ли после этого удивляться, что люди в своей массе не знают прошлого, а к названиям относятся цинично?

Все это говорит о том, что современный Екатеринбург переживает кризис самоидентификации: его жители если и называют себя екатеринбуржцами, то чисто формально.

Рис. 44. Памятник строителю города (1923 год)

Рис. 45
Памятник Первому строителю
(современный вид)

Рис. 46
Памятник
Татищеву и де Геннину,
открытый в 1998 году

Рис. 47. Серия почтовых марок «225 лет Свердловску»

Рис. 48. Закладка «Капсулы времени», 1973 год

Рис. 49. Гласные Екатеринбургской городской думы на заседании (начало XX века)

Рис. 50. Общий вид на Екатеринбург
(фото С. Прокудина-Горского, 1909 год)

Рис. 51. Попытка переименования таблички с
«проспекта Ленина» на «Главный проспект
91

Рис. 52. Современный Екатеринбург с высоты птичьего полета

VI. Екатеринбург: кризис самоидентификации

В 2017 году в самом сердце Екатеринбурга, на Плотинке, прямо рядом с резиденцией Губернатора области, на крыше здания бывшего Уральского приборостроительного завода, появилась огромная надпись в виде вопроса: «Кто мы, откуда, куда мы идем?».

Не будем спорить с тем, что автор этой надписи, уличный художник Тимофей Радя, создавший ее в рамках Уральской биеннале – международной выставки современного искусства – закладывал в нее много смыслов. Для нас важно, что вопрос этот очень четко формулирует проблему самоидентификации города.

Но эта проблема, так метко отраженная в этой арт-инсталляции (которая, кстати, заменила старый советский лозунг: «Слава труду!»), появилась отнюдь не вчера и даже не в 90-х.

Исток этой проблемы, с которой мы сталкиваемся прямо сейчас – в 20-х годах прошлого века.

Свердлов и две Екатерины

Кампания по переименованию Екатеринбурга в Свердловск началась в 1924 году, в газете «Уральский рабочий» и имела два направления: прославление Свердлова и унижение императрицы Екатерины I.

О прославлении Свердлова приведем несколько цитат, характерных для того времени: «Покойный т. Свердлов был одним из главнейших организаторов и руководителей нашей партии и рабочего класса на Урале. Память о «товарище Андрее» до сих пор живет среди уральских рабочих...», «...вся жизнь Свердлова, с малолетства до смерти – сплошная борьба за рабочее дело...» и далее – в том же духе. На деле же Свердлов на Урале был одним из организаторов «боевых дружин» – отрядов боевиков, готовых к сопротивлению действующей власти с оружием в руках. Не удивительно, что власть сажала за это Свердлова в тюрьмы, в том числе в Екатеринбургскую тюрьму. Ну а после Февральской революции 1917 года он был в Екатеринбурге на партийной работе, готовясь организовать именно здесь восстание в том случае, если большевики в Петрограде потерпят поражение. В общем, именно к Екатеринбургу отношение он имел опосредованное – работал и в Перми, и во многих других городах, просто он был единственным большевистским вождем высокого ранга (на момент смерти он был Председателем ВЦИК), который имел какое-то отношение к этому городу. И тем более – уже умер.

Вообще, любопытная черта его биографии – он был удивительно молод. Когда на Урале организовывал отряды боевиков, ему было 20, впервые арестован и попал в тюрьму – в 21. В революционном 17-м ему, правда, был уже 31 год, однако в 33 он уже умер, но зато – находясь на очень посту второго человека в государстве после Ленина...

Также любопытно, что смерть его была загадочной. Есть четыре основных версии. Первая – официальная: умер от «испанки», вторая – тоже, что самое смешное, официальная – умер от недолеченного туберкулеза. Третья – был убит или сильно покалечен рабочими во время митинга, что и привело к его смерти. Ну и, наконец, четвертая – был тайно убит: то ли Сталиным, который уже тогда начинал рваться к власти, то ли даже Лениным, который не простил выстрелы Фанни Каплан человеку, отвечавшему за его охрану... Небезынтересная, в общем, личность. Но не будем уделять ему много внимания.

Намного интереснее то, что писали в «Уральском рабочем» образца 1924 года о Екатерине I. Не ограничившись эпитетами «позорное имя Екатерины – жены царя Петра, самодержавного завоевателя и победителя слабых народов, коронованного палача...» или даже «имя пьяной развратной бабы», редакция дает ее развернутую биографию!

Приведем ее, с некоторыми купюрами.

«Что это за Екатерина, имя которой носит Красная столица Урала?

...Жил в Лифляндии крестьянин-католик, у него была дочь. Умер крестьянин, дочь осталась сиротой и начались ее скитания. ...Идет в услужение к пастору и переходит в лютеранство.

Война со Швецией в 1702 году делает эту молодую любящую легко пожить крестьянку беженкой... Скитания приводят ее к роли «солдатской жены» при русской армии. Переходила из рук в руки... и вот обращает на себя внимание Шереметьева, приближенного к царскому двору.

После очень многих перемен переходит она к Меньшикову, в доме которого оказывается прачкой, «портомоей». В доме Меньшикова ее заметил Петр, тот которого называли великим.

Петр заплатил Екатерине за первое свидание дукат и одновременно с Меньшиковым делил ее любовные ласки. Вскоре Петр берет Екатерину в свой «женский терем» и начинает привязываться к ней, и всюду – в походе, в путешествии за границей Екатерина с Петром.

Пожелал Петр сделать Екатерину государыней. И сделал, не разводясь даже с прежней женой. Это происходило 7 мая 1721 году. Не прошло и полугода, как Петр получил сведения, что его жена-государыня российская – любовница лакея Монса.

Отрубили голову Монса, заспиртовали в банке и поставили ее в спальне государыни.

Екатерина не знала грамоты. Петр учил ее усердно. Он зверски бил ее, подвергая унижительным издевательствам и при постронних. ...И все таки не выучил, осталась она неграмотной.

Умер Петр, Меньшиков с гвардейцами возводит на престол Екатерину. Неграмотная, бедная, развратная баба должна править государством. Но она не берется за дела, их ведет Меньшиков, а она не теряя ни одного дня, ни одного часа, веселится, пьет.

...Пьянствовала, развратничала и наконец умерла Екатерина».

Далее – резюме автора: «Рабочий Екатеринбург кончил дни последнего из самодержавных дураков – Николая II и этим он может гордиться. Но он, по какому-то недоразумению, до сих пор носит позорное имя одного из выродков «на троне» Екатерины».

Столь длинный кусок текста здесь приведен потому, что представленная биография Екатерины, хотя и написана «с революционной прямоотой», в целом и впрямь соответствует действительности. Уточним лишь некоторые детали: при рождении Екатерину звали Марта Скавронская. Упущенный факт – была замужем за шведским драгуном Иоганном Крузе, который на войне пропал без вести, поэтому при поступлении в услужение к фельдмаршалу Шереметьеву она звалась Марта Крузе. Также упущено ее крещение (в 1707 или 1708 году) в православие, после чего она получила новое имя – Екатерина Михайлова. Неточность лишь в дате истории с камергером Монсом, которая произошла уже 1724 году, вскоре после того, как Петр короновал Екатерину в качестве императрицы. Ну и выдумка, конечно, что Екатерина была неграмотна. Остальное в целом верно, разве что фамилию Меншикова сейчас принято писать без мягкого знака.

Если же говорить о положительных качествах Екатерины, то главным ее талантом было умение ладить с Петром – когда у того бывали припадки яростного гнева, она умудрялась лаской и терпеливым вниманием его успокаивать. Благодаря именно этому таланту она сумела стать и супругой царя, и потом – императрицей. Что же касается ее недолгого правления как императрицы, то в заслугу ей можно поставить тот факт, что при ее царствовании не только не велись войны, но и даже не было ни одной смертной казни. Что для России, согласитесь, не так уж и мало.

Стилистика текста про Екатерину нарочисто-простонародна: он ориентирован на полуграмотных крестьян, которым кто-то вслух читает что-то важное из газет. И в этом смысле текст выверен практически идеально. Даже сейчас, прочтешь – и подумаешь: «В честь кого назван мой город? В честь вот этой вот... бабы?». На то и рассчитано! Причем мы-то уже привыкли к тому, что исторические личности часто далеки от идеала, а вы представьте себе крестьянина, привыкшего не задумываясь сакрализировать любую коронованую особу: ему-то каково – такое услышать про целую императрицу?

Отметим, однако, один нюанс. Во всем тексте – ни слова про православие, даже не упоминается, что Екатерина – ее крестильное имя. Наоборот: подчеркивается, что она была рождена католичкой Екатериной (что неправда – тогда ее звали Мартой), но променяла эту веру на лютеранскую. Зачем автор это сделал? А затем, что в реалиях того времени религия – это все-таки глубинная и важная составляющая жизни простого народа. Да, в начале 1920-х в стране уже появилась антирелигиозная пропаганда, но поначалу она не увенчалась успехом и в 1921-22 годах в некоторых городах даже началось частичное религиозное возрождение. А политика 1923-29 годов – это политика смягчения политики государства в отношении религии. Воинствующие безбожники, организованные в собственный союз, появятся в городе лишь два года спустя, а тогда автор статьи еще прекрасно понимает: он может сколь угодно «изгаляться» над давно умершей императрицей, но вот святую Екатерину тут лучше не приплетать. Выросший

в реалиях того времени, автор статьи не мог не знать, что город, названный в честь Екатерины, с православной точки зрения считается названным в честь святой Екатерины, и в этом случае личность самой императрицы вторична.

Пора поэтому подробнее рассказать о святой Екатерине. Кто она?

В традиции русской Православной церкви женское имя Екатерина (дословный перевод с древнегреческого: «вечно чистая», «непорочная») восходит к святой Екатерине Александрийской. Жизнеописание этой христианской великомученицы родом из египетского города Александрия, дошло до наших дней в трех мученичествах, написанных анонимными авторам, рукописи ее слуги Афанасия (другой вариант имени – Анастасий) и еще в одном мученичестве, написанном Симеоном Матафростом – византийским автором, также причисленным к лику святых.

История ее жизни – это всего 18 лет, прожитых в Египте с 287 по 305 годы, во время правления императора Максимиана, известного как Максимиан II Даза, который отличался особой жесткостью в отношении христиан. Первый же указ этого императора, пришедшего к власти в 305 году, требовал от наместников римских провинций, в числе которых была и территория Египта, принуждать всех мужчин, женщин и детей приносить жертвы языческим богам.

Само жизнеописание Екатерины – это своего рода легенда. Суть ее в том, что жила в Александрии очень образованная и красивая девушка из знатной семьи, которая «изучила творения всех языческих писателей и всех древних стихотворцев и философов» и не выходила замуж, потому что хотела, чтобы ее избранник был умен и красив не менее ее самой, а найти такого ее родителям не удавалось. Зато нашелся старец-пустынный – сирийский монах, который крестил ее под именем Екатерина, со словами: «Я знаю Жениха, который во всем превосходит тебя. Ему нет подобного». Монах дал ей иконку Пресвятой Девы, на которую она молилась, и ночью ей было видение: она перенеслась на небеса, где предстала перед Иисусом Христом и его матерью Девой Марией, причем Мария вручила руку Екатерины своему сыну, а Иисус вручил ей кольцо, назвав своей невестой.

Став христовой невестой, Екатерина совершенно переменялась в характере, став скромной, кроткой и милостивой. Однако при всей внешней кротости, Екатерина стала негибкой в обретенной ей цели – жить для Христа, и поэтому вообще отказалась от мирского замужества, а также начала проповедать христианство.

Вскоре свои убеждения ей пришлось отстаивать. Случилось это так: в Александрию приехал император Максимиан, в честь визита которого в этом городе собрались жители со всех городов Египта. И когда император в одном из языческих храмов лично приносил жертвоприношение, Екатерина пришла в этот храм, и обратилась к нему с призывом оставить языческих богов и обратиться в христианство.

Согласно легенде, Максимиан был так пленен красотой отважной девушки, что не стал ее карать, а пригласил после праздника во дворец. Там он попытался убедить красавицу оставить христианскую веру, а когда это не удалось – позвал на помощь придворных философов. Когда и они потерпели в споре с ней поражение, он в гневе

приказал их казнить, а саму девушку – выпороть воловьими жилами и заточить в темнице.

Император воспринял упорство юной девушки как личный вызов и начал действовать по принципу «кнута и пряника»: после порки ей предали богатые подарки и почести, если она откажется от своей веры, но она осталась непреклонна.

Между тем, просышав об упрямыце, которую император держит в заточении, к ней в темницу решила прийти супруга императора, Августа. В сопровождении друга императора, военачальника Порфирия и многочисленной охраны, Августа из жалости пришла навестить Екатерину, однако их знакомство перешло в беседу, после которой и Августа, и Порфирий, и даже все присутствовавшие при этом охранники, уверовали в Христа.

Узнав об этом, Максимин впал в бешенство и начал грозить Екатерине пытками и смертью. Для большего устрашения непокорной, императорский вельможа Хурсаден даже изготовил особое орудие пыток, состоящее из надетых на ось четырех колес (что важно!), к которым прикрепили железные острия. Два колеса вращались вправо, два влево, а между ними можно было поместить человеческое тело, которые эти колеса разорвут на части. Пыточное орудие император приказал показать Екатерине – и если она не устрашится, то пусть примет мучительную смерть. Согласно житию, когда Екатерине показали эти страшные колеса, то ее вера не поколебалась, а сами колеса разрушил ангел, спустившийся с небес.

Августа, узнавшая об этом, пришла к супругу и стала укорять его в том, что он противится Богу и призналась в том, что сама стала христианкой. В ярости, Максимин приказал казнить жену, а затем также предал казни своего друга Порфирия и всех воинов, принявших христианство. После этого он приказал привести к нему Екатерину, и дал ей последний выбор: если она публично принесет жертву языческим богам, то он женится на ней, сделав императрицей. Екатерина отказалась, и тогда он приказал воину отсечь ей голову. По преданию, после остсечения ей головы, из раны вместо крови вытекло молоко.

После казни тело Екатерины пропало. Согласно преданию, оно было перенесено ангелами на самую высокую гору Синая, которая теперь в честь нее называется Катерин (арабский вариант – Джебель Катрин). И лишь много лет спустя (приблизительно – в период с VI до VIII века), монахи построенного Юстинианом монастыря Преображения (он же – монастырь Неопалимой Купины), повинувшись видению, поднялись на эту гору, где и нашли останки Екатерины, опознав их по кольцу, которое ей вручил Иисус Христос.

После обретения мощей Екатерины монастырь постепенно стал местом паломничества, и к XI веку обрел новое имя, которое носит по сей день – монастырь Святой Екатерины. Сегодня этот египетский монастырь, расположенный у подножия горы Синай на высоте 1570 метров, считается одним из древнейших непрерывно действующих монастырей в мире. Насельниками его являются греки православного вероисповедания.

Кроме этого монастыря, частицы мощей святой Екатерины хранятся в двух немецких городах – Фульда и Золинген, а также в Екатерининском соборе города Пушкин под Санкт-Петербургом. С именем святой Екатерины также связан один из самых известных иконографических сюжетов средневековья – мистическое обручение с Христом.

Так как Екатерина жила до раскола в христианской церкви, то на протяжении сотен лет она почиталась как в Православной, так и в Католической церквях (а значит – и в Лютеранской церкви, прихожанином которой был де Геннин и его мать Катарина). Церковь святой Екатерины в Онфлере – старейший деревянный храм Франции, храм ее имени был в Нюрнберге (Германия) до уничтожения там авиацией Старого города в 1945 году. Католические храмы святой Екатерины существуют в старом Гоа (Индия), в Загребе (Хорватия), в Эйндховене (Нидерланды), в Остраве и Оломуце (Чехия), в Днепре и Киеве (Украина), в Вильнюсе (Литва), в Пизе (Италия), в Кулгиде (Латвия), Сан-Катаринен и Мембрис (Германия). Есть лютеранский приход Святой Екатерины в Казани, в Санкт-Петербурге – католическая базилика Святой Екатерины Александрийской и два прихода Святой Екатерины – шведский и немецкий, также есть католический приход в Ленинградской области.

Екатерина считалась в католичестве одной из четырнадцати древних святых, которые почитались как «святые помощники». Традиция эта началась в Германии во время средневековой эпидемии чумы 1346-1349 годов, а потом распространилась на другие католические страны.

Праздник Четырнадцати святых помощников традиционно отмечался 8 августа, пока в 1969 году римский Папа Павел VI, в ходе проведения церковных реформ, не решил упразднить этот день. Он же деканонизировал Екатерину, удалив ее имя из католического календаря с формулировкой «страдания святой Екатерины совершенно невероятны, и о ней нельзя сказать ничего определенного». Связано такое решение было с тем, что древнейший монастырь Святой Екатерины у подножия горы Синай относится к православным. Доказывается это тем, что католическая святая Екатерина Сиенская (годы жизни – 1347-1380), которая повторила мистическое обручение с Христом, ориентируясь на пример Екатерины Александрийской, в честь которой сама была крещена, не только не была деканонизирована, но в 1970 году тем же самым Папой Павлом VI была приобщена к числу учителей церкви – честь, которая до этого никогда не даровалась женщинам. Так что сегодня Екатерину Александрийскую можно уже считать исключительно православной святой.

В православной традиции святая Екатерина – одна из самых почитаемых великомучениц. Названные в честь ее имени храмы, кроме Египта, есть в Белоруссии, Иране, Италии, Литве, Украине, Эстонии. В России таких храмов десятки, причем один из них – прямо на территории Московского Кремля, куда нет доступа посетителям.

Особое отношение к святой Екатерине было у династии Романовых. Все началось с Петра I, который в 1714 году учредил орден Святой Екатерины. Поначалу это была уникальная награда, имевшая другое название – орден Освобождения, предназначавшаяся лично супруге Петра, Екатерине. Петр таким образом отметил ее за то, что по легенде, она во время неудачного Прусского похода, когда русская армия попала в окружение, отдала все свои драгоценности на подкуп турецкого командующего Мехмед-паши. При Петре других награждений этим орденом не было, зато сама Екатерина, уже став императрицей, пожаловала такими орденами дочерей – Анну и Елизавету. Постепенно орден Святой

Екатерины стал официальным женским орденом, который великие княжны получали при рождении. После 1917 года он был практически забыт, но возрожден как орден Святой великомученицы Екатерины уже в современной России – в 2012 году.

На территории современной Свердловской области храм во имя святой великомученицы Екатерины еще в 1792 году был построен в Алапаевске, а в 1840 году освящен Екатерининский двухпрестольный храм в селе Шухруповское (ныне – Туринский городской округ).

В Екатеринбурге, помимо взорванного в 1930 году Екатерининского собора, на месте которого сейчас установлена часовня, был еще небольшой храм Екатерины Великомученицы, имевший статус придомового. Любопытно, что этот небольшой храм, освященный лишь в январе 1917 года в здании Нового женского епархиального училища, был последним открывшимся храмом дореволюционного Екатеринбурга. Ныне это здание – 2-й учебный корпус Уральского государственного горного университета. В 2003 году в помещении этого корпуса шел ремонт, и рабочие за слоями известки обнаружили росписи. В 2014 году, когда Горный праздновал свой столетний юбилей, купол церкви был восстановлен, и сейчас там небольшая часовня.

Получается, что к 1924 году самый первый и самый последний храмы Екатеринбурга носили имя святой Екатерины. А главное – сам город на протяжении всей своей истории буквально жил под сенью этого имени.

Горный собор

Но что означает «город жил под сенью» имени Екатерины?

Начиналось все с церкви, заложенной еще 1 октября 1723 года – то есть раньше, чем наступил день, который сейчас считается днем основания города. Церковь, которую освятил священник Тобольского полка Иван Ефимов, была «мазанкой», которую достроили к концу лета 1724 года. Мазанка – это очень простой способ строительства, когда любой материал, но чаще всего – кирпич, обмазывается глиной (или даже навозом, как это делали в украинских избах). В данном случае мазанковая церковь была построена в стиле фахверка (бревенчатый каркас конструкции, пустоты которого заполнялись кирпичами и глиной), получивший распространение от европейских мастеров. Здание имело 24 окна, закрытых слюдой и деревянный пол, а отапливалось тремя кирпичными печами. Колокольня имела девять медных колоколов.

С учетом грандиозности строительства завода, относительная примитивность этого строения может удивить. Однако вспомним, что на время строительства Санкт-Петербурга Петр I издал указ, запрещающий по всей стране каменное строительство – и все встает на свои места. Церковь назвали во имя Святой Великомученицы Екатерины.

Впрочем, даже если б и не было запрета каменного строительства, первая церковь все равно была бы «временкой» – строить каменный храм долго. Россия – и тогда, и в последующем, вплоть до 1917 года – это религиозное государство, в котором именно

церковь ведала рожденьями, смертями, браками. И город просто не мог долго жить без церкви, которая становилась его центром и основой.

Не менее важно было и название церкви, которая становится основой всего города. Совсем не случайно на первой печати города изображено колесо. Колесо считается символом святой Екатерины – из-за страшного орудия пыток, состоящего из надетых на ось колес, которыми ее пытались устрасить, чтобы заставить отречься от ее веры. Поэтому, например, на гербе латвийского города Кулдига, храм которого носит имя «святой Катрины» она изображена и мечом и колесом, и колесо – на флаге города. То же самое – в немецком городах Сан-Катаринен, Мембрис и даже одном из районов Берлина – Вайсензе. Не исключение и Россия – женщина с колесом и по сей день изображается, например, на гербе и флаге Муринского городского поселения в Ленинградской области. На первой печати и первом клейме Екатеринбургa, разработанных Василием Татищевым в 1734 году, центр также выполнен в форме колеса.

Первая церковь была уничтожена пожаром в 1747 году, удалось спасти лишь часть церковной утвари. В то время уже был достроен Богоявленский собор, который мог бы полностью заменить Екатерининскую церковь, однако на том же месте в 1758 году уже была заложена новая церковь, которую достроили и освятили в 1768 году.

Проект нового – каменного – храма разрабатывал петербургский архитектор, немец Иоганн Вернер Миллер, а строительство велось в том числе на народные деньги – в качестве пожертвований на храм было собрано около 2000 рублей. Миллер запланировал построить здание в стиле барокко с тремя приделами и шестигранным куплом в центральной части, но его несколько изменил межевщик горной канцелярии Афанасий Кичигин. По скорректированному проекту три придела получились отдельными зданиями, причем отапливались только боковые, поэтому центральный придел был холодным и службы там велись только в летнее время. После окончания строительства этот храм, который стал самым вместительным в городе, стали называть Екатерининским собором.

Здание храма с самого начала принадлежало горной администрации, и после строительства каменного здания у него появилось второе название – Горный собор, которое прижилось, и даже в официальных документах этот храм часто назывался Екатерининским горным собором. Именно в этом храме с самого начала его существования принимала присягу местная элита – горные инженеры, а затем и военнослужащие, в том числе екатеринбургские мушкетеры. Когда, в результате реформы, центр управления горными заводами временно переместился в Пермь, собор оставался в ведении Горной администрации. По традиции, в день святой Екатерины именно в этом храме собирались горные офицеры со всех уральских заводов, чтобы принять участие в торжественной литургии, а после службы рядом с храмом устраивалась ярмарка.

Кажется, именно тогда стало принято считать, что святая Екатерина – покровительница горного дела. В католической традиции святая Екатерина покровительствует многим: детям, женщинам, ученикам (как школьникам, так и студентам), библиотекарям, юристам, проповедникам, преподавателям и даже пряхам, точильщикам и ножовщикам, однако представителей горных профессий среди этого длинного списка нет.

И даже в русской православной традиции Екатерина лишь покровительствует невестам и защищает брак. Но Урал – это плавильный котел, который все, что в него попадает, переплавляет по-своему, и здесь святая Екатерина стала еще и покровительницей горного дела.

Не нужно, однако, считать, что Екатерининский храм был, что называется «узковедомственным». Те же ярмарки, которые по традиции устраивались в день святой Екатерины, который в народе называли Екатеринин день, Катерина Санница и еще десятками разных названий, предназначались всем горожанам. Поэтому, когда в 1833 году комиссия Пермской консистории выбрала в качестве кафедрального собора Екатеринбургской епархии Богоявленский собор, именно Горный собор остался наиболее чтим горожанами. Кроме того, именно в нем примерно с 1820 года хранились привезенные из Верхотурья мощи святого Симеона – первого местного святого на Урале. И именно день святой Екатерины продолжал оставаться главным городским праздником и нерабочим днем вплоть до 1917 года. А сама святая Екатерина стала считаться еще и небесной защитницей Екатеринбурга, названного в честь ее имени. А значит – и защитницей всех екатеринбуржцев.

Ситуация начала меняться в 1918 году, когда в январе (когда Екатеринбург был еще в руках большевиков) вышел декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», после которого церковное имущество начало национализироваться. В сентябре 1920 года была осуществлена перепись прихожан Екатерининского храма и зачем-то вскрыли мощи святого Симеона, а в 1922 году, при участии лояльного к властям протоирея Иоанна Уфимцева, начали изыматься церковные ценности, часть из них передали Уральскому обществу любителей естествознания, которым заведовал Модест Клер.

В 1924 году, как раз тогда, когда шла кампания по переименованию Екатеринбурга, в храме началась смута: на совете общины Екатерининского храма было принято решение не поддерживать присланного в город Священным Синодом архиепископа Аристарха, что было воспринято властями как поддержка опального патриарха Тихона, который предал анафеме Советскую власть. Вскоре властями была создана комиссия по проверке церковного имущества, которая предсказуемо выявила недостатки и прочие нарушения, после чего община храма была объявлена вне закона. В 1925 году комиссия передала храм новой общине, созданной под председательством И. Баландина, которая была создана при участии все того же протоирея Иоанна Уфимцева, который умел договариваться с властью. Начался скандал – противоборствующие стороны внутри общины храма начали обращаться с жалобами в окрисполком, что в итоге закончилось плохо для обеих сторон конфликта: Баландин был смещен, а Уфимцев исключен из общины (позже, в годы репрессий, его расстреляли), но на сохранившуюся при храме общину начались гонения.

В 1926 году местный «Союз безбожников» ликвидировал церковную библиотеку как «контрреволюционную», а общину обложили непомерными налогами. В 1929 году начался исход: повторно вскрыли мощи святого Симеона, после чего передали их городскому краеведческому музею. 19 января 1930 года из собора вышел последний крестный ход. 15 февраля Свердловский горсовет принял решение о закрытии храма, а уже 17 февраля

председатель горисполкома Анна Бычкова (взгляните как-нибудь на ее фото – это была женщина поистине демонической внешности) подписала решение о необходимости сноса храма – с формулировкой «для использования его остатков в качестве строительного материала».

Храм был взрван 6 апреля 1930 года – силами треста «Взрывсельпром». Кирпичи, оставшиеся после взрыва, были использованы для возведения двух советских зданий – Дома контор и Дома обороны.

Екатерининская площадь, на которой стоял храм, которая еще в 1919 году была переименована в площадь Труда, примерно тогда же начала менять свой облик: на ней установили декоративную «Арку труда» и монумент «Кузнецу мира». Ну а на месте уже снесенного храма был разбит сквер и установлен фонтан «Самоцветная горка», в отделке которого были использованы уральские минералы. В 1960 году этот фонтан был переделан и получил новое – Бажовское – название: «Каменный цветок».

18 августа 1991 года, как знак протеста против августовского путча, на месте, где расплагался алтарь Екатерининского собора, был установлен деревянный крест, возле которого с тех пор начали ежегодно в день святой Екатерины проводить молебны. В 1998 году, в честь 275-летия Екатеринбурга, рядом с крестом была открыта часовня Святой Екатерины, построенная всего за год по проекту архитектора Александра Долгова.

Идея восстановления большого Екатерининского собора начала обсуждаться на уровне губернатора области в 2010 году. Храм планировали поставить на площади Труда, однако это вызвало в обществе большую полемику – сквер уже стал популярным местом отдыха горожан. После нескольких акций протестов, обсуждение было закрыто. В 2018 году, в преддверии 300-летнего юбилея города, градостроительный совет согласовал концепцию строительства Екатерининского собора в новом месте – на Октябрьской площади, у театра драмы. Однако начавшиеся в мае 2019 года подготовительные работы к его строительству снова вызвали волну протестов горожан – площадка у театра драмы также является одним из известных в городе мест отдыха. Эти протесты, которые прогремели на всю страну, инициировали опрос по поводу строительства храма у жителей ближайшего микрорайона, результат которого был «против». Решено было выбрать другую площадку для строительства, для чего был устроен уже общегородской опрос, где победила площадка на территории бывшего Уральского приборостроительного завода (заметьте: того самого завода, на здании которого появилась надпись в виде вопроса: «Кто мы, откуда, куда мы идем?»). Однако к 300-летию юбилея города Екатерининский храм так и не был построен.

Вывод можно сделать такой: после сноса Екатерининского собора Екатеринбург окончательно превратился в советский Свердловск, а обратное его переименование горожане восприняли именно как новое переименование, а не как возвращение исторического имени города. А наложение названия «Екатеринбург» на улицы и площади советского Свердловска не вернули горожанам настоящий Екатеринбург. В результате возник кризис самоидентификации города, в результате которого горожане перестали интересоваться и историей города, и своими собственными корнями.

Ну а те, кому небезразлична история родного города, в большинстве своем тоже попали в ловушку, которая была расставлена еще при Советской власти. Суть этой ловушки проста: город назван в честь Екатерины I, а она... ну так скажем, не образец для подражания. Забывая при этом о том, что Екатерина была лишь проводником для названия города в честь ее имени, также как Екатерининский собор был лишь проводником для того, чтоб святая Екатерина стала небесной защитницей города и всех горожан.

Поэтому сейчас город, по сути, остается лишен и главного своего храма, и своей небесной защитницы.

Эпилог

Несколько журналистских опросов (других не было), которые проводились на улицах Екатеринбурга в разные годы, показывают, что большинство горожан считают, что город назван в честь... Вы догадались правильно: в честь Екатерины II.

Причина таких ответов на поверхности: Екатерина Великая куда более известная императрица, чем ее предшественница Екатерина I, и поэтому люди, поверхностно знающие историю, проговаривают в первую очередь то историческое имя, которое больше «на слуху».

Однако из такого ответа также можно сделать еще пару выводов. Первый: екатеринбуржцы в целом не интересуются историей своего города, и об этом мы с вами уже знаем. И второй: Екатерина I еще в советское время была настолько дискредитирована, что нам подсознательно не хочется ассоциировать именно с ней название своего города. Оба этих вывода – результат наследия советского прошлого, которое по-прежнему «сидит» в каждом из нас.

Однако оставим тех, кто не знает историю, хотя, если таких и правда большинство, то в результате голосования горожан нам бы пришлось ставить в центре города памятник Екатерине II. Обратимся к тем, кто знает «правильный ответ» и уверенно отвечает на этот вопрос, что город назван в честь Екатерины I. Абсолютное большинство из них даже и не подозревают, что в городе, который назван «в честь имени» конкретная личность Екатерины I является лишь проводником к той, в честь имени которой она, урожденная Марта Скаврнская, была названа – святой Екатерины. Однако это прекрасно понимали наши предки, жившие в старом Екатеринбурге: там в честь Екатерины I ставили скромный бюст, а в честь святой Екатерины – огромный собор.

Когда говорят, что «Екатеринбург назван в честь Екатерины I» забывают о том, что сам де Геннин употреблял другие выражения: «в память высокочтимого имени вашего величества» и «во имя вашего величества», а Екатерина в ответ «благодарствует» «за название во имя нас завода новопостроенного» – само выражение «в честь» в России получило распространение лишь в XIX веке. Если же говорить по сути, то Екатеринбург назван в честь Екатерины I не в большей степени, чем Санкт-Петербург в честь Петра I. Хотя с таким утверждением обязательно начнут спорить историки, которые скажут: если б город

хотели назвать в честь святой Екатерины, то тогда он должен был бы называться Санкт-Екатеринбург. За таким утверждением опять же стоят многие годы совестного прошлого, когда города и впрямь называли в честь конкретных людей. Как будто Петропавловску обязательно нужна «святая» приставка «Санкт», чтобы понимать, что этот город назван в честь апостолов Петра и Павла.

Нужно ли, однако, поднимать кампанию за то, чтобы Екатеринбург официально носил имя святой Екатерины? Скорее всего, такая кампания ни к чему не приведет. Куда было бы лучше, если бы люди начали понимать, что имя – это символ, который несет в себе больше одного смысла, и в этом случае имя Екатерины и ничуть не мешало бы имени святой Екатерины. Как говорится, кесарю кесарево, а Богу Богово.

В те времена, когда горожане это понимали, их главным проводником к святой Екатерине был Екатеринбургский собор. Может ли решить эту проблему возвращение городу такого собора? Опять же, само наличие в городе такого собора мало что изменит. Судя по реакции горожан – уже «распалась связь времен» и нынешние екатеринбуржцы не воспринимают такой храм как главный символ города. Мало того – у города уже появились новые символы. Главным городским храмом сегодня, например, считается Храм на Крови, поставленный на месте расстрела царской семьи, который к тому же сегодня многими воспринимается в большей степени как туристический объект, чем как место скорби над страшным преступлением. А в умах людей борются между собой уже не Свердлов и две Екатерины, а «Ебург», «Катер» и «Екб»...

Можно ли это как-то изменить? Можно, если имя святой Екатерины сделать «визитной карточкой» города, а какой-то объект – которым, к примеру, может стать и Екатеринбургский собор – точкой притяжения горожан.

Пожалуй, это непросто, но зато в этом случае Екатеринбург имеет шанс вновь обрести свое гордое имя – град Екатерины.

Рис. 53. Арт-инсталляция «Кто мы, откуда, куда мы идем?»

Рис. 54.
Яков Свердлов, в честь которого был переименован Екатеринбург в 1924 году

Рис. 55.
Екатеринбург, бюст Екатерины I
(начало XX века)

Рис. 56.
Икона великомученицы
Екатерины Александрийской

Рис. 57
Бюст римского императора Максимина

Рис. 58. Египет, монастырь Святой Екатерины у подножия горы Синай

Рис. 59
Классический средневековый сюжет:
мистическое обручение святой Екатерины
(картина Паоло Веронезе, XVI век)

Рис. 60
Придомовой храм Екатерины Великомученицы (2-й учебный корпус
Уральского государственного горного университета)

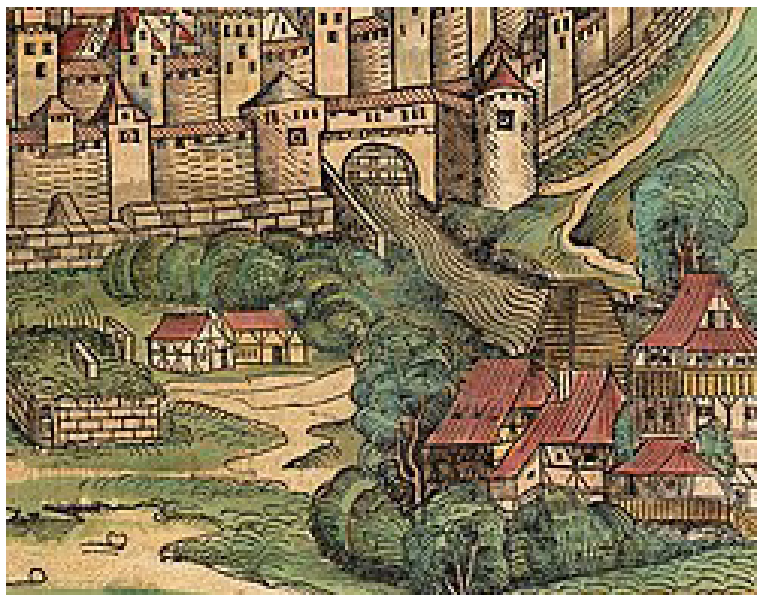

Рис. 61. Фахверковые (мазанковые) строения (Нюрнберг, XV век)

Рис. 62. Первоначальный проект каменного храма Святой Екатерины (1743 год)

Рис. 63. Вид на храм Святой Екатерины (фото С. Прокудина-Горского, 1909 год)

Рис. 64. Вид на Екатеринбург со стороны пруда (фото С. Прокудина-Горского)

Рис. 65. Екатерининская площадь: центральный вид на собор (фото начала XX века)

Рис. 66
Модест Клер, председатель Уральского общества любителей естествознания, которому передали ценности из храма Святой Екатерины

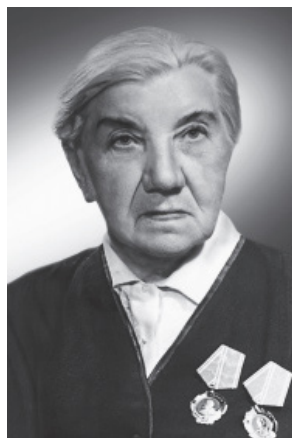

Рис. 67
Анна Бычкова, председатель Свердловского горсовета, подписавшая распоряжение о необходимости сноса храма

Рис. 68
Советский Свердловск, площадь Труда

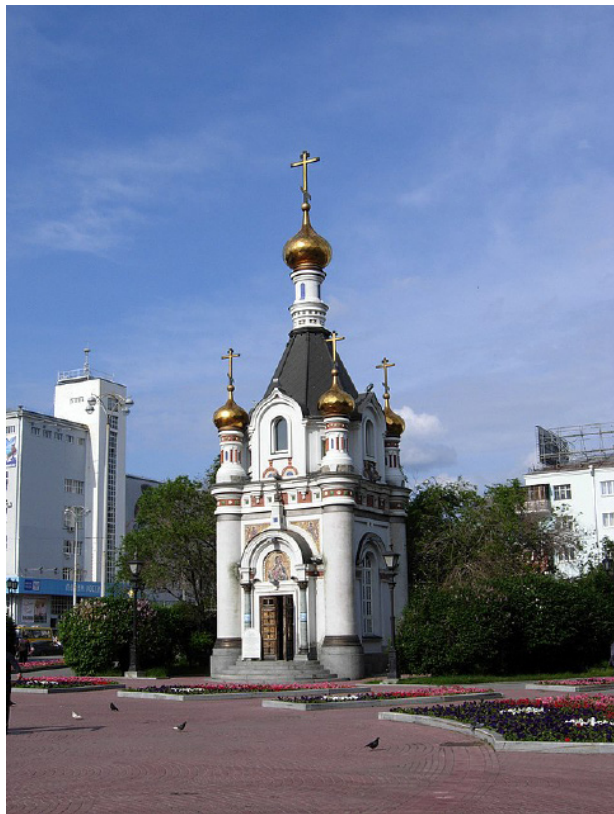

Рис. 69
Современная часовня
Святой Екатерины

Рис. 70. Проект храма Святой Екатерины в сквере у Театра Драмы,
который вызвал протесты горожан

Приложение

Письмо В. Геннина императрице Екатерине о строительстве крепости и завода на р. Исети и наименовании их Екатеринбургом.

12 июня (23-го по новому стилю) 1723 г.

Всемиловитейшая государыня, императрица и великая княгиня Екатерина Алексеевна, всемиловитая наша матушка!

Всенижайше доношу вашему императорскому величеству, что я, раб ваш, в Сибири з женою своею жив, токмо дочь моя едина бывшая отиде к Богу в вечныи покои. И живу здесь при работе, уповая на Бога и на ваше величество, чтоб незабвен был.

Всепокорне прошу вашего величества, дабы повелено было мне, нижайшему, по окончании здешнего дела, паки ехать к вашему величеству и пасть пред ногами вашими за такое ваше милосердие. И понеже я, нижайшеи, ездил прешедшею зимой во всех здешних дистриктах, осмотрел в горах руды медные и железные, и изготовил материалы где способно строить и размножить медных заводов и железных и сталных фабрик по указу его императорского величества, то я зачал при реке Исете, где место сыскал лутчи: воды довольно, и лесов, и руды многа лета. И около оных заводов зачал крепость делать, чтоб башкиры, наши соседи, не смогли ее разорить. А оную крепость и завод осмелился именовать до указу Катериненбурх, а заводы – Катеринбургские, в память высокославного имени вашего величества. Для того во имя вашего величества велел именовать, что на Олонце построены заводы и именованы во имя его императорского величества, а сим заводам надлежит именованым быть во имя вашего величества, однако ж о том ожидаю указу. А строяцца ныне завод приписных слобод крестьянами, а за работу им зачитаецца за подат по два гроша на день человеку, а доимки на них много, а платить денгами не могут, то они за тое доимку лутчи могут зарабатывать. А каковы те заводы и крепость, тому объявляю абрес пространно, которыи высмотря, позволите показать всемиловитейшему нашему государю и благодетелю моему, и что он скажет, то пожалуи, прикажи кому-нибуд писать, для того, я уже при письма к нему писал о сво делах нужнейших, а он не ответствовал, разве недосуг или письмо мое не смеет никто ему дать или он сам не хочет читать. А я право и не докучаю ему в тех писмах о деревнях опалных, хотя у меня ни единого дворишка нет пуцаи перед счастливыми, и ни о чем кроме ево дел любезнейших, о строении и умножении заводов, и что ко оному надобно для исполнения ево указу, имею попечение, чтоб я ему угодил для пользы государства вашего. А у оной крепости работает полк солдат пехотных, котороые присланы ис Тоболска для обережи пока завод построица, а жалованя им дастца толко по одиннатцати алтын человеку в месяц, да провиант, а понеже в Питербурх салдатом, которые при работах, дастца сверх жалованья на работные дни по алтыну на летней день человеку, а я хотел оным салдатам сверх жалованья давать на работные дни вполы против питербургского сверх их жалованя, толко без указу давать не смею, чтоб на мне после не было не доправлено. И о том я преж сего писал, толко указ еще от хозяина вашего не получил. А оную крепость и завод надеюсь нынешним летом построить, а как построятца, пред Олонецкими заводами железные всякие припасы впрעד будут гараздо становиса дешевле для того, лесов и руд довольно, и места хлебородные, и работников наймовать можно дешевле ж.

В протчем остаюсь вашего величества, всемиловитейшей нашей государыня всепокорнейшии раб

Вилим Геннин.

Екатеринбурх, июня 12 день 1723 году.

P.S. При сем прилагаю до вашего императорского величества, нашей всемитовитейшей государыни матушки новои очищательной фабрики, какова в России не бывало, превои плод – из чистои меди презентом талер, и желаю дабы государь даровал с него кушать с его императорским величеством, с своим хозяином во здравие и радость.

Источник: Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Екатеринбург: Банк культ. информ., 1995. С. 90-92.

Письмо Екатерины Алексеевны В.И. Генину о согласии Петра I назвать Исетские заводы Екатеринбург / Катериненбурхом.

28 августа (8 сентября по новому стилю) 1723 г.

Благородный господин генерал мазор.

Письмо ваше июня от 12 дня чрез адъютанта вашего Шкадера до нас дошло, купно с чертежем новопостроенного заводу на реке Исете и с подносом медным, зделанным на оном заводе, и оной чертеж, и поднос, и письма ваши его императорское величество изволил смотреть, и угодно оное его величеству явилось, за что к вам его величество изволил писать з благодарением, и притом указал давать салдатом за работу, сверх их жалования, по три денги на день, а о протчих делах указ к вам от его величества прислан будет впредь.

Что же вы писали, что построено на Сете завод именовали, до указу Катериненбурх, и оное тако ж его величеству угодно. И мы вам, как за исправление положенного на вас дела, так и за название во имя нас завода новопостроенного, благодарствую.

На подлинном приписано тако:

Впрочем пребываем. Императрица Екатерина.

Из Санкт Питербурха, августа 28 дня 1723 году.

Источник: Рукописный документ XVIII века из фонда государственного архива Свердловской области (шифр: 24123A162 – 1 лист с оборотом).

